

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ОТЕЧЕСТВО В ГОСБЕЗОПАСНОСТИ!
- ОСКВЕРНИТЕЛИ ПРАХА
- КРОВЬ И КУЛЬТУРА
- ИНСТИНКТ ВЛАСТИ

НЕОБУСТРОЕННАЯ РОССИЯ

- СОЦИАЛИЗМ В ЖАНРЕ ФАРСА
- РЕФОРМЫ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ
- БОЛЬШАЯ НОША МАЛЫХ НАРОДОВ
- ТРАГЕДИЯ РАУЛЯ ВАЛЛЕНБЕРГА

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Крониды Любарского, Бориса Хазанова и Эйтана Финкельштейна. Обложка худ. Б.Рабиновича. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

Представители журнала:

В Москве – Сергей Лезов (125167, Ленинградский просп., 45, корп. 4, кв. 367).

В скандинавских странах – Борис Вайль (Det Kongelige Bibliotek, Chr. Brygge 8, 1219 København K, Danmark).

В Израиле – Рафаил Шапиро (Rehov Halot, 41/9 Gilo, Jerusalem 93384 Israel).

Стоимость годовой подписки в Европе 75 нем. марок, в США, Канаде и Израиле – 60 ам. долларов, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 70 ам. долл. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера – 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политическое обозрение	1
Страна сегодня	10
<i>Р.Бахтамов. КГБ в третьем приближении</i>	13
<i>К.Эндрю, О.Гордиевский. КГБ во времена Горбачева</i>	25
<i>К.Любарский. Судьба Рауля Валленберга</i>	35
<i>"У меня размеренная тактика"... Беседа с Олегом Калугиным</i>	53
<i>В.Фаст. Безнаказанность</i>	64
<i>Л.Баткин. Как не повредить обустройству России</i>	74
<i>А.Валтон. Об империализме</i>	94
<i>О.Пидлуцкий. Не согласен, Александр Исаевич</i>	97
<i>Г.Уманов. Открытое письмо А.Солженицыну</i>	99
<i>"Каждый народ вносит свою лепту в культуру". Беседа с Евдокией Гаер</i>	102
<i>Б.Шишло. Первая победа "малых народов"</i>	108
<i>Л.Радзиховский. Почему мы не дошли до "1984"?</i>	113
<i>В.Чаликова. Модернизация и революция</i>	125
<i>В.Рамм. О любви, законе и товарно-денежных отношениях</i>	129
<i>К.Меса-Лаго. Экономическая контрреформа Кубы</i>	134
<i>С.Рассадин. ...И барский гнев, и барская любовь</i>	151
Частное заявление и комментарий	158

Das Land und die Welt e.V.

Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany

Tel. (089) 530514. Telex 5218017 unbt d. Telefax 534603

Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)

Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178-5036

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

БАГДАД НАБИРАЕТ ОЧКИ

На удивление спокойно прореагировал официальный Багдад на единодушное осуждение мировым сообществом разбойничьего захвата соседней страны. Правда, в первый момент там нервничали. Отсюда и истерические призывы к священной войне с неверными (сионистами и американскими империалистами), и неуклюжая попытка представить дело так, будто бы в Кувейте произошел государственный переворот, а «ограниченный контингент» иракских войск всего лишь пришел на помощь восставшим. Но продолжалось это недолго. Как только Совет Безопасности ООН наложил эмбарго на торговлю с Ираком, как только корабли военно-морских сил США установили блокаду этой страны, как только стало ясно, что Запад, Восток и практически весь арабский мир будут противостоять агрессии сообща, в Багдаде начали действовать быстро, решительно, без лишнего слов.

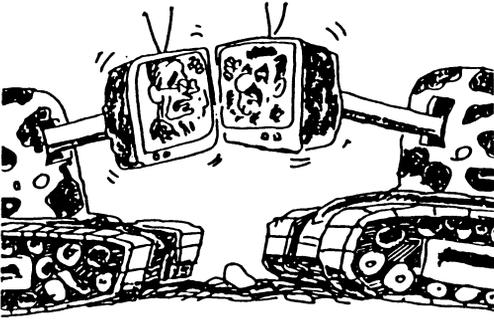
Забыв о «государственном перевороте», Багдад официально аннексировал Кувейт, закрыл там с помощью силы посольства и иностранные представительства, приступил к уничтожению всего, что в той или иной степени напоминало о государственной самостоятельности теперь уже «провинции» Кувейт. Специальные подразделения иракской армии демонтировали и вывезли в «метрополию» оборудование главного аэропорта, центрального радио и телевидения, телеграфа и других правительственных и государственных учреждений, ограбили и закрыли банки, конторы и представительства крупных, в том числе

международных, компаний, попросту закрыли многие учреждения и даже снесли их здания. Под шумок разговоров о большой войне из Кувейта начали изгонять местное население — главным образом, большие и влиятельные семьи коренных кувейтцев. (По некоторым сведениям, в Саудовской Аравии находится от 70 до 80 тысяч беженцев из Кувейта.) А на место изгнанных начали завозить из Ирака оставшихся военнослужащих иракской армии, ветеранов войны с Ираном и других «верных сынов отечества». В считанные недели страна, излучавшая покой и благополучие, превратилась в пыльную, захудалую и обезлюдившую провинцию, наводненную невиданным количеством солдат и военной техники.

Зачем понадобилось Хусейну в столь тревожной обстановке, в ситуации с совершенно неясным исходом тратить силы и средства на вывоз из Кувейта, скажем, банковского оборудования? В западной прессе часто высказывалось мнение, будто Хусейн просто позволил своим солдатам и генералам «порезвиться» за чужой счет. Но дело тут вовсе не в мародерстве. За всем этим стоял трезвый расчет. И действительно, одно дело — освободить страну от захватчиков, другое — когда страна-то уже нет...

Впрочем, эту карту Саддам Хусейн еще выложит на стол, а пока что он более всего озабочен тем, что международные силы, сосредоточенные на территории Саудовской Аравии, вот-вот нанесут сокрушительный удар по его доблестной армии. Предотвратить удар, оттянуть начало военных действий, во что бы то ни стало выиграть время — вот главная задача Хусейна! Недолго думая, претендент на роль освободителя арабских народов приказывает захватить иностранных граждан, находя-

*Когда же война?
Еврооборона
Досье*

шихся в Кувейте и Ираке, и разместить их на военных базах, аэродромах, военных заводах и в правительственных учреждениях Ирака. Из американцев, британцев, французов и граждан многих других стран образуют «живой» щит, чтобы «прикрыть» военно-стратегические объекты агрессора.

Конечно, не Хусейн изобрел институт заложничества, но чтобы тысячи иностранных граждан арестовывались по прямому указанию главы государства и использовались в качестве живых мишеней – такого мир не знал со времен Гитлера! Но в тот момент Хусейну нечего было терять – роль джентльмена он будет разыгрывать несколько позже.

Возможность для этого представилась в середине сентября, когда стало ясно, что американские войска, сосредоточив достаточно сил для нанесения удара, наносить его вовсе не торопятся. Хусейн вздохнул с облегчением, сменил маску и вышел на сцену в новой роли.

Нет, нет, он – президент Саддам Хусейн – вовсе не кровожадный тиран, каким его рисуют западные карикатуристы. Доказательства? Пожалуйста. Все женщины-иностранки с детьми могут покинуть страну. Он, Хусейн, им это милостиво разрешает. Вот сцена, обошедшая телевизионные экраны мира: заботливый, внимательный джентльмен в прекрасно сшитом костюме беседует с группой женщин и детей европейской наружности. «Ты хочешь домой? – Добрый дядюшка гладит по головке белобрысого мальчика. – Уезжай, пожалуйста. Я вовсе не хочу никому причинять зла. Моей стране угрожают...» Дешевка? Верно, дешевка, но и здесь точный расчет: Хусейн, мол, гибкий политик, с ним можно торговаться, вести переговоры.

Расчет оправдался: «покупатели» зачистили в Багдад.

Первым на поклон к «Багдадскому вору» отправился – кто бы вы думали? Конечно же, президент Австрии Курт Вальдхайм. Был ли Вальдхайм уведомлен заранее, что его «миссия» непременно

увенчается успехом? Об этом можно только догадываться. Наверняка мы знаем только то, что ценой освобождения девяти австрийских заложников Вальдхайм предотвратил обструкцию президента С.Хусейна, которой тот, без всякого сомнения, заслуживает. После Вальдхайма Багдад посетил премьер-министр Японии, в двадцатых числах октября с Хусейном беседовал бывший премьер-министр Великобритании Эдвард Хит, собрали чемоданы для поездки в Ирак Вилли Брандт и Ясухиро Накасонэ. Визитеры рангом ниже наведывались в Багдад один за другим.

Саддам Хусейн расточал высоким гостям улыбки и преподносил в качестве подарков... заложников. Войдя во вкус, он просто-напросто устроил аукцион. Сделает то или иное правительство позитивный жест в сторону Багдада – получай своих людей! И чем шире жест, тем больше заложников покидают Багдад. Отставной британский премьер, в частности, удостоился чести захватить с собой 30 британских заложников (из 2400). Правительство в Багдаде распорядилось отпустить восьмерых шведов и заявило при этом, что если шведский министр иностранных дел Андерссон нанесет визит в Ирак, все 70 шведских граждан смогут вернуться домой. Наиболее пикантная ситуация сложилась в связи с освобождением заложников-французов. Когда в двадцатых числах октября иракский парламент «принял решение» освободить 300 французов, находившихся в Ираке и Кувейте, все недоумевали: неужели Париж спасовал перед президентом-террористом? В Елисейском дворце категорически отрицали существование какой-либо сделки с Хусейном. Но вот 29 октября серебристая «Каравелла» приземлилась в аэропорту Шарль де Голль, и из самолета вместе с заложниками вышли... французские дипломаты, аккредитованные в Кувейте. МИД Франции, как оказалось, распорядился закрыть посольство страны в Кувейте, чего так долго и упорно добивался Хусейн.

Странное дело, Ирак осужден мировым сообществом, на торговлю с этой страной наложено эмбарго, от которого страдают ее рядовые граждане, а вот президент Саддам Хусейн как будто ни при чем. Президент как президент – решает государственные дела, принимает высоких гостей, выступает по американскому телевидению. Курт Вальдхайм, надо думать, сильно завидует коллеге – ведь он всего лишь скрыл какие-то факты своей биографии и подвергся за это всеобщему остракизму, а Саддам Хусейн, которого давно ждет новый Нюрнбергский процесс, едва ли не купается в лучах славы...

Можно спорить, что помешало естественному ходу событий – нанесению военного удара по агрессору, когда для этого было накоплено достаточно сил, – нерешительность ли президента Буша или изворотливость Саддама Хусейна. Одно несомненно – в ситуации, когда из Багдада каждую неделю отбывает небольшая группа заложников (а телевизионные станции мира с умилением демонстрируют сцены встреч несчастных в разных аэропортах), отдать приказ о начале военных действий становится все труднее.

Итак, Хусейн выиграл время и получил возможность приступить к решению задачи номер два – попыткам прорвать кольцо блокады.

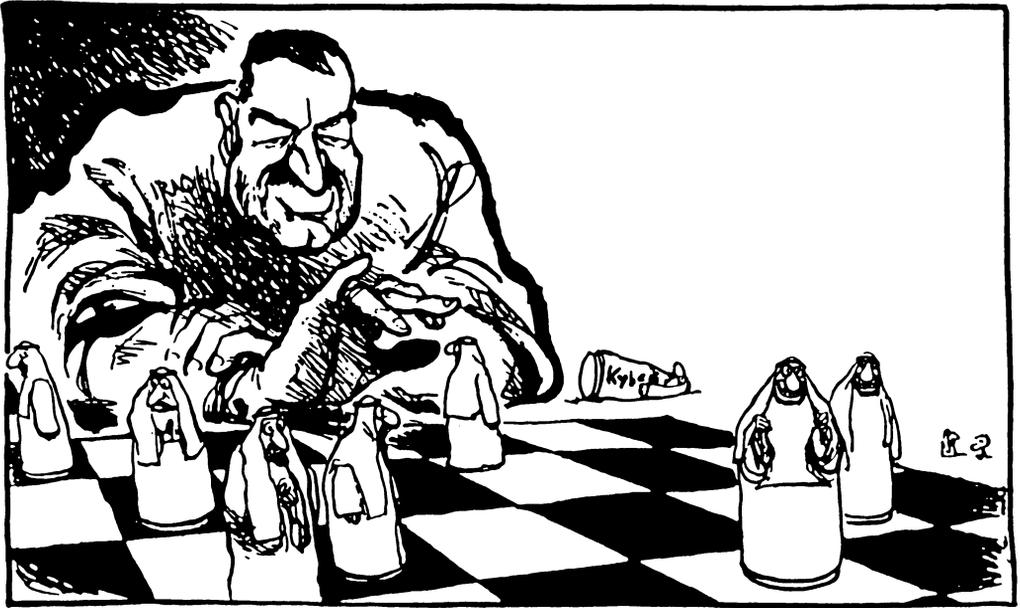
Семь лет воевал Ирак с Ираном. Весь военный и экономический потенциал страны, сотни тысяч солдат, миллиарды долларов из собственной казны и из жертвований союзников (в том числе, Кувейта) мобилизовал Саддам Хусейн, чтобы сокрушить ненавистного аятоллу из Тегерана. Свергнуть Хомейни не удалось, осталось сделать вид, будто Ирак выиграл войну. В качестве доказательства «блистательной победы» Хусейн продемонстрировал миру захваченные участки каменистой пустыни и иранских военнослужащих, сдавших в плен, чтобы не попасть в руки собственных стражей революции. Впрочем, сегодня мало кто помнит, из-за чего

началась «странная война», и еще меньше тех, кто знает, чем она закончилась. Напомнил об этом сам Саддам Хусейн.

В то время, когда американские солдаты еще только выгружались с кораблей и самолетов на военные базы Саудовской Аравии, Хусейн неожиданно заявил, что хочет помириться с северным соседом, готов вернуть ему захваченные территории и отпустить всех иранских военнопленных. Более того, он готов восстановить с бывшим врагом дипломатические отношения.

Реакция Тегерана не заставила себя ждать. Там, понятно, приняли предложение Хусейна, но подчеркнули, что Иран по-прежнему осуждает агрессию Ирака и не будет нарушать эмбарго, наложенное Советом Безопасности ООН на торговлю с этой страной. В искренности Тегерана можно усомниться – слишком уж быстро он получил назад потерянные территории, слишком гладко прошел обмен пленными, слишком поспешно были восстановлены дипломатические отношения между бывшими смертельными врагами. Если же учесть, что режимы в Багдаде и Тегеране духовно близки и в равной мере враждебны Западу, легко предположить, что какие-то важные услуги Тегеран все-таки оказал Багдаду.

С другой стороны, о существовании иорданской «дороги жизни» широко известно. Тем не менее в Вашингтоне и других

западных столицах предпочитают закрывать на это глаза. Дело в том, что иорданский король оказался в очень сложном положении. Достаточно Багдаду захотеть, и «народные толпы» палестинцев, симпатизирующих Саддаму Хусейну, сметут не только королевский трон, но превратят самое королевство в новый Ливан. Так что Белый дом, как видно, предпочел смириться с существованием иорданской шели в кольце блокады вокруг Багдада, но не подвергать риску относительно умеренный иорданский режим.

И все же главное оружие Хусейна в борьбе с экономической блокадой — отнюдь не поиск тайных каналов снабжения, а его собственный тиранический режим. Когда эксперты Белого дома докладывают президенту Бушу, что в условиях эмбарго режим Хусейна может продержаться еще столько-то и столько-то месяцев, они ошибаются, независимо от того, какую цифру называют. Хусейн может продержаться сколь угодно долго. Действительно, военно-политическая верхушка Ирака от эмбарго не страдает. Что касается армии, то ее боеспособность и лояльность можно еще очень долго поддерживать за счет гражданского населения. Режим Хусейна не привык считаться с нуждами рядового человека. Во имя интересов населения Хусейн не только не ударит пальцем о палец, но, напротив, прикажет, когда это понадобится, отобрать у людей последний кусок хлеба и уж ни минуты не поколеблется отдать приказ о массовых казнях недовольных. Увы, и в наше время существуют политики, верящие, что тиранию типа

режима Саддама Хусейна можно поставить на колени с помощью экономической блокады. Наивность этих людей, похоже, дорого обойдется миру.

Задержка с началом военной операции открыла перед Хусейном широкие возможности и для политического маневрирования. Попытки расколоть единый фронт противников, вызвать трения между западными правительствами и правительствами арабских и мусульманских стран Хусейн начал предпринимать сразу же, как только угроза немедленного удара миновала. В середине сентября он выдвинул план «всеобщего урегулирования на Ближнем Востоке». План в принципе предусматривал вывод иракских войск из Кувейта, но при обязательном условии, что израильские войска оставят захваченные территории, а сирийцы уйдут из Ливана. На приманку Хусейна никто не клюнул, но всем стало ясно, какую «масть» будет разыгрывать багдадский диктатор.

События не заставили себя ждать. 8 октября в Иерусалиме произошла кровавая драма, в результате которой 22 араба были убиты, а 150 — ранены. Такого «город мира» не знал со времен Шестидневной войны 1967 года. Конечно, легко обвинить израильскую полицию в головопашестве и безответственности, но факт остается фактом — налицо провокация, спланированная в Багдаде. Те, кто стоял за кулисами событий, не только не скрывают причастности к побоищу на Храмовой горе, но, напротив, угрожают повторить «акцию», «усилить борьбу с сионистским врагом». Можно не сомневаться — успеха они

добьются. При существующем в Израиле положении дел никакая сила не в состоянии предотвратить террористические акции, в которых должно погибнуть... как можно большее число арабов. А ведь именно так перед Арафатом или Абу Аббасом ставит задачу Саддам Хусейн!

Провокация 8 октября все же не привела к желательным для Багдада политическим последствиям. Демонстративное осуждение Израиля в Совете Безопасности ООН, поддержанное Соединенными Штатами, стало той ценой, которую пришлось заплатить, чтобы сохранить единство арабских и западных стран. Однако ясно – Хусейн выбросил не последнюю и не самую старшую карту своей колоды. Как будут реагировать в арабских столицах на очередное кровопролитие в Иерусалиме, Газе или где-то еще на оккупированных территориях? Что случится, если Саддам Хусейн пустит в ход козырную туз и попытается втянуть в военные действия Израиль? Не надо быть пророком, чтобы понять – в этом случае весь Ближний Восток превратится в сплошное поле битвы, где все будут сражаться против всех. Предотвратить такой поворот событий, вырвать козырную карту из рук Хусейна могла бы быстрая и решительная военная операция, ради которой на территории Саудовской Аравии и сосредоточены мощные военные контингенты США и других стран мира.

Но то, что должно было случиться, не случилось. Вероятность превращения ближневосточного региона в пылающий костер увеличивается день ото дня. ●

Эйтан Финкельштейн

ЕВРООБОРОНА: ПРЕКРАСНАЯ ИДЕЯ, НО СРАБОТАЕТ ЛИ ОНА?

Когда человек сваял дурака, смущение иногда помогает ему собраться с мыслями, чтобы в следующий раз вести себя умнее. К сожалению, гораздо чаще он лишь злится и дуется. Такая опасность грозит сейчас Европе при решении серьезного вопроса о том, как европейцам защитить самих себя в период, наступивший после окончания холодной войны.

Европейское сообщество сваяло дурака в Персидском заливе, внося свой вклад в антисаддамовскую армию в виде некорректированных национальных единиц, а не в качестве единой Европы, какой оно хотело бы быть.

В данном случае это не так уж важно. Лучше несколькими странами внести свой

весомый вклад – что касается Великобритании и Франции, то довольно-таки большой, – чем сидеть до сих пор в очередном комитете, обсуждая «надцатый» проект плана развертывания вооруженных сил двенадцати стран. Но Европейское сообщество утверждает, что оно хочет действовать как единое целое. А этого-то, к сожалению, в Персидском заливе добиться не удалось.

В настоящее время выдвинуты два предложения, как сделать, чтобы Европа в будущем вела себя более по-европейски. Одно предложение крайне радикального свойства, другое – более осторожное. Но и в том, и в другом при ближайшем рассмотрении многие вопросы остаются без ответа. Это помогает составить представление о том, какой может быть и какой не может быть «европейская» политика в отношении внешнего мира.

Более радикальная идея была высказана Италией, которая хочет, чтобы Сообщество взяло на себя роль Западноевропейского союза – организации, в которой девять стран Сообщества (без Ирландии, Дании и Греции) туманно рассуждают о военных вопросах. Звучит внушительно, но остается много неясностей.

Итальянцы не объясняют, как Сообщество должно принимать свои военные решения. Так же, как это происходит в отношении других дел Европейского сообщества, как это предложила Брюссельская комиссия? Или по инициативе Совета министров, состоящего из министров иностранных дел или министров обороны двенадцати стран? Если последнее, то смогут ли все двенадцать прийти к единому мнению? Никто не знает.

Другое предложение решает этот вопрос, но лишь до определенной степени. Министр иностранных дел Франции Ролан Дюма предложил, чтобы главы правительств двенадцати стран сообщества единогласно решили, какие проблемы за пределами Европы требуют единого, «европейского» ответа. После этого Совет министров будет определять европейскую политику по этим вопросам.

По этому пункту предложение Дюма пользуется поддержкой большинства членов Сообщества. Но затем возникает действительно трудный вопрос: каким образом принимает решение Совет министров? Некоторые правительства отвечают: «квалифицированным большинством». Чем больше страна, тем больше голосов она имеет и в Совете министров. При таком способе голосования Совет может, например, принять политику в районе Персидского залива, если только две из четырех больших стран плюс одна малая или одна

большая страна, плюс две или три другие не заблокируют путь к этому решению.

Говорят, что немцам эта идея нравится. Французы не исключают в некоторых случаях голосование квалифицированным большинством. В других случаях — когда им не хотелось бы остаться в меньшинстве, — они предпочли бы, чтобы решения принимались единогласно. Да здравствует вето!

Между принятием решений большинством голосов и принятием решений с использованием права вето существует огромная разница.

Ясно, что Сообщество только лишь начало думать о всех последствиях «общей внешней политики и политики в области безопасности». Прежде чем этот вопрос обсуждать дальше, двенадцать стран должны проанализировать основные трудности, через которые придется пройти любой серьезной европейской политике.

Прежде всего, любая политика, которая может привести к военным действиям, должна гарантировать, что европеизация политики не уменьшит эффективности этих действий. Поиски соглашения в Европейском сообществе не должны приводить к отсрочке прибытия вооруженных сил туда, где они необходимы, или к их сокращению. Хорошо чувствовать себя «европейцем», но плохо чувствовать себя слабым.

Во-вторых, особенно важно, чтобы механизм «европолитики» не обрекал порой Европу на полное бездействие. Предположим, что двенадцать глав государств согласились, что проблема должна решаться на европейском уровне. Они передают ее на рассмотрение Совета министров. Но, к несчастью, Совет не может прийти к согласию ни единодушно, ни квалифицированным большинством. Смогут ли отдельные страны сделать то, что считают необходимым, коль скоро вопрос был объявлен «европейским», пока главы правительств не согласятся (единодушно?) деевропеизировать Европу.

В-третьих, никакая европейская политика не должна затруднять Европе сотрудничество с Америкой, если оно — в интересах Европы. Риск нарушить это правило гораздо больше, чем большинство людей себе представляют. «Как нам в этом вопросе вести себя по-европейски? Ну, конечно, поступая иначе, чем Америка». Так в глубине души рассуждают многие.

Конечно, иногда европейские интересы могут отличаться от американских. Но если истекшие несколько месяцев нас чему-нибудь научили, так это тому, что в большинстве действительно серьезных международных вопросов Европа и Америка думают одинаково. Если только Ев-

ропа не готова увеличить свои расходы на оборону, — а очевидно, она этого не хочет, — ей по-прежнему нужна американская военная помощь. Это справедливо и для самой Европы, и для других регионов вроде Персидского залива.

Прислушаемся к спорам внутри самого Сообщества по вопросам внешней политики и обороны, а затем спросим, как все это будет работать в районе Персидского залива. Уже до конца этого года страны, чьи солдаты посланы в район залива, вероятно должны будут решить, отдать ли войскам приказ начать военные действия против Саддама Хусейна. Представим себе, что европейская система, предложенная господином Дюма, к тому времени уже введена в действие (сам господин Дюма думает, что ее следует применить в районе залива).

Сможет ли Европа принять решение? Если нет, смогут ли страны, пославшие войска в район Персидского залива, отдать своим солдатам необходимые приказы без одобрения других европейских стран, которые думают по-иному? И можно ли принять решение быстро, чтобы не подвергать опасности планы американцев, Саудовской Аравии, египтян и других союзников?

Если ответы на все эти вопросы положительны, то Европа находится на пути к обретению своего собственного голоса в мире. Если хотя бы на один вопрос ответ отрицательный, то лучше еще раз सेсть и продумать проблему заново. ●

Брайан Бидхэм

ДОСЬЕ "ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБОЗРЕНИЯ"

ЕВРОПА В ОЖИДАНИИ НАШЕСТВИЯ

Правительственные эксперты западноевропейских стран не на шутку встревожены: поток беженцев из стран Восточной Европы и Советского Союза постоянно нарастает, десятки тысяч людей пересекают границы и всеми правдами и неправдами пытаются осесть в Западной Европе. Миграция с Востока на Запад, по мнению многих специалистов, грозит вылиться в одну из серьезнейших европейских проблем следующего десятилетия. Перспектива массового переселения вызывает озабоченность общественности и вынуждает правительства стран Западной Европы предпринимать какие-то шаги с тем, чтобы ограничить поток незваных гостей.

Хотя до практических шагов еще далеко, работа в этом направлении уже начата. Недавно в печать просочились слухи о

том, что высшие чиновники, представляющие министерства внутренних дел западноевропейских стран, собрались на секретное совещание, чтобы договориться о наиболее эффективных способах борьбы с нелегальными иммигрантами и попытаться выработать общую позицию по проблеме миграции с Востока на Запад. Согласно все тем же сведениям, правительственным экспертам не удалось прийти к общему мнению и решить, какие же средства борьбы с нелегальной иммиграцией наиболее эффективны и приемлемы с точки зрения интересов их стран. Тем не менее сам по себе обмен мнениями представляет значительный интерес прежде всего потому, что он прояснил позиции сторон по этому щекотливому вопросу.

Сообщается, что представители Франции, Италии и Испании предложили странам Европейского Сообщества разработать и принять на вооружение так называемый дифференцированный режим пограничного контроля. Такой режим, по их мнению, позволил бы выделить из общей массы восточноевропейских туристов потенциальных иммигрантов и преградить им дорогу на Запад. Против этого предложения выступили представители Великобритании, которые будто бы заявили, что такой пограничный режим на практике будет означать закрытие границ и самоизоляцию Европейского Сообщества. (Злые языки поговаривают, что Великобритания в меньшей степени, чем страны Континента, подвержена нашествию с Востока и ей легче проявлять великодушие к беженцам из «потерянного коммунистического рая».) Против пограничного контроля подобного рода выступила и Германия. Хотя эта страна и принадлежит к числу «прифронтовых» государств, в Бонне боятся всего, что может помешать объединению страны и воссоединению немецких семей, разбросанных по Восточной Европе и Советскому Союзу.

Пока правительственные эксперты судят да рядят, а журналисты пугают обывателей нашествием миллионов голодных и оборванных русских, поляков и румын, границы стран Западной Европы ежесекундно пересекают десятки тысяч потенциальных иммигрантов. Проблема и впрямь оборачивается серьезным кризисом.

Действительно, если в прошлом году Западная Германия предоставила политическое убежище 120 тысячам человек, включая беженцев из ГДР, то в этом году такое же число беженцев прибыло в страну только за первую половину года. Число желающих получить политическое убежище в Австрии в этом году увеличилось в десять раз по сравнению с прошлым го-

дом! Большинство из них прибыли из беднейших стран Восточной Европы — Польши и Румынии. Дело приняло столь серьезный оборот, что власти в Вене вынуждены были послать воинские части на помощь пограничникам. Однако неясно, удастся ли добродушным австрийским парням, разбившим лагерь на лужайках и опушках леса вдоль неохраямой границы, предотвратить просачивание беженцев. Ведь в Чехословакии и Венгрии уже скопилось более 60 тысяч эмигрантов из других стран Восточной Европы, стремящихся во что бы то ни стало проникнуть на Запад. А ведь у этих людей только один путь — нелегально пересечь австрийскую границу.

И все же проблемы миграции из стран Восточной Европы могут скоро показаться весьма незначительными и несерьезными. Дело в том, что в Советском Союзе уже сравнительно давно обсуждается проект закона, который предоставит всем советским гражданам право свободно выезжать из страны. По всей вероятности, в ближайшее время законопроект о свободе выезда превратится в закон, и лавина беженцев хлынет из СССР. Сомневаться в этом не приходится: ведь в последние годы эмиграция из этой страны росла невероятными темпами. Если в 1988 г. из СССР выехали 103 тысяч человек, то в следующем году эта цифра удвоилась — из страны выехали уже 235 400 человек. Причем, если все предыдущие годы Советский Союз покидали отдельные этнические группы — евреи, немцы, армяне, то сейчас они занимают последнее место в списках выезжающих. На первом же месте — украинцы, прибалты, белорусы, русские. Советские официальные лица не скрывают, что после принятия новых эмиграционных законов страну покинет от пяти до семи миллионов человек.

Куда устремятся эти люди? Где те страны, которые захотят и смогут принять такую массу беженцев?

Но и это еще не самое страшное. В критических обстоятельствах, осознав, что угроза является обоюдоострой, правительства на Востоке и Западе Европы, наверное, сумели бы договориться и совместными усилиями обуздать лавину. Но что случится, если режим в Москве рухнет, если советская империя начнет разваливаться, а страна в целом станет неуправляемой? Предсказать все последствия такого поворота событий невозможно, ясно лишь, что поток беженцев в этом случае примет угрожающие размеры. От такой перспективы мурашки бегут по коже — ведь Западная Европа не в состоянии принять всех этих людей, но не может и

встретить их пулеметным огнем. (Кстати, совещание правительственных экспертов по вопросам миграции потому и проходило за закрытыми дверями, что речь на нем шла о том, как воспрепятствовать реализации универсального принципа западных демократий – принципа свободного перемещения людей через государственные границы.)

Что же в таком случае должны делать в Западной Европе?

Пока что здесь, главным образом, занимаются разговорами, надеясь, что худшее либо не произойдет, либо «главный удар» придется на страны Восточной Европы. Считается, что если поток беженцев из СССР превратится в неуправляемую лавину, останавливать ее придется восточноевропейцам. При этом часть беженцев осядет на востоке Европы, а остальные будут остановлены и силой возвращены обратно. Во всех случаях черная работа будет проделана руками восточноевропейцев.

Надежды на то, что страны Восточной Европы примут и устроят у себя часть беженцев из Советского Союза, в какой-то мере обоснованы. Видимо, Венгрия вынуждена будет принять 700 тысяч этнических мадьяр, проживающих на Украине; Румыния, опять-таки возможно, откроет границы для части молдаван, говорящих по-румынски; Польша теоретически может предоставить убежище этническим полякам из Литвы, Белоруссии и Украины.

Да, Прага и Будапешт могут пойти навстречу Бонну и не пропускать через свою территорию туристов, направляющихся в Германию, если у них не окажется 200–300 долларов в кармане и билета на обратный путь. Но правительства в Праге, Будапеште и Варшаве не могут запретить своим гражданам ездить в ту же Германию или другую западноевропейскую страну. При этом неизвестно, кто из туристов вернется, а кто будет пытаться «зацепиться» на Западе. Известно лишь, что миллионы румын и болгар и не меньшее число поляков, чехов и венгров ищут любую возможность, чтобы устроиться в Германии, Австрии, Франции или любой другой стране Западной Европы.

Итак, надежды на то, что восточноевропейский «санитарный кордон» предотвратит проникновение в Западную Европу миллионов беженцев, более чем иллюзорны. Для того, чтобы избежать катастрофы, необходимо разработать широкую международную программу, наладить сотрудничество по вопросам миграции между всеми заинтересованными правительствами на западе и на востоке континента. Разного же рода секретные совещания за закрытыми дверями ровным счетом ничего не

изменяют, даже если их участникам удастся прийти к общему мнению. ●

СКОЛЬКО ГЕНЕРАЛОВ ОСТАНЕТСЯ В ПОЛЬШЕ?

Нелегким оказался процесс строительства новой Польши. Сегодня как никогда ясно, что недостаточно освободиться от опеки Москвы и отодвинуть ее ставленников-коммунистов на задворки политической жизни. Трения и серьезные политические разногласия возникли и между теми, кто десятилетиями боролся против коммунистического режима. При этом самый спорный и мучительный вопрос – как оздоровить, а точнее, построить заново экономику страны? Дебаты вокруг экономических проблем заслонили на какое-то время другую, менее важную проблему – необходимость пересмотреть военную доктрину, перестроить армию, сократить бремя военных расходов.

Что же делается сегодня в этом направлении?

К моменту прихода к власти правительства Тадеуша Мазовецкого, польская армия – вторая по величине в Варшавском пакте – насчитывала 347 тысяч военнослужащих. В польских вооруженных силах служили и по сей день служат 142 генерала – то есть больше, чем во всех армиях НАТО. Согласно разработанному правительством плану, личный состав вооруженных сил Польши в течение последующих двух лет должен сократиться на 100 тысяч человек, причем 60 тысяч человек будут уволены в этом году, и сорок тысяч – в будущем. Уйдут в отставку 50 генералов; 38 – в этом году, остальные – в следующем. Будут списаны в резерв все офицеры, достигшие 60-ти лет. Кроме того, для служащих офицерского корпуса будут установлены возрастные ограничения. Так, в будущем возраст майора польской армии не должен превышать 45-ти лет, подполковника – 50-ти и полковника – 60-ти.

Сокращению подлежит не только личный состав армии, но и многие виды вооружений, возраст которых под стать преклонным годам польских генералов. Самые старые виды польского оружия насчитывают 30 лет, самые «молодые» – 12. Так, основным или, как говорят военные, базовым истребителем польских ВВС является МИГ-21 производства 1969–71 гг. Военно-морские силы страны укомплектованы ракетными катерами, списанными с вооружения Советской Армии, а затем отремонтированными на польских судостроительных заводах.

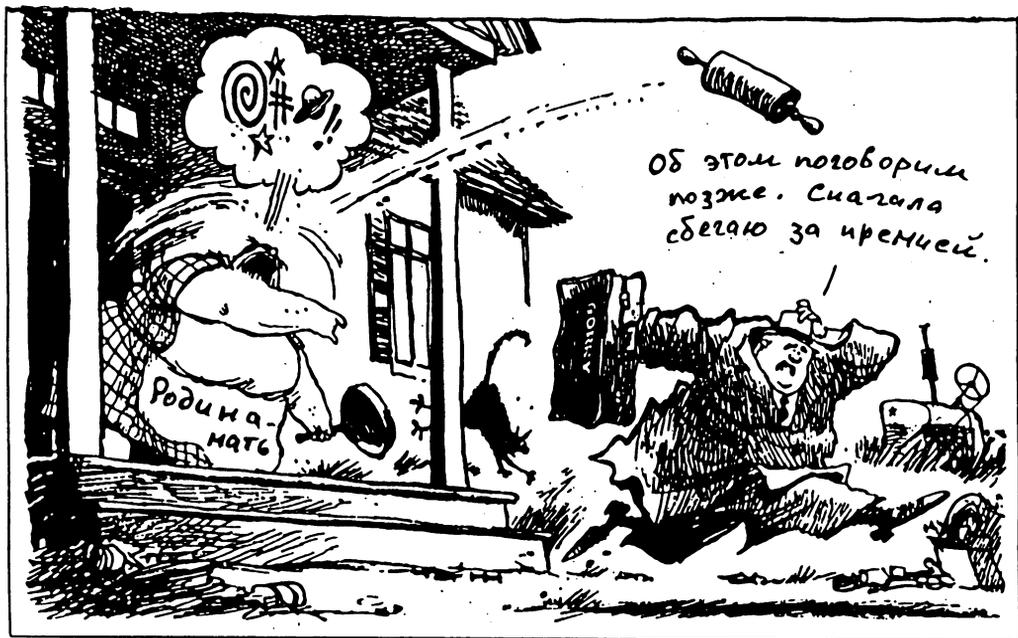
Третий и очень сложный пункт программы перестройки польских вооруженных сил – деполитизация армии, которая должна начаться в феврале будущего года. Впрочем, Политуправление польской армии не расформируется – ему лишь придаются новые функции. Отныне политработники в армии, руководит которыми заместитель министра обороны Бронислав Коморовский, будут заниматься не промывкой мозгов и надзором за солдатами и офицерами, а образованием и воспитанием солдат. Комиссары превратятся в обыкновенных учителей – преподавателей языка, математики, истории и других школьных предметов. И это действительно необходимо, ибо среди деревенских парней, составляющих основную массу призывников, нередко встречаются совсем неграмотные...

Конечная цель программы перестройки вооруженных сил – создание добровольной профессиональной армии. Правительство Польши считает, что обязательная воинская повинность является пережитком, вредным для нравственного здоровья общества и обременительным для экономики страны. Правительственные эксперты, в том числе и заместитель министра обороны генерал Януш Онышкевич, убеждены, что расходы на профессио-

нальную армию не превысят тех, что приходится нести за армию, укомплектованную на основе всеобщей воинской повинности. Расчеты показывают, что суммы, необходимые на содержание казарм, столовых, на бытовое обслуживание и т.д., в точности соответствуют тем, что пойдут на зарплату профессионалам.

В процессе перестройки вооруженных сил несколько неожиданно возникла проблема, связанная с постом министра обороны. По традиции всех «народных» армий, в том числе и польской, этот пост занимает военный – какой-нибудь маршал или генерал. По традиции же демократических стран, где армии комплектуются из добровольцев-профессионалов, министром обороны, как правило, бывает штатский. Пока что новым министром обороны Польши стал адмирал Петр Колодзейчик. Он был назначен на этот пост в результате политических комбинаций и длительной борьбы правительства Мазовецкого с президентом Ярузельским. Но дни Ярузельского на посту президента сочтены, и не исключено, что в недалеком будущем во главе польской армии встанет заместитель Мазовецкого – Онышкевич, которого связывает с армией только одно – он женат на внучке маршала Пилсудского.

Э. Ф.

День политзаключенного

ВАЛУН НА ЛУБЯНКЕ

30 октября 1990 г. в Москве на площади Дзержинского (впрочем, теперь она снова стала Лубянской), перед Политехническим музеем, был установлен валун с Соловецких островов – отсюда, где, как писал Солженицын, «Архипелаг возник из моря». Теперь этот камень будет здесь стоять, напоминая о жертвах тоталитарного режима, о политических заключенных – от ленинских времен до наших дней. Многотысячная демонстрация прошла от Сretenки до Лубянки. Священник Глеб Якунин освятил камень. Прозвучали речи. Говорили и те, в чью память тоже, в числе многих миллионов, поставлен камень на Лубянке: бывшие политзаключенные Олег Волков, Анатолий Жигулин, Сергей Ковалев – от имени тех, чьи уста замкнуты навсегда.

На камне надпись: «Этот камень с территории Соловецкого лагеря особого назначения доставлен обществом «Мемориал» и установлен в память о миллионах жертв тоталитарного режима 30 октября 1990 г. День политзаключенного в СССР».

Невозможно себе представить: всего 16 лет прошло с того времени, когда по политическим лагерям и тюрьмам Советского Союза впервые прокатились согласованные голодовки и другие акции протеста, ознаменовав начало организованного сопротивления политзаключенных – всех групп, «конфессий», национальностей, объединенных Днем политзаключенного в СССР.

Об истории возникновения Дня уже рассказывал на страницах нашего журнала Алексей Мурженко (1988, № 6). Идея объединенных действий политзаключенных, преодоления разногласий и внутренних споров, совместного «показа флага» давно уже носилась в воздухе – и в Мордовских,

и в Пермских политических лагерях. Нам с Алексеем лишь выпало счастье облечь ее в слова, выбрать название и дату, что мы и сделали во время ежедневных получасовых прогулок вдоль хирургического барака Барашевской лагерной больницы, на которые ежедневно выпускали из камеры особого режима Мурженко.

Барашевская больница Дубравлага – учреждение ЖХ-385/3-3 – была замечательным местом, единственным, где могли общаться друг с другом политзаключенного и строгого режимов – «полосатые» и «черные». Мурженко представлял «полосатых», я – «черных». Именно отсюда, с больничной зоны Дубравлага, идея Дня политзаключенного в СССР разлетелась по лагерям.

Спасибо лагерной администрации – она немало этому способствовала: при первых признаках того, что «что-то замышляется», раскидала «заговорщиков» по другим лагерям. В результате, с апреля 1974 г., когда была достигнута договоренность об учреждении Дня, и до 30 октября – выбранной нами даты (мы дали себе для организации полгода) весть о предстоящем Дне политзаключенного в СССР разлетелась по всем лагерям. Кажется, последним местом, куда докатилось это сообщение, была Владимирская тюрьма: меня привезли туда лишь 20 октября, всего за 10 суток до Дня. Успели все-таки.

Наверное, с течением времени будет год за годом восстановлена история того, как отмечался День политзаключенного в СССР в разных лагерях. Десятки людей принимали участие в его подготовке – и в лагерях, и на воле, рискуя многим. Как не вспомнить, например, украинца Сергея Бабича, без помощи которого письма, заявления, обращения политзаключенных мордовского лагеря № 19, подготовленные специально ко Дню, никогда бы не достигли воли. Это он – мастер на все руки – в рабочей зоне, на деревообделочном заводе,

запрессовывал пачки наших бумаг в сувенирные доски. Потом Борис Пэнсон – мастер «человеческого подхода» – убеждал мастеров-«вольняшек» отправить небольшой сувенир – невинную вещь – нашим женам и друзьям. За скромный «подарок» вольняшки соглашались, но все-таки (чем черт не шутит!) отправляли наши сувениры не из лагерного поселка, а из города Пензы. Туда они ездили в командировки: в Пензе находился часовой завод, для которого мы, зэки, делали на деревообделочном заводе футляры часов: «кукушек» и других шедевров советского дизайна. Одна такая «кукушка» до сих пор висит у меня над столом.

Хорошо, что в этом году на площади у валуна говорил Сергей Ковалев. Это он проводил в Москве первую пресс-конференцию в первый День политзаключенного в СССР. Организация этой пресс-конференции потом стала одним из «эпизодов», вошедших в его собственный приговор. Сейчас Сергей Ковалев – председатель комиссии по правам человека Верховного Совета России.

Газеты, радио и телевидение широко освещали установку памятника, и нередко комментаторы говорили: теперь жертвам сталинских репрессий есть куда прийти поклониться. Их же – сталинские репрессии – имели в виду и «чекисты», кощунственно возложившие к валуну свой венок. Нет, валун на площади Дзержинского – это памятник не только сталинским жертвам, а всем жертвам тоталитарной системы, вплоть до наших дней.

Склоняясь перед памятью прошлого, не забудем и о тех, кто находится в заключении сейчас, сегодня, когда мы митингуем на площади и когда пишутся эти строки. Да, времена изменились. Да, «чекисты» уже не дышат нам в затылок. Но до тех пор, пока у нас будут править люди, а не законы, нам, по-видимому, не справиться с проблемой политзаключенных. Даже если их сегодня выпускают всех, завтра лагеря могут заполниться вновь.

Ежегодно 30 октября общество «Страна и мир» публикует «Список политзаключенных». К счастью, год от году имен в этом списке становится все меньше и меньше. В этом году впервые общее число имен в списке стало двузначным: 97. Заметим, это не все политзаключенные, а только те, кого мы знаем по имени. А знаем мы далеко не всех.

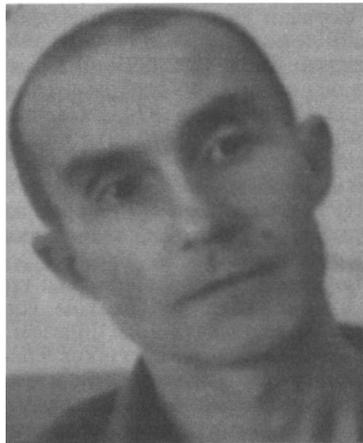
Кто же эти девяносто семь? Из них 37 стоят в списке под знаком вопроса. Это значит, что мы либо не знаем, находятся ли эти люди до сих пор в заключении, либо не уверены, что дело в данном случае имеет действительно политический харак-

тер. Из остальных шестидесяти двое освободились почти сразу после Дня политзаключенного. Оставшиеся 58 «несомненных» распределены следующим образом.

Из населения единственного сохранившегося сейчас «политического» лагеря – пермского лагеря ВС-389/35 – в списке находится 5 человек (остальные зэки этого лагеря – осужденные либо за войну, либо за шпионаж, хотя большая часть этих шпионов – липовые). В общеуголовных лагерях находятся 16 политзаключенных. Еще не судимы и находятся в следственных изоляторах 14 человек. Один человек переведен в колонию-поселение. В обычных психбольницах находятся пятеро, а двое – в СПб. Отбывают принудительные работы («химию») 12 человек, исправительные работы по месту жительства – двое. Один человек в ожидании суда отпущен из СИЗО под подписку о невыезде.

Пятеро из пермского лагеря – это следующие лица.

Физик Александр Голдович, пытавшийся в апреле 1985 г. бежать вместе с женой из СССР на надувной лодке через

Александр Голдович

Черное море. Пойман в нейтральных водах, судим за «измену»: 15 лет лагерей и 5 лет ссылки.

Абдухамид Довлатов, таджик-повар. Во время афганской войны несколько раз «ходил» в Афганистан, встречался с лидерами моджахиддинов, в частности, с Хекматияром. Вернулся добровольно: 8 лет. Несмотря на амнистию всем «афганцам», сидит до сих пор, ибо не был военнослужащим, а амнистия распространена только на них.

Старший лейтенант КГБ Виктор Макаров, рассказавший о том, что КГБ поставляет Политбюро ЦК КПСС заведомо лож-

Валерия Смирнов

Иеговнист Владимир Добында

ную информацию. Арестован за «измену» в 1987 г.: 10 лет.

Валерий Смирнов, кандидат физ.-мат. наук. Будучи в Норвегии стал невозвращенцем. Затосковал, в 1982 г. вернулся (таких в лагерях звали «подберезовиками» – они скучали по родным березкам). «Измена»: 10 лет.

Валерий Янин, «долгосидчик» со многими приговорами, со сроком в спецпсихбольнице за спиной (1974–1978 гг.). Последний приговор – за то, что из лагеря в Киргизии писал жене домой и просил ее передать информацию на Запад («вербовал в ЦРУ»). Сидит с 1979 г., срок должен закончиться в 2003 г. (не опечатка: две тысячи третьем!).

Остальные (имея в виду только тех, кто стоит в списке не под знаком вопроса) распределяются следующим образом.

Больше всего – «отказчиков совести», тех, кто отказывается от службы в армии по идейным соображениям, чаще всего – по религиозным. На первом месте здесь стоят иеговисты: 15 человек. По одному заключенному такого рода дали пятидесятники и истинно-православные христиане (еще один верующий – неизвестной конфессии). За отказ от службы в армии сидит один пацифист, отбывает принудительные работы еврей, опасаящийся, что армия помещает ему эмигрировать. Двое эстонцев сидят за то, что дезертировали, не желая служить в Советской Армии. Один дезертир не вынес унижений «дедовщины».

Эта наиболее распространенная категория заключенных, видимо, будет существовать до тех пор, пока все республики не примут ясный закон об альтернативной гражданской службе.

Следующая категория: участники национального движения. Среди них 12 азербайджанцев и двое абхазов (еще больше лиц этой категории среди тех, кто стоит в списке под знаком вопроса: неясно, участвовали ли они в актах преступного насилия, а также действительно ли их действия диктовались национальными убеждениями).

Пятеро отбывают сроки за попытку бегства из СССР либо по сфабрикованным обвинениям, а фактически – за намерение выехать в Израиль (это в основном люди, сидящие еще с «тех» времен). Лозунги и листовки привели за решетку троих. За деятельность, связанную с религией (но не по «религиозным» статьям кодекса), сидят двое мусульман и один пятидесятник. Двое арестованы за участие в митингах и демонстрациях, один – за оскорбление «чести и достоинства Президента» (похоже, что сюда скоро добавятся еще и новые имена). Один человек отбывает исправительные работы за «оскорбление» властей более низкого ранга («за клевету»).

Я понимаю, что страна – на пороге больших потрясений. Вполне возможно, что в недалеком будущем жизни и свободе каждого из нас будет угрожать многое, и, может быть, – не только и не столько со стороны властей, от которых мы ощущать угрозу вроде бы даже и привыкли. И тем не менее: проходя мимо лубянского валуна, не забудем как тех, кто своей жертвой сделал возможным нынешний воздух свободы, так и тех, кто до сих пор глотка этого воздуха лишен.

Кронид Любарский

КГБ В ТРЕТЬЕМ ПРИБЛИЖЕНИИ

ЧТО ТАКОЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ИЛИ ПРОСТО "ОРГАНЫ"? В ПЕРВОМ ПРИБЛИЖЕНИИ — ОБЫЧНАЯ СПЕЦСЛУЖБА, ВЫПОЛНЯЮЩАЯ ТЕ ЖЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И ИСПОЛЬЗУЮЩАЯ ТЕ ЖЕ МЕТОДЫ, ЧТО ЛЮБАЯ ДРУГАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДОБНОГО ТИПА. ВО ВТОРОМ — СПЕЦСЛУЖБА, ДЕЙСТВУЮЩАЯ В УСЛОВИЯХ АВТОРИТАРНОГО ИЛИ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА, А СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ПРИЗВАННАЯ РЕШАТЬ ГОРАЗДО БОЛЕЕ ОБШИРНЫЙ КРУГ ЗАДАЧ. ОДНАКО И В СТРУКТУРЕ, И В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КГБ ЕСТЬ НЕЧТО ТАКОЕ, ЧТО НЕ УКЛАДЫВАЕТСЯ В ПРИВЫЧНЫЕ, ДОСТАТОЧНО ШИРОКИЕ РАМКИ — КАКАЯ-ТО ЧРЕЗМЕРНОСТЬ, ИЗБИТОЧНОСТЬ. АНАЛИЗУ ИМЕННО ЭТОЙ, РЕДКО ОСОЗНАВАЕМОЙ, НО ОЧЕНЬ СУЩЕСТВЕННОЙ ДИСПРОПОРЦИИ И ПОСВЯЩЕНЫ НАСТОЯЩИЕ ЗАМЕТКИ.

1 Бывают события-детонаторы — сами по себе не слишком значительные, они приводят в движение могучие силы взрыва. Примеры известны: убийство в Сараево, перебои с доставкой черного хлеба в Петроград зимой семнадцатого года. Ясно, что решающую роль тут играло не само событие, а обстоятельство *места и времени*. Выстрел, если бы он прозвучал лет на десять раньше, остался бы мелким эпизодом в истории Европы начала века. Что касается хлеба, то по крайней мере трижды в советской истории его нехватка обретала характер страшного голода; революции за этим не последовало.

Но человеческое сознание консервативно. Последующие события *накладываются* в нем на предыдущие, окрашивая их в *собственный* цвет. Убийство в Сараево окрашено в цвета Первой мировой войны; транспортные неполадки в феврале — в цвета Февральской, а затем и Октябрьской революции. Выступление генерал-майора Олега Калугина против собственного ведомства пока ни в какие цвета не окрашено, и только время покажет, останется ли оно частным эпизодом эпохи гласности или станет детонатором сложных процессов, определяющих судьбы страны.

Эффект этой скромной акции оказался неожиданно громким. Конечно, Калугин, человек в подобных делах опытный, сумел подать акцию должным образом. 14 июля — выступление перед многомиллионной аудиторией радиостанции "Свобода"; 16-го — речь на Всесоюзной конференции Демократической платформы КПСС; 24-го — интервью газете "Московские новости"; 27-го — беседа с корреспондентом "Комсомольской правды"... Перечислять дальше нет смысла, ибо сейчас уже трудно назвать орган массовой информации, который так или иначе не отозвался бы на это событие. *Сенсация...*

А собственно, в чем сенсация? Если в том, что сотрудник КГБ выступил с критикой *своего* ведомства, то сенсация не очень велика. Во-первых, сотрудник все-таки бывший, отправленный на пенсию досрочно. Во-вторых, погода нынче на дворе такая, что критика собственных ведомств стала делом привычным. Военные (и не только бывшие) ругают армию; недавние министры — Совет Министров; партийные деятели самого высокого ранга — ЦК и Политбюро. Нетрудно было предвидеть, что чуть раньше или чуть позже очередь дойдет и до КГБ.

Но может быть, сенсационно другое — *сведения*, содержащиеся в выступлении Олега Калугина, приведенные им факты? Нет. И сам генерал, и авторы комментариев решительно уверяют нас, что ничего принципиально нового его выступления не содержат, что все это давно и хорошо известно — по крайней мере на Западе. Да, собственно, и в стране. Если какие-то детали пока и не стали у нас достоянием гласности, то *главное* мы знаем, а об остальном догадываемся.

Мне кажется, что таинственность этой организации сильно преувеличена. Лет десять назад, попав на Запад, я кинулся читать все, что было написано о наших славных органах. Разумеется, я узнал немало любопытного: о структуре КГБ, ее деятельности за рубежом (шпионаж, похищения, убийства, дезинформация), конкретных операциях. Однако не могу сказать, чтобы мои — вполне обычные для советского гражданина — познания об "органах" существенно расширились. Так (или примерно так) мы это представляли себе и раньше.

Тщательно прочитав все, что сказано Калугиным (и о Калугине), я тоже отметил несколько характерных штрихов. Например, что численность сотрудников этой организации сейчас выше, чем в годы массового террора, или что КГБ с некоторых пор лишен права собирать и хранить компрометирующие материалы на номенклатурных работников определенного ранга. Все это, конечно, интересно, но не более того. Моих (и наших общих) представлений о КГБ эта информация *не меняет*. А главное, она ничего не проясняет в самом феномене советской государственной безопасности — организации, несомненно, *уникальной* и по своему назначению, и по ее роли в истории страны.

Проще всего объяснить сдержанность Калугина тактическими соображениями. Выступая против КГБ, он, естественно, должен был предвидеть последствия. Сейчас мы уже знаем, что сдержанность не помогла. Генерала лишили звания, государственных наград, пенсии и всякого рода льгот за действия, "порочащие честь и достоинство сотрудника органов госбезопасности", а затем и возбудили уголовное дело, обвинив в разглашении государственной тайны.

При всем том, однако, власти оказались в трудном положении. Обвинение в "клевете" и "преднамеренной лжи" звучит нелепо, ибо почти все, что сказал Калугин, давно стало *общим местом*; обвинение в разглашении государственной тайны требует уточнения хотя бы самой простой детали — о *какой именно* тайне идет речь? Пока что все ограничивается смутными намеками. Вроде бы тайна в том, что у КГБ, по словам Калугина, нет своих агентов в ЦРУ. Допускаю, что положительное утверждение ("есть") еще можно считать разглашением тайны, но чтобы "нет" тоже было тайной?! И это при условии, что сведения Калугина устарели по меньшей мере на десять лет — уже в 1980 году он перестал быть начальником управления внешней контрразведки. Все это так очевидно, что даже официальные "Известия" назвали ситуацию анекдотической, популярно объяснив публике, почему "Нехорошо быть генералом".

Интересно, что сам генерал достаточно откровенен. Иногда прямо ("Государственную тайну пока держу при себе"), иногда намеками ("Я не исчерпал своих возможностей", "Рискует тот, кто, по пословице, складывает все яйца в одну корзину. Я так не поступаю") он объясняет свою тактику. Калугин вовсе не против КГБ, он призывает лишь к изменению некоторых форм его деятельности.

И это, похоже, не только прием, не только средство самозащиты, но и *позиция*. Суть позиции: организация такого типа есть в любой стране, она необходима, "их" разведка не нравственнее "нашей". Понятно, что при таком подходе речь может идти лишь о частных реформах — таких, как разукрупнение КГБ или сокращение штатов. Правда, генерал поддерживает модную ныне идею деполитизации "правоохранительных органов". Но что это даст? Если верить самому Калугину, *ничего*. Вот, скажем, Соединенные Штаты. Система в этой стране явно не однопартийная, значит нет оснований говорить о деполитизации

американских органов безопасности. И что же? "Деятельность и ЦРУ, и КГБ, любой спецслужбы находится в одной плоскости, — уверяет Калугин. — Обе организации исходили из того, что цель оправдывает средства. Ради защиты "западной цивилизации" то же ЦРУ отказалось от норм христианской морали".

Оставим в стороне христианскую мораль. Важно, что Калугин убежден: любая спецслужба — и советская, и западная — действует в *одной плоскости*, "выполняя функции политического инструмента в руках правящей верхушки". Если так, то говорить в сущности не о чем: КГБ всегда был, есть и будет таким, как любая *другая* спецслужба. Конечно, штаты органов следует сократить, их работу — улучшить, систему подчинения — изменить. Но будем откровенны: природа организации от этого *не изменится*, ибо она, эта природа, задана "функциями", а функции всюду одинаковы.

Удивляться тут нечему. Олег Данилович Калугин — сотрудник КГБ (хоть и в отставке), и прежде чем прозреть, он прошел долгий путь от рядового офицера до генерала и начальника управления. Естественно, что на этом пути бывало *всякое*. И чтобы жить с этим "всяким", надо было поверить в то, что ему говорили: и про "функции", и про "одну плоскость", и про многое другое. А для этого — *забыть* о некоторых вещах, о которых нам, обычным людям, не посвященным в тайны спецслужб, забыть не дано.

Например, о *терроре*. Мы не знаем, какими нормами морали руководствовались ЦРУ, Интеллиженс сервис, ДСТ и другие спецслужбы свободного мира. Допустим, не очень высокими. Но мы определенно знаем, что все они, вместе взятые, не уничтожили за всю свою долгую историю того количества людей, какое наша спецслужба уничтожила в любом году: и в девятнадцатом, и в тридцать третьем, и в тридцать седьмом, и в сорок девятом. Разумеется, это можно объяснить тем, что "правящая верхушка" на Западе не ставила подобных задач перед своим "инструментом". Логично, однако, предположить, что и сама спецслужба, перед которой ставились *такие* задачи, была *подготовлена* к их решению. Более того, есть основания думать, что с самого начала, с момента создания, органы строились таким образом, чтобы быть готовыми к решению *данной*, весьма специфической для XX века задачи. Как раз по этой причине они с ней и справились.

2. Чрезвычайная комиссия, прообраз и провозвестник всей будущей системы государственной безопасности, была создана сразу после Октября — 6 или 7 декабря 1917 года. Поначалу казалось, что речь идет об *обычной* службе защиты новой власти и подавления врагов. Однако уже полное ее название — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией — заставляет в этом усомниться. Борьба с контрреволюцией — понятно. Но откуда эта боязнь саботажа, а тем паче спекуляции — действий совсем иного плана и масштаба?

Воспитанные в категориях классовой борьбы, мы привычно подверстывали к эксплуататорским классам (помещикам и капиталистам) государственный аппарат (включая мелких чиновников), служащих предприятий, ремесленников и торговцев, интеллигенцию (врачей, педагогов, землемеров и пр.), наконец мало-мальски состоятельных крестьян. Предполагалось, очевидно, что все эти — очень разные — люди должны были выступить против новой власти *единым фронтом*.

В действительности ничего подобного не происходило. Сами советские историки подчеркивают, что в первые послереволюционные месяцы новая власть почти не сталкивалась с сопротивлением. И это понятно. Даже государственные чиновники были в общем далеки от политики и готовы служить новой власти — лишь бы сохранить место. Гораздо труднее постичь логику *самой* этой власти. С одной стороны, она прокламировала "полный слом старой государственной машины", то

есть увольнение тех же чиновников. С другой — боялась саботажа с их стороны; иначе, зачем было создавать орган по борьбе с саботажем раньше, чем таковой мог проявиться?

Заметим, что случаи "саботажа" действительно имели место — хотя и позднее. Но это было обусловлено вовсе не сопротивлением свергнутых классов, а причинами более *прозаическими* полнейшей некомпетентностью новых руководителей, неразберихой и путаницей в делах, низкой и нерегулярной оплатой, обесцениванием денег, отсутствием продуктов и товаров. Так что если ЧК в самом деле стремилась искоренить саботаж, то бороться ей следовало с причинами, а не следствием. Однако — и это одна из наиболее характерных особенностей органов на протяжении всей их истории — они *никогда* не боролись с причинами, а только со следствиями. Причем борьба велась исключительно методом репрессий. Впечатление такое, что *силовые методы* как средство лечения всех и всяческих болезней были запрограммированы в структуре органов с самого начала.

Еще более загадочной представляется следующая функция ЧК — борьба со спекуляцией. В условиях нехватки продуктов и товаров, вызванной войной, естественно было ожидать появления черного рынка, роста цен, спекуляции. В таких случаях со спекуляцией борются в любой стране. Но борются рутинными полицейскими (или милицейскими) методами. То есть крупных спекулянтов, конечно, судят и порой наказывают жестоко. Однако на действия рядового человека, вынужденного продавать и покупать, чтобы жить, смотрят обычно сквозь пальцы — дело житейское. Зачем тут Чрезвычайная комиссия?

А затем, что Ленин хотел покончить не просто со *спекуляцией* — явлением временным, преходящим, но с целой *формацией*, основанной на товарно-денежных отношениях. При таком размахе простой мужик, совершающий заурядную операцию обмена собственного зерна на одежду или гвозди, вырастал в мифического богатыря, противника коммунизма. А поскольку таких продавцов-покупателей ("мешочников") было в стране великое множество, то и бороться с ними надлежало с подлинно революционным размахом и по всей революционной строгости. Тут действительно нужны были и *чрезвычайные меры*, и *Чрезвычайная комиссия*.

Чрезвычайные меры принято оправдывать конкретными условиями эпохи: нехваткой продуктов, разрухой, гражданской войной. Эти моменты, конечно, имели значение, — но только как *сопутствующие*. Главным же моментом, определяющим политику, были не эти важные, но преходящие факторы, а основополагающая идея революционного перехода от старой системы к новой, коммунистической.

Понятно, что задача эта неизмеримо шире и сложнее, чем подавление каких-то саботажников, борьба с мешочниками или даже изъятие у крестьянина "излишков" продовольствия. Если допустить, что до революции и в первые послеоктябрьские дни Ленин и верил, что подобный переход удастся осуществить сравнительно легко и безболезненно, то очень скоро (может быть, как раз к началу декабря) он понял, что эта работа — на годы и десятилетия. И что не только на первом, но на *всех* ее этапах утверждение новой системы потребует *насильственных* действий в глобальных масштабах, ибо переделывать предстоит не одну лишь систему управления, а целую страну и самого человека.

Деятеля иного плана подобная задача могла бы отпугнуть. Но Ленин был *фанатиком*, свято верящим, что избранный им путь начертан самой Историей. Люди такого типа редко добиваются успеха: с идеями, оторванными от жизни, жизнь расправляется быстро и жестоко. Ленин, однако, был не просто фанатиком, но фанатиком *прагматическим*, обладавшим редчайшей способностью угадывать рифы на пути идеи и находить средства их преодоления. Чрезвычайная комиссия и была таким *средством*. Организация же ее в декабре 1917 года, то есть в период, когда все основные проблемы (продотряды, национализация предприятий, граждан-

ская война, крестьянские восстания, Кронштадт) не просматривались даже в тумане, — свидетельствовала о поистине провидческих способностях Вождя.

И тогда, в семнадцатом, и кажется, даже сейчас, мы не вполне понимаем, что ВЧК — не просто спецслужба, а нечто *неизмеримо большее*. Спецслужба нужна для защиты существующего строя, для борьбы с кем-то, кого этот строй не устраивает. Цели ВЧК были несравненно шире. Ей предстояло внедрить *новый порядок*, такую систему производственных отношений, которая противоречит не интересам конкретных людей, а *природе* человека — любого человека. (В том числе, конечно, и сторонника идеи. Ленин не случайно почти сразу же предоставил особые привилегии "избранным" — то есть вывел их *за пределы* ими же созданной системы.) Ясно, что у остальных (тех, кто остался "внутри") эта система не могла не вызвать сопротивления. Активного или пассивного. Преодолеть это сопротивление можно было лишь одним способом — созданием другого, нового человека.

Власти никогда и не скрывали: важная (если не важнейшая) функция органов госбезопасности состоит в воспитании и перевоспитании. При этом, понятно, не уточнялось, о каком рода воспитании идет речь. Между тем все тут поразительно наглядно. Славные чекисты вовсе не стремились убедить человека (вызванного на "беседу" или подследственного), что советская власть — это хорошо. Им вполне достаточно было доказать, что это — *страшно*, что любое, самое невинное *несогласие* с существующим порядком вещей — *смертельно опасно*. Таким образом, "воспитательные методы" ЧК не следует недооценивать. Это очень сильное педагогическое средство — *воспитание страхом*.

Тот факт, что подобный метод воспитания известен человечеству с незапамятных времен, не должен смущать. Дело не в оригинальности средства, а в *масштабах и интенсивности* его применения. На протяжении многих лет страна (в том числе сам Иосиф Виссарионович) жила в атмосфере ужаса. Нам еще предстоит оценить все *последствия* такого воспитания...

Стараясь постичь новое, мы пытаемся приложить к нему привычные мерки: к социалистической экономике — понятия рыночной, к советской империи — категории классического колониализма, к "органам" — практику западных спецслужб. Какие-то особенности при этом обнаруживаются, но особенности количественные. Между тем основное различие не в количестве, а в *качестве*. В ходе гражданской войны террор использовали и белые, и красные. Но белый террор носил кустарный характер: контрразведка белых армий боролась с конкретным противником в конкретных обстоятельствах, о будущем она и не помышляла. ВЧК же с самого начала формировалась с дальним прицелом. Она не просто боролась, она создавала средства террора и вырабатывала методы, рассчитанные на перспективу. В частности, она необычайно широко использовала такое средство, как память: папки с надписью "Хранить вечно" появились уже на заре советской власти.

Попытки вывести деятельность ЧК из типовых характеристик режима — авторитарный, тоталитарный — вряд ли обоснованны. Конечно, органы были орудием диктатуры; конечно, сфера их действия не ограничивалась собственно политикой, ибо они были инструментом тоталитарного строя, который стремится контролировать все стороны жизни человека. Но легко заметить, что советская спецслужба никогда не укладывалась даже в эти, достаточно широкие рамки. В структуре и деятельности ВЧК—ГПУ—НКВД—КГБ всегда ощущалась избыточность, как будто одежда эта шилась "на вырост", с таким расчетом, что роль ее в жизни страны будет постоянно усиливаться. Эта избыточность, чрезмерность и отличает органы от любой другой организации того же типа, включая тайную полицию Муссолини и даже разветвленные спецслужбы нацистской Германии.

Разумеется, это можно отчасти объяснить личными особенностями вождей революции: мистической ленинской боязнью "контрреволюции" (термидоров,

брюмеров, наполеонов), патологической подозрительностью Сталина. Но — только *отчасти*. Главная же причина лежит в иной сфере, *объективной*. Советская система — и в этом ее принципиальное отличие от всех других (демократических, авторитарных, тоталитарных) — изначально экономически *неэффективна*. Отсюда — низкий уровень жизни, хронический дефицит и все остальное, а как следствие — недовольство уже не отдельных групп, но *основной массы населения*.

Это недовольство редко выражалось открыто. В атмосфере демагогии и страха, когда невыполнение планов, заданий и норм было смертельно опасно, люди, напротив, старательно демонстрировали энтузиазм: брали повышенные обязательства, работали по десять и по двенадцать часов. Нередко им удавалось обмануть и других, и даже *себя* — они искренне верили, что все это делают добровольно. Однако, кроме *субъективных* ощущений, существуют *объективные* показатели: производительность труда, качество изделий, расход сырья, материалов, энергии на единицу продукции. Так вот, по объективным показателям советская экономика никогда не могла сравниться с западной. Парадоксально, но энтузиаст, ударник, стахановец работали неизмеримо хуже, чем приземленный западный обыватель — немец, американец, француз.

Трудно сказать, когда именно Владимир Ильич осознал роковую особенность созданной им системы. Но не осознать этого он не мог. Не в пример преемникам, Ленин разбирался в экономике и трудился не жалея времени и сил. Чего он только не испробовал, чтобы заставить систему работать! И убеждал свою команду, и стыдил, и грозил, и лепил выговоры, и отдавал под суд. Ничего не помогало. Система, как начала буксовать в семнадцатом году, так буксует и в девяностом. Я не уверен, что нам так уж важно знать физические причины смерти Ленина, но психологические, по-моему, очевидны. Он надорвался, пытаясь привести в движение машину, непригодную для работы.

Что оставалось в этих условиях? Очевидно, только одно. Снабдить машину системой амортизаторов, клапанов, предохранителей, которые, конечно, не делали ее лучше, но по крайней мере оберегали от разноса. Экономить на этих устройствах не приходилось: никакая избыточность, никакой запас прочности не были тут чрезмерными. На карту была поставлена *безопасность системы*.

3. Данные о численности ВЧК никогда не публиковались. Однако есть много свидетельств того, что в ходе гражданской войны состав органов постоянно увеличивался, функции расширялись, техника работы совершенствовалась. Легко заметить, например, что к концу гражданской войны красная агентура в белой армии действовала весьма успешно. И тем не менее настал момент, когда даже эта, превосходная для своего времени предохранительная система, оказалась *бессильной* затупить сопротивление. Волна крестьянских восстаний и особенно Кронштадт показали Ленину, что власти довели страну до *предела*, что еще один шаг — и конструкция пойдет в разнос. Видимо, психологически это был для Ленина самый *трудный* этап: в его сознании фанатик столкнулся с прагматиком. Результат — нэл.

В последнее время мы узнали о нэле много нового. Мало кому известно, однако, что это был едва ли не единственный в советской истории случай, когда сокращение аппарата коснулось и органов безопасности — кого-то демобилизовали, кого-то отправили в запас. Сама ВЧК тоже была реорганизована: сначала (в феврале 1922 года) в ГПУ НКВД, а затем (в 1923 году), в ОГПУ, Объединенное государственное политическое управление.

Логика тут ясна. Это был первый (и уж точно единственный) в жизни страны период, когда органы госбезопасности, сохранив *прочие* функции, перестали выполнять роль *компенсатора* противоестественной экономической системы. Если выразить ту же мысль в марксистских терминах, это был период, когда производ-

ственные отношения были приведены в относительное соответствие с производительными силами. Результатом этого было притупление социальных конфликтов, или, говоря на жаргоне того времени, — ослабление классовой борьбы.

Теперь все зависело от властей, от их восприятия нэпа. Если переход к новой экономической политике был следствием честного признания неэффективности коммунистической модели, то функции ОГПУ должны были постепенно сужаться, а сама эта организация — обрести статус обычной спецслужбы. Если же это было лишь вынужденное отступление, тактический маневр, рассчитанный на более или менее длительный срок, то ожидать можно было изменения *форм деятельности* органов, но никак не их *сущности*.

Ныне из богатого наследия Ленина той эпохи обычно цитируют то, что "работает" на нэп. Новая политика — это "всерьез и надолго", "социализм — это строй цивилизованных кооператоров" и т.п. Между тем для понимания *истинной* позиции вождя дела куда важнее слов. А список этих дел велик: ленинская формулировка знаменитой статьи уголовного кодекса, предусматривающая высшую меру наказания за "пропаганду и агитацию", высылка из страны группы выдающихся философов и ученых, арест членов Всероссийского комитета помощи голодающим, показательный процесс над эсерами...

В относительно благополучной обстановке нэпа многие из этих мер кажутся неоправданными — ведь сам же Ленин заявлял, что положение в стране стабилизировалось, что новой власти уже не грозят ни восстания, ни саботаж, ни массовое сопротивление. Все это так. Однако переход к новой экономической политике был свидетельством *краха* коммунистической программы. Той самой *программы*, которая только и могла оправдать революцию, гражданскую войну, захват власти большевиками.

Обыватель вряд ли воспринимал ситуацию под этим углом зрения. Но, похоже, даже он чувствовал, что в новых условиях и власть большевиков, и их исторические претензии ничем *не оправданы*. Для интеллигенции же все это само собой разумелось. Партии, программа которой с треском *провалилась*, следовало бы *исчезнуть*, уйти в небытие. Ленин отлично понимал двусмысленность положения: публичное обсуждение этой темы грозило партии гибелью. Именно этим объясняется его "неадекватная" реакция на вроде бы вполне безобидные теоретические статьи и книги, на любое подобие агитаций и пропаганды, на всякое "инакомыслие". Он не случайно требовал, чтобы в уголовном кодексе террор был официально узаконен: противники режима должны были знать, что на *любые возражения* советская власть ответит единственным, но зато убедительным доводом — *насилием*.

Конечно, размах насильственных действий в годы нэпа несколько сократился (отсюда и временное сокращение аппарата органов), но сама их природа осталась прежней. "Что касается произвола в области репрессий, — отмечает английский исследователь Леонард Шапиро, — то ГПУ сохранило все полномочия своего предшественника в отношении арестов, отправки в исправительно-трудовые лагеря и проведения неограниченных обысков и расследований". Неудивительно, что именно этой почтенной организации Ленин и поручает проведение своей политики: высылку из страны философов, писателей и ученых, подготовку процесса над эсерами и проч.

В 1926 году, незадолго до своей смерти, Ф.Дзержинский подписал секретный приказ о призыве на службу демобилизованных сотрудников ОГПУ. Это означало, что "временное отступление" кончилось, что впереди новый этап революции. Не так уж важно, был ли готов к тому времени сталинский план коллективизации и знал ли о нем Дзержинский — глава не только ОГПУ, но и ВСНХ. Главное, Сталин и его соратники уже осознали, что дело совсем не в том, осуществима ли на практике марксистская идея, а в том, что именно *для них* эта идея чрезвычайно

выгодна. Выгодна потому, что открывает неограниченные возможности концентрации власти в руках узкого круга руководителей партии, распространения ее на все сферы жизни в стране, а в перспективе — и во всем мире. Закономерно поэтому, что эпоха великого перелома *внутри страны* почти точно совпадает с *выходом ОГПУ на мировую арену*. С этого момента органы становятся фактором уже не только внутренней, но и международной политики.

Соотношение между этими двумя сторонами деятельности органов — проблема сложная и интересная. Скажем, Олег Калугин убежден, что самая важная часть их деятельности протекает вне пределов страны. "После работы в советской разведке за рубежом, — сказал он в июльском интервью газете "Смена", — было просто смешно видеть, чем и как занимается КГБ внутри страны". Надо полагать, именно в этой, внешней, сфере деятельность органов и протекает в "одной плоскости" с иными спецслужбами.

Психологически Калугина можно понять. Ему, разведчику-профессионалу, все эти мелкие "операции" внутри страны видятся детскими играми. Напротив, работа за рубежом представляется делом серьезным, даже благородным. В конце концов советские разведчики защищают там интересы Советского Союза, как американские — интересы США. Или иначе: и те, и другие защищают интересы правящей верхушки и действуют сходными методами. Такова, увы, специфика профессии...

Все эти рассуждения, внешне похожие на правду, не учитывают одного, но решающего обстоятельства — *природы* режима. У руководителей нормального государства нет причин бояться собственного народа: они пришли к власти законным путем, а экономические трудности, даже если они возникли, носят естественный характер. Самое большее, чем они при этом рискуют — переход в оппозицию, — отнюдь не катастрофа. Поэтому функции спецслужб в западных странах носят *локальный* характер: разведка, контрразведка, промышленный шпионаж, охрана должностных лиц и правительственных учреждений.

Советская система, как мы уже говорили, построена принципиально иначе. Противоестественная, неэффективная, она с самого начала была *неустойчивой* — некое подобие Пизанской башни. И главную опасность руководство страны всегда усматривало не в иностранной агрессии, а в собственном народе. Насильственный захват власти, низкий уровень жизни, отсутствие свобод, произвол — все это буквально провоцировало *всеобщее недовольство*. С момента же Великого перелома эта тенденция стала определяющей. Репрессии тридцатых годов потому и были столь массовыми, что Сталин ожидал *сопротивления всего народа* — в том числе и широких кругов собственной партии.

Эта предпосылка и легла в основу деятельности органов. Известно, например, что Николай II в первые же месяцы войны бросил в бой главную свою опору — гвардейские дивизии. Для Сталина подобная наивность была исключена. Как бы тяжело ни складывалась обстановка на фронте, какие бы опасности ни грозили стране извне, защите от "внутреннего врага" уделялось первостепенное внимание. И внутренние войска, и спецслужбы всегда находились в *особом* положении: из них формировались не боевые части, а заградительные отряды, их обеспечивали в первую очередь, им предоставлялись особые льготы и привилегии. Конечно, волна репрессий обрушилась и на органы, но это понятно — Сталин знал, что общая атмосфера недовольства в какой-то мере затронет и их.

К тому же предоставление спецслужбам слишком больших прав таило в себе известный риск. У всемогущих органов могло возникнуть ощущение своей *исключительности*, могли появиться собственные интересы, не совпадающие с интересами вождя партии. Периодическая смена руководства и "перетряхивание" органов призваны были напомнить их сотрудникам, что вся их сила, власть и привилегии

существуют не сами по себе, но лишь как *производное* от абсолютной власти Вождя.

Ясно, что деятельность органов вне страны была подчинена решению той же главной задачи. Здесь применим общий принцип: внешняя политика (включая политику органов) есть продолжение внутренней. Какая другая спецслужба уделяла столько энергии и средств борьбе с эмигрантами, похищениям и убийствам политических противников режима, проникновению в круги инакомыслящих, всякого рода провокациям! Агенты – бесценные с точки зрения интересов государства – легко приносились в жертву. Их “засвечивали” только ради того, чтобы убить, выкрасть или хотя бы выследить противника режима. А сколько агентов в 30-е годы пало жертвой родных органов по подозрению в личной нелояльности Вождю! Для Сталина (и не только для него) государственные интересы что-то значили только тогда, когда *целиком совпадали* с интересами режима и его собственными.

Конечно, и тут все было не так просто. Стремление сосредоточить в своих руках абсолютную власть привело к тому, что Сталин перестал доверять даже ближайшим соратникам по партии. Это вынудило его установить *особые отношения* с органами, отношения прямого подчинения Вождю. Не доверяя им (как и никому вообще) полностью, Сталин верил органам *больше других*, считая, что у них не может быть собственных, уж слишком больших амбиций. В результате партийные руководители оказались в странном положении: всемогущие в глазах населения, они стали таким же *объектом внимания* органов, такими же *подозреваемыми*, как и все прочие граждане страны. При жизни Сталина прочим вождям пришлось с этим мириться, зато после его смерти...

Ох и дали бы они этим органам, если бы... Если бы это была другая система, *нормальная*. Однако система и после Сталина осталась той же – противоестественной, а значит внутренне слабой, неустойчивой, чреватой взрывом. Печально, но выяснилось, что эти проклятые органы вождям *необходимы*. Для защиты народа от ереси, для защиты вождей от народа.

Так что, хотя гром и грянул, это был гром того рода, что изображает статист в провинциальном театре. Берию и несколько его ближайших подручных расстреляли. Министерство государственной безопасности демонстративно переименовали в комитет, да еще самого низкого ранга – при Совете Министров, а его председателем стал “всего лишь” член ЦК. Кого-то отправили на пенсию, а кого-то даже сократили (или перевели в запас?). Было торжественно объявлено, что отныне органы будут действовать под строгим контролем партии. Самое яркое, до гротеска, свидетельство этого “контроля” – приказ уничтожать собранные органами компрометирующие материалы на партийных руководителей определенной категории. Для понимания отношений партии с ее органами и общей *простоты нравов* “наверху” этот штрих дает больше, чем солидное исследование Дж.Баррона “КГБ”.

Едиственный диссонанс в этой опереточной “перестройке органов” – массовое освобождение политических заключенных. Не сказать об этом грешно, говорить трудно. Миллионы осужденных по ложным обвинениям – и всего несколько виноватых. Бог дал, Бог взял. Стихийное бедствие – культ личности.

Скоро, впрочем, начался откат. Предмет культа оказался совсем не таким плохим. Статус органов стал стремительно расти: “КГБ при...”, Комитет Совета Министров..., Комитет государственной безопасности СССР. Руководители органов вновь заняли положенное им место в партийной иерархии: первый секретарь ЦК союзной республики, член Политбюро, глава государства, неизменный член Президентского совета. Органы опять расширяются; по Калугину, они больше, чем в эпоху массового террора.

Итог: террора вроде бы нет, а армия террористов *растет*. К чему бы это?

4. Смутное время потому и называется смутным, что никому не известно, куда мы идем. В том числе тем, кто руководит нашим движением. Выборы, гласность, суверенитет республик, переход к рыночной экономике — и жуткое, таинственное, продолжающее расти чудище госбезопасности. Впечатление такое, что вожди потеряли *ориентацию*, что их действия лишены смысла.

Думаю, это все-таки не совсем так. Просто эпоха нынче снова ставит тот же проклятый вопрос, над которым бился Ленин в годы нэпа: *совместима* ли диктатура партии с рыночной экономикой, свободой, демократией? Ответа не знает никто. Потому-то наш рулевой, партия, нажимая на педаль газа, предусмотрительно держит ногу на тормозе. В нынешней обстановке руководство готово пожертвовать многим, но не собственной *властью*.

К бесчисленным определениям социализма я добавил бы еще одно. Социализм — это строй, который *выгоден* классу, захватившего власть и удерживающему ее силой. Выгоден всем его представителям — большим и малым, темным и образованным, умным и глупым, относительно честным и откровенным мошенникам. Большинству из них не так уж важно, куда пойдет страна — к коммунизму или к свободному рынку, главное, чтобы куда-то туда народ шел *под их руководством*. Органы государственной безопасности и призваны сохранить эту *модель движения*. Сейчас, в обстановке хаоса и неопределенности, нужда в них даже больше, чем в годы террора, — именно потому, что события грозят выйти из-под контроля, стать неуправляемыми. Без учета этого основополагающего момента нам не понять нынешнее положение КГБ.

Чем, собственно, занята эта мощнейшая организация? Конечно, шпионажем. Но оправдывает ли эта (похоже, не слишком успешная) деятельность содержание такого аппарата? Нет. Особенно сегодня, когда стране никто и ничто не угрожает. Кража чужих экономических секретов? А какой в этом *резон*, если система не в состоянии освоить даже большую часть того, что создается советскими специалистами и уж никак не является секретом. Контрразведывательные функции? Поднатужившись, председатель КГБ наскреб "десятки" иностранных агентов, разоблаченных за последние три-четыре года. Уж не знаю, какие такие секреты они могли сообщить "мировой буржуазии". Ясно, однако, что и эта игра определенно не стоит свеч.

Столь же наглядны результаты деятельности *внутри* страны. Ни один из крупных национальных конфликтов органы *не предотвратили*, их успехи в борьбе с организованной преступностью *ничтожны*. Когда после событий в Фергане руководителя КГБ Узбекистана спросили, куда смотрели органы, главный чекист республики ответил: "Куда надо, туда и смотрели". Этот ответ, дословно повторенный Крючковым на XXVIII съезде КПСС, был встречен аплодисментами. Делегаты, партийные руководители разных рангов, отлично поняли, что он имел в виду.

Несравненно труднее объяснить это *населению* страны. Численность КГБ — тайна из числа самых охраняемых. Генерал Калугин, когда его об этом спрашивали, отвечал уклончиво ("превышает численность секретных служб всех наших потенциальных противников вместе взятых", "в десятки раз больше, чем в любой западной стране", "она огромна", "сегодня их численность намного превышает довоенную"). Однако обычному гражданину точные цифры не слишком нужны. Он и без того знает, что аппарат КГБ не просто велик, но несообразно *огромен*. Численность этого аппарата явно превышает *разумные пределы*. Значит, одно из двух. Либо аппарат этот действует крайне неэффективно, либо... Либо основная его часть занимается не шпионажем, контрразведкой и прочими не слишком симпатичными, но естественными для этой организации делами, а *чем-то еще*. Чем же?

Полагаю, большого секрета тут нет. Основная функция КГБ, если выразиться деликатно, — *защита* конституционного строя, а попросту говоря, — *системы власти*. Защиты от чего? Конечно, прежде всего, от переворота. Однако и от многого другого: от многопартийной структуры, распада империи, экономических преобразований, подрывающих основы режима, излишне широкой гласности... Короче, от всего, что может представить угрозу существующему порядку вещей.

Такая позиция определяет *особый подход* органов ко всему, что происходит в стране. Под этим углом зрения резня турок-месхетинцев в Узбекистане, погромы в Сумгаите и Баку, деятельность "Памяти", растущая преступность вовсе не обязательно должны восприниматься как катастрофа. Напротив, все эти процессы, если умело ими манипулировать, могут сыграть *положительную* роль: способствовать разобщению потенциальных врагов режима, консолидации "здоровых" сил, созданию атмосферы страха.

Любой порядок лучше хаоса, сильная власть предпочтительнее анархии. Смысл многих действий (и бездействия) КГБ, может быть, в том и состоит, чтобы убедить людей в отсутствии *разумной альтернативы*. Пусть режим и не слишком хорош, любая другая возможность *еще хуже* полный развал экономики, резня, погромы, гражданская война. Если сами события не идут в этом направлении, органы готовы их подтолкнуть. Заодно решается и побочная, но достаточно важная задача — оправдать существование КГБ в его нынешнем виде. Чтобы уберечь страну в эти смутные времена, необходимы именно такие органы: огромные, таинственные, всеведущие и всемогущие.

Все это не надо понимать буквально. Анализ показывает, что аппарат КГБ растерян, плохо ориентируется в нынешней сложной обстановке, мало что знает и понимает. К примеру, в том же выступлении на XXVIII съезде партии глава "всеведущего" ведомства решительно высказался против "рынка по Адаму Смиту", настаивал на руководящей роли Политбюро. Сказано это было тогда, когда конец Политбюро был практически предreshен, а идея *регулируемого* рынка стала объектом юмора.

Надо полагать, что в КГБ разработан план действий на случай "левого" переворота. Однако вероятность такого развития событий близка к нулю. А вот перед процессами, реально идущими в обществе, органы *бессильны*. К борьбе с медленным, но неуклонным перерождением системы они просто не подготовлены.

Что же остается? Остается, очевидно, делать то, к чему органы *привыкли* и что они *умеют*. В своих выступлениях и интервью бывший генерал КГБ рисует впечатляющую картину деятельности органов: внедрение агентов в новые партии и организации, вербовка осведомителей, сбор материалов на инакомыслящих, прослушивание телефонных разговоров, перлюстрация писем, распространение темных слухов...

Все это, разумеется, вполне почтенные вещи. Но, увы, не слишком *осмысленные*. Пока нет команды разогнать, сажать, душить, вся эта бурная деятельность сильно напоминает толчение воды в ступе. Понятно, свой резон тут есть. Делается это в расчете на иное развитие событий, так сказать, на всякий пожарный случай. Однако сама эта перспектива сомнительна, а если случай (скажем, военный переворот) и представится, вся эта механика вряд ли сработает. И время нынче не то, да и органы не те. Конечно, и сотрудников, и средств (включая "потенциал, способный нанести ущерб здоровью и жизни гражданам") у них хватит, а вот *идеологической базы террора нет*. Потому-то органы так беспомощны в борьбе с Калугиным: что ни акция, то конфузия...

Похоже, там, в верхних эшелонах КГБ, начинают понимать, что основная прежде функция органов — создание в стране системы *социального страха* — себя исчерпала. Если руководство рассчитывает их сохранить (а в этом, судя хотя бы

по проекту нового закона "О Комитете государственной безопасности СССР", нет сомнений), органам нужно искать *новое поле деятельности*.

И поиски ведутся. Уже на XXVIII съезде партии председатель КГБ Крючков уделил неожиданно много внимания *теневой* экономике. Позднее, в августе, "Правда" напечатала его статью "Знаем ли мы всю правду о теневой экономике?", которая подозрительно напоминает заявку на золотonosный участок. Автор красочно описывает это чудовище (его оборот ныне достигает 150 млрд. рублей и продолжает расти), угрожающее нам нищетой, расслоением общества, обострением социальных конфликтов и прочими бедами.

Не требуется особой проницательности, чтобы понять, с чего это вдруг глава органов решил уделить столько внимания сфере, весьма далекой от прямых интересов его ведомства. Расчет тут двойной. Во-первых, убедить публику, что борьба с новым Голиафом потребует титанических усилий и справиться с ним под силу только такому же Голиафу, КГБ. Во-вторых, отнюдь не вредно в очередной раз "пугануть" гражданина свободным рынком. Уж если нам действительно не избежать этой *напасти*, этого стихийного бедствия, то его надо хотя бы поставить под *контроль* — задача, которая опять-таки под силу только органам... Понятно, что в свете новых задач органы придется несколько расширить, усилить, укрепить, предоставить им дополнительные права и возможности. Тут уж, однако, ничего не поделаешь. Трудно бороться с капитализмом на берегах Гудзона или Темзы, но неизмеримо труднее — у себя *дома*, на берегу Волги...

Некоторое (далеко не полное, конечно) представление о планах грядущей "перестройки" КГБ дает проект закона "О Комитете государственной безопасности", разработанный, естественно, самим комитетом. Практический смысл этого обширного документа очевиден: *узаконить*, возвести в ранг нормы те *особые, чрезвычайные полномочия*, которыми пользовались органы с момента их создания. Но за этой, достаточно банальной задачей отчетливо просматривается *сверхзадача*. Нам снова и снова вдалбливают, что человек — всего лишь пылинка рядом с величественной особой государства, что человеческие интересы, чувства, настроения, мораль — меньше чем ничего в сравнении с "высшими" интересами державы.

Существуют разные теории происхождения государства. Например, Гуго Гроций и его последователи считали, что государство — результат договора между людьми, которые согласились отказаться от части своих естественных прав в пользу государственной власти, призванной охранять собственность и безопасность граждан. В октябре 1917 года нам предложили новую трактовку общественного договора: *насильственное лишение* граждан их естественных прав, режим *оккупации*. Проект закона о КГБ и есть документ, регулирующий эти, давно уже ставшие привычными отношения. Отношения граждан оккупированной страны с оккупационными властями. ●

Кристофер ЭНДРЮ,
Олег ГОРДИЕВСКИЙ

КГБ ВО ВРЕМЕНА ГОРБАЧЕВА

С наступлением эры Горбачева подошел к концу период непрерывного расширения советской внешней разведки, продолжавшийся более 20 лет. Наиболее впечатляющим было расширение мировой сети РИЭС (разведка источников электромагнитных сигналов). Поскольку большая часть этой сети следила за военными и военно-морскими объектами, более всего выиграло от этого расширения ГРУ, а не КГБ. В середине 80-х годов в Советской Армии насчитывалось 40 полков, 170 батальонов и более 700 рот РИЭС. ГРУ проводило перехват сигналов при помощи самолетов более чем 20 различных типов, а также 60 надводных кораблей. За 20 лет, прошедших после запуска спутника "Космос-189" в 1967 г., Советский Союз вывел на орбиту более 130 спутников РИЭС в соответствии с требованиями Управления космической разведки ГРУ, расположенного в Ватутинках, в 50 км к юго-западу от Москвы.

Шестнадцатое (РИЭС) управление КГБ, хотя и меньше, чем соответствующее ему Шестое управление ГРУ, также быстро расширялось. Сегодня, кроме штаб-квартиры в главном здании КГБ на пл. Дзержинского, оно располагает своим собственным компьютерным комплексом в центре Москвы и большой исследовательской лабораторией в Кунцево, в 15 км к северо-западу от Ясенева, за пределами Московской кольцевой дороги. Шестнадцатое управление, как и ГРУ, имеет свои станции наблюдения в советских дипломатических и торговых миссиях более чем в 60 странах; большинство их заняты только перехватом сигналов, обработка и дешифровка которых производится в Москве. КГБ и ГРУ имеют также ряд станций РИЭС в других странах советского блока и в странах просоветской ориентации. Крупнейшие станции расположены в Лурде на Кубе, близ Адена в Йемене и в бухте Камрань во Вьетнаме. Хотя ГРУ в принципе интересуется военной связью и электронной разведкой, а Шестнадцатое управление КГБ сосредоточилось на дипломатической и экономической информации, эти два агентства, по видимому, в огромной степени дублируют деятельность друг друга.

Шестнадцатое управление продолжает зависеть от Шестнадцатого отдела ПГУ (Первого главного управления) в получении шифрованного материала от зарубежных агентов. В 1985 г. офицер Шестнадцатого отдела Лондонской резидентуры сказал Гордиевскому, что в Великобритании в настоящее время нет источника, поставляющего высококачественный шифрованный материал. Во многих случаях, однако, удалось добиться успеха в ряде других стран НАТО, а также в странах Третьего мира. Их сообщения были открытой книгой для шифровальщиков Шестнадцатого отдела. Лондонская резидентура сообщила в 1984 г. Центру, что шифровальщик Министерства иностранных дел другой страны НАТО, работавший на КГБ в течение последних 10 лет, должен быть скоро переведен в посольство в Лондоне. Этот агент, однако, неожиданно умер накануне своего перевода.

Постоянная уязвимость американского посольства в Москве была вновь продемонстрирована в 1986 г., когда два охранника из числа солдат морской пехоты признались в том, что пропускали агентов КГБ в посольство. В 1987 г. один из этих охранников, сержант Клейтон Лоунтри, которого соблазнила сотрудница КГБ Виолетта Шейна, был приговорен к 30 годам тюремного заключения. Усовершен-

ствование устройств внутренней безопасности привело к тому, что Лоунтри, по-видимому, нанес меньший ущерб, чем другой сотрудник посольства, попавший в аналогичную ситуацию несколько десятков лет назад. По-видимому, невероятно, чтобы КГБ сейчас преуспело в получении доступа к шифровальной комнате или в установке "жучков" (подслушивающих устройств) в других важных помещениях посольства.

Наиболее важный случай электронного проникновения в Соединенных Штатах произошел в начале 80-х гг. Речь идет о деле Рональда Пелтона, который работал в Агентстве национальной безопасности США с 1964 по 1979 г. и предложил свои услуги главной резидентуре КГБ в Вашингтоне в ноябре 1970 г. В течение почти 6 лет, пока его не арестовали в ноябре 1985 г., Пелтон поставлял подробные разведывательные данные относительно успехов АНБ и методов обеспечения безопасности в 70-х гг. Хотя эта информация и не была вполне новой, Шестнадцатый отдел придавал ей огромное значение. Он составил документ на 60 страницах, в котором подробно перечислил, какие именно советские сообщения АНБ рассматривало как важнейшие, как и насколько успешно они анализировались. Пелтон также поставил под угрозу пять систем перехвата РИЭС, в том числе операцию "Цветы плюща" по прослушиванию советского подводного кабеля в Охотском море. Сотрудник КГБ Виталий Юрченко, бежавший в США, а затем вернувшийся назад, выдал Пелтона в 1985 г. По-видимому, ему не было известно о более поздних проникновениях КГБ в АНБ.

Когда Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, КГБ представлял собой огромную охранную и разведывательную империю с 400 тысяч сотрудников внутри Советского Союза, 200 тысяч пограничных войск и широкой сетью осведомителей. Несмотря на важность электронной разведки, Шестнадцатому управлению не был еще придан статус главного управления. Наиболее престижной частью КГБ оставалась внешняя разведка, Первое главное управление, которое, будучи сравнительно небольшим по внутренним масштабам КГБ, испытало наибольшее расширение за предыдущие 20 лет. В 1985 г. в Ясенево открылось новое 11-этажное здание, а также 22-этажная пристройка к первоначальному зданию штаб-квартиры, спланированному финнами. Штаб ПГУ увеличился с 3 тысяч в середине 60-х годов до 12 тысяч в середине 80-х. Расширилась также сфера его операций. В списке его приоритетных целей быстро поднимались вверх Япония и район Тихого океана.

Александр Александрович Шапошников, ставший резидентом в Токио в 1983 г., имел в ПГУ репутацию одной из птиц высокого полета. Сеть агентов КГБ в Японии, которая в 70-х годах включала нескольких выдающихся политиков, журналистов, бизнесменов и государственных чиновников, была частично разрушена бегством в 1979 г. офицера токийской резидентуры Станислава Левченко. При Шапошникове она, по-видимому, была вновь восстановлена. В "Плане работы" на 1982—1985 гг. район Тихого океана впервые был поставлен на первое место, хотя Японии как цели разведки все еще придавалось меньшее значение, чем Соединенным Штатам, Китаю, Индии, ФРГ, Великобритании и Франции. Австралии до середины 80-х годов уделялось мало внимания. В Центре ею занимались только три офицера Третьего отдела (они также должны были присматривать за Ирландией и Мальтой).

На заседании парткома ПГУ осенью 1984 г., на котором присутствовало большинство старших офицеров, главу Третьего отдела Николая Грибина спросили, почему его сотрудники получают так мало разведывательной информации о Китае из Австралии, где имеется большая община китайских эмигрантов. В ответ Грибин спросил, а знают ли они размер резидентуры в Австралии. Спрашивающий признался, что не знает. Никто из присутствующих также не знал. Грибин сказал им, что в Австралии есть только семеро штатных сотрудников КГБ и, по-видимому, ни одного внештатного. Все согласились, что присутствие КГБ в этом районе должно быть усилено. Деятельность КГБ в Австралии усилилась также в результате

победы на выборах в Новой Зеландии и прихода к власти лейбориста Дэвида Ланге в 1984 г., на волне выдвинутой им антиядерной программы. До тех пор присутствие КГБ в Новой Зеландии было столь малым, что в 1979 г. в отсутствие резидента КГБ Николая Александровича Шацких и после высылки другого офицера КГБ послу В.Н.Софинскому было поручено тайно передать Объединенной социалистической партии денежные средства, что обычно является делом КГБ. Софинского на этом поймали и объявили *persona non grata*. Центр, однако, был в восторге от избрания Ланге и сообщил лондонской резидентуре, что он придает "огромное значение" организации в Европе поддержки решения Ланге запретить американским судам с ядерным оружием на борту заходить в новозеландские порты и его антиядерной политики в целом.

За исключением умеренного увеличения своего представительства в тихоокеанском регионе, а также в нескольких новых консульствах в других местах с началом горбачевской эры КГБ более не расширяет своей деятельности за рубежом. КГБ планировал открыть резидентуры в Израиле, Южной Корее и Южной Африке, когда дипломатические отношения с этими странами будут установлены либо восстановлены. В целом, однако, падение цен на нефть и углубляющийся экономический кризис в Советском Союзе лишили КГБ дополнительных валютных средств, необходимых ему для неограниченного расширения деятельности, продолжавшейся в последней четверти столетия.

*

Основные изменения во внешних операциях КГБ во второй половине 80-х годов происходили на уровне риторики и связи с прессой. В 1990 г. впервые было открыто названо имя главы Первого главного управления: Леонид Шебаршин. Корреспондент "Правды" также впервые был допущен в штаб-квартиру Первого главного управления в Ясенево. Он нашел, что контора Шебаршина выглядит не столь зловеще, как в те времена, когда его кабинет занимал Крючков. На полке стояла фотография маленького внука Шебаршина, в книжном шкафу находились книги о КГБ, изданные на Западе, а также труды Солженицына и других авторов, которых раньше клеймили как антисоветчиков. "Сейчас мы стремимся, — сказал Шебаршин "Правде", — выявить все положительное в мировой политике, использовать любую возможность для улучшения международных отношений и прийти к взаимоприемлемым решениям". Шебаршин, однако, отнесся с неодобрением к ревизии истории ПГУ: "Я совершенно категорически не могу согласиться с теми, кто сейчас пытается возложить вину за холодную войну на Советский Союз". Он также настаивал на том, что угроза со стороны Запада не исчезла: "Ни в коем случае мы не должны терять бдительности в отношении интриг и махинаций враждебных сил".

Хотя большинство изменений в деятельности ПГУ в течение первых пяти лет горбачевской эры носили чисто косметический характер, следует отметить изменение на оперативном уровне, касающееся так называемых "активных мероприятий". Когда Горбачев стал Генеральным секретарем, дела в этой области шли как обычно, и он не выказывал никакого намерения в них вмешиваться. С 1975 по 1985 г. штат Службы А ("активные мероприятия") вырос с 50 до 80 человек в Ясенево, и еще человек 30–40 находилось в Агентстве печати "Новости" на Пушкинской площади. Крючков лично с энтузиазмом поддерживал "активные мероприятия". По мнению Гордиевского, он преувеличивал их эффективность. Он часто обсуждал кампанию по "активным мероприятиям" в Международном отделе ЦК КПСС, где его энтузиазм, по-видимому, разделяли. В начале 1985 г. Л.Ф.Сотсков, первый заместитель начальника Службы А, сказал Гордиевскому, что его служба концентрируется на трех основных темах: материалы, направленные на дискредитацию всех аспектов американской политики; кампания по углублению

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

ПЕРВОЕ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Операции за рубежом

Управление С

Политическая разведка

Управление Т

Промышленный шпионаж

Управление К (линия КР)

Проникновение в иностранные
разведорганы

Служба I

Анализ и оценка информации

Служба А

“Активные мероприятия”

Служба Р

Анализ и оценка операций

Отдел VIII

Саботаж

Отделы:

1. США и Канада
2. Латинская Америка
3. Британское Содружество.
Скандинавия
4. ФРГ и Австрия
5. Романские страны.
Бенилюкс, Ирландия
6. Китай, Индокитай, Корея
7. Япония, Юго-Восточная Азия
8. Ближний и Средний Восток,
Греция, Албания
9. Англоязычная
(франкоязычная?) Африка
10. Франкоязычная
(англоязычная?) Африка
11. Связь с разведслужбами
союзных государств
12. Агентура особого
назначения
13. Средства связи (?)
14. Оружие и технические
средства
15. Карты и архивы
16. Штаты и вербовка
(шифровальщики и персонал
связи иностранных государств?)

ВТОРОЕ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Внутренние операции

Направления:

1. Центральная Россия
2. Север (Ленинград и
Прибалтика)
3. Юг (Украина)
4. Восток (Средняя Азия,
Сибирь)
10. Хозяйственные преступления
11. Учебные учреждения
12. Надзор за иностранцами

**Управление охраны
промышленных объектов**

Группа технической помощи Обыски

Отделы:

1. Внутренняя безопасность
(контроль за сотрудниками)
2. Финотдел и бухгалтерия
3. Регистратура (досье на агентов,
заключенных и выезжающих за рубеж)
4. Особые (дисциплинарные)
расследования
5. Анализ и оценка операций
6. Правительственная связь
7. Туристы
8. Компьютерный центр

ТРЕТЬЕ УПРАВЛЕНИЕ

Армия

Отделы:

1. Министерство обороны
2. Генеральный штаб
3. ГРУ
4. Сухопутные войска
5. Флот
6. Авиация
7. Пограничные войска
8. Милиция
9. Войска МВД
10. Ракетные войска
11. Аэрофлот
12. Московский военный округ

СЕДЬМОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Наблюдение (слежка)

Отделы:

1. Граждане США
2. Целевое наблюдение
- 3 и 4. Иностранцы (кроме граждан США)
5. Здания посольств в Москве
6. Проверка кандидатов в сотрудники
7. Технические средства
9. Улицы Москвы
10. Общественные организации
11. Маскировка
12. Особо важные лица

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОГРАНВОЙСК**ВОСЬМОЕ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ**

Шифровка и безопасность линий связи, перехват и расшифровка сообщений

ПЯТОЕ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Охрана конституционного строя

Отделы:

- 5 (?). Религиозные объединения
- 6 (?). Национальные меньшинства
- 7 (?). Зарубежные контакты советских граждан
- 8 (?). Эмигранты
- 9 (?). Цензура и публикации
- (?). Еврейские проблемы

ДЕВЯТОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Обеспечение личной безопасности партийно-государственного руководства

ОБЩЕЕ УПРАВЛЕНИЕ**Административный отдел**

Жилища, транспорт, дома отдыха

Технический отдел

Оружие и оборудование для внутренних операций, лаборатории, почтовая цензура

Личный отдел

Планирование, найм, перемещения по службе, обучение

ШЕСТНАДЦАТОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Разведка источников электромагнитных сигналов (строительное управление?)

Схема внутреннего устройства КГБ составлена с использованием ряда зарубежных источников, основывающихся на данных перебежчиков из КГБ, а также эпизодических упоминаний в советской прессе. В тех случаях, когда разные источники противоречат друг другу, даны несколько вариантов. В схеме Пятого главного управления недавно изменены номера отделов, которые сейчас достоверно не известны. *Ред.*

конфликта между Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО; поддержка мирных движений на Западе. Одним из достижений Службы А в начале горбачевской эры, которым она особенно гордилась, была организация нападок на обращение президента Рейгана к Европейскому парламенту в мае 1985 г. Старший офицер ПГУ, занимавшийся "активными мероприятиями", заверил Гордиевского, что КГБ даже определяло содержание выкриков, которыми осыпали президента.

В принципе офицеры резидентур должны были уделять примерно четверть своего времени "активным мероприятиям", хотя на практике тратилось, конечно, гораздо меньше. Гордиевский отмечает, что качество подделок и другого материала, производимого Службой А, бывало самым различным, что, конечно, определялось квалификацией сотрудников. Около половины всех сотрудников службы были специалистами по "активным мероприятиям"; вторую половину составляли те, от которых постарались избавиться другие отделы. Лишь немногие наиболее способные и честолюбивые сотрудники ПГУ стремились получить работу в Службе А; здесь лишь в редких случаях можно было занять какой-либо пост за рубежом. Работа в этой службе рассматривалась как тупик карьеры. Некоторые "активные мероприятия" провалились в результате бегства Гордиевского. В их числе – планы дискредитации Кестон колледжа, занимающегося изучением положения религии в Советском Союзе, и фабрикация "заявления" г-жи Тэтчер по вопросам оборонной политики председателю американского Объединенного комитета начальников штабов.

В конце 80-х годов "активные мероприятия" на Западе – но не в Третьем мире – стали менее агрессивными. Постепенно свертывалось производство статей, брошюр и речей с нападками на Рейгана и Тэтчер, которые Служба А изготовляла в начале 80-х годов для своих западных агентов влияния, таких как Арне Петерсен. Появились признаки разочарования советской стороны деятельностью организаций-вывесок, которые все более и более себя дискредитировали. В 1986 г. Ромеша Чандру, который долго находился на посту председателя Всемирного совета мира, заставили выступить с самокритикой. "Следует учесть критику, – признал он, – и произвести необходимые изменения". Главным "изменением" было назначение на пост генерального секретаря финна Иоханнеса Пакаслаhti, который должен был заменить Чандру в качестве главной фигуры в ВСМ. Изменения в личном составе, однако, были недостаточны, чтобы возродить убывающее влияние ВСМ. В 1988 г. председатель Советского комитета защиты мира Генрих Боровик, – кстати, зять Крючкова, – призвал ВСМ стать "более плюралистической организацией". В 1989 г. ВСМ утратил остатки доверия к себе, когда признал, что 90% своего дохода он получает из Советского Союза. Хотя в горбачевский период были произведены некоторые изменения в методах и приоритетах, нет никаких признаков того, что "активные мероприятия" могут быть прекращены. Международный отдел ЦК КПСС продолжает осуществлять контроль над "серыми" или полутайными "активными мероприятиями" через организации-вывески с полускрытым советским присутствием. В сотрудничестве с Международным отделом ЦК Служба А проводит "черные" или тайные "активные мероприятия", советское происхождение которых полностью скрыто.

Главной областью современных "активных мероприятий" как Международного отдела ЦК, так и Службы А является Третий мир. В конце 80-х годов Служба А ежегодно производила от 10 до 15 подделок американских официальных документов. Некоторые из них представляли собой "молчаливые подделки", которые доверительно показывали влиятельным лицам в Третьем мире, чтобы предостеречь их против якобы враждебных операций ЦРУ и других американских агентств. Другие использовались для организации кампаний в печати. Так, в 1987 г. было распространено поддельное письмо директора ЦРУ Уильяма Кейзи о планах дестабилизации индийского премьер-министра Раджива Ганди. В 1988 г. появился "документ" Национального совета безопасности США с инструкциями президента

Рейгана по дестабилизации Панамы. В 1989 г. было сфабриковано письмо министра иностранных дел Южной Африки "Пика" Боты госдепартаменту США относительно секретного соглашения о сотрудничестве с Соединенными Штатами в военной, разведывательной и экономической областях.

Пожалуй, наиболее успешным "активным мероприятием" в Третьем мире в первые годы горбачевской эры, представляющим собой смесь открытой пропаганды и тайных операций Службы А, была попытка возложить ответственность за появление СПИДа на американцев, якобы готовящихся к биологической войне. Эта история началась летом 1983 г. с публикации в просоветской индийской газете "Patriot" статьи, в которой утверждалось, что вирус СПИДа был "создан" во время экспериментов по генной инженерии в Форт-Детрике (Мэрилэнд). Первоначально это сообщение не произвело впечатления, но оно было с большим шумом повторено советской "Литературной газетой" в октябре 1985 г. На этот раз история про СПИД была подкреплена авторитетом вышедшего на пенсию восточно-германского биофизика русского происхождения профессора Якова Сегала. Сегал пытался доказать посредством косвенных свидетельств (позднее полностью опровергнутых), что вирус был искусственно синтезирован в Форт-Детрике из двух естественно существующих вирусов: VISNA и HTLV-1. Пересказанная на псевдонаучном жаргоне выдумка про СПИД прокатилась по всему Третьему миру, но также привлекла некоторое внимание и западной печати. В октябре 1986 г. консервативная английская газета "Sunday Express" провела интервью с профессором Сегалом, которое было опубликовано в качестве ударного материала на первой странице газеты. Только за первые шесть месяцев 1987 г. эта история широко освещалась в более чем 40 странах Третьего мира.

Однако в самый разгар успеха "активное мероприятие СПИД" было подорвано "новым мышлением" советской внешней политики. Горбачев сказал на совещании редакторов советских газет в июле 1987 г.: "Мы должны говорить правду и ничего кроме правды". Он и его советники были явно озабочены тем, что разоблачение советских методов дезинформации может повредить созданию на Западе нового образа Советского Союза. Перед лицом официальных американских протестов и опровержения истории про СПИД со стороны международной научной общности, включая ведущего эксперта по проблеме СПИДа Виктора Жданова, Кремль впервые публично проявил признаки замешательства, вызванного успехом своего "активного мероприятия". В августе 1987 г. американским представителям в Москве было заявлено, что от истории про СПИД теперь официально отказались. Публикации на эту тему в советской прессе почти полностью прекратились. С сентября 1988 г. советские газеты вообще перестали упоминать об этой истории. Однако в 1990 г. она все еще циркулировала не только в Третьем мире, но также и на страницах наиболее доверчивых изданий западной прессы. Еще одно интервью с профессором Сегалом, а также фильм о Форт-Детрике — месте, где якобы был создан вирус СПИДа, составили важную часть документального фильма о СПИДе, созданного западногерманской телевизионной компанией в январе 1990 г. для 4-го канала британского телевидения и для Deutsche Rundfunk WDR (Кельн).

Официальный отказ от истории про СПИД сопровождался другими не менее оскорбительными антиамериканскими "активными мероприятиями" в Третьем мире. Некоторые из них нашли свое отражение также и на Западе. Одним из наиболее успешных "мероприятий" была история про "запасные части": о том, что американцы якобы расчленяют тела латиноамериканских детей и используют их для нужд трансплантации органов. Летом 1988 г. эта история была подхвачена расположенной в Брюсселе советской организацией-вывеской — Международной ассоциацией юристов-демократов (МАЮД). Она широко освещалась в прессе более чем в 50 странах. В сентябре 1988 г. член Европейского парламента от французской компартии Даниэль де Марш предложила резолюцию с осуждением торговли "запасными частями", ссылаясь на отчет МАЮД, как на доказательство своих обвине-

ний. Резолюция прошла открытым голосованием в полупустом зале. В распространение фальшивки о "запасных частях" были вовлечены даже такие далекие от КГБ группы, как Свидетели Иеговы, которые опубликовали эту историю в 1989 г. в своем журнале "Пробудись", распространяемом тиражом в 11 миллионов экземпляров и печатающемся на 54 языках. Греческая газета сообщила, что человеческие сердца продаются в Соединенных Штатах по цене от ста тысяч до миллиона долларов каждое.¹

Среди других фальшивок, до сих пор распространяющихся в Третьем мире, находится утверждение, что Соединенные Штаты разрабатывают, или даже уже разработали, "этническое оружие", которое будет убивать только небелое население. К 1990 г. "новое мышление" горбачевской эры значительно понизило уровень антизападной дезинформации в советской прессе, но все еще не оказывает никакого влияния на операции Службы А в Третьем мире.

*

Наибольшая угроза для будущего КГБ — это его прошлое. В сталинский период из своей штаб-квартиры на пл. Дзержинского эта организация осуществляла крупнейшие в мирное время репрессии и создала самую большую в европейской истории сеть концентрационных лагерей. Народный депутат СССР и выдающийся советский спортсмен Юрий Власов сказал Съезду народных депутатов СССР в 1989 г.: "КГБ — это не служба, а целая подпольная империя, которая до сих пор не выдает своих тайн". Нервозность, с которой Центр воспринимает требования открыть архивы, показывает, что он понимает угрозу, которую они таят для КГБ. Первоочередной задачей КГБ при подготовке к провозглашению независимости Литвы в 1990 г. было уничтожение сотен тысяч компрометирующих досье. Председатель литовского КГБ Эдуардас Эйсмунтас практически признал, что большинство архивов было либо уничтожено, либо перевезено в Москву. Вскоре после этого Эйсмунтас ушел со своего поста.

Наибольшее беспокойство вызывают досье КГБ, касающиеся его внешних операций. В конце 80-х годов КГБ вел долгие, хотя и безнадежные арьергардные бои, уклоняясь от признания ответственности за убийство польских офицеров в Катыни, совершенное НКВД. В марте 1990 г. последнее коммунистическое правительство Польши наконец-то решилось возложить ответственность за убийство на КГБ. Польская пресса опубликовала документы, найденные в карманах убитых офицеров и доказывающие, что во время казни эти люди были заключенными системы НКВД. Однако еще в следующем году пресс-бюро КГБ продолжало обвинять в убийстве немцев и отказывалось "предвосхищать" долго откладывавшиеся выводы деятельности советско-польской комиссии. Когда "Московские новости" бросили КГБ вызов — "подтвердить или опровергнуть" польские документы, — главный редактор стал получать угрозы. Ветераны НКВД, знавшие о катынском убийстве, сообщили "Московским новостям", что КГБ приказал им не раскрывать правды. И лишь в апреле 1990 г., когда Горбачев вручил Ярузельскому портфель документов, раскрывающих роль НКВД в убийстве, КГБ наконец склонился перед неизбежным и признал свою ответственность. В течение нескольких последующих месяцев было обнаружено еще несколько массовых захоронений польских офицеров.

Страх Центра перед потенциальными осложнениями, которые может вызвать раскрытие досье даже одного единственного иностранца, хорошо иллюстрируется случаем Рауля Валленберга. Находясь в Будапеште в 1944—45 гг., Валленберг спас жизнь тысячам евреев, поставив их под шведскую дипломатическую защиту. Однако, вскоре после того, как Советская Армия оккупировала Венгрию, он

¹ Последняя (известная нам) советская публикация на эту тему имела место в № 9 журнала "Молодая гвардия" за 1990 г. — *Ред.*

таинственным образом исчез. Шведское правительство, семья Валленбергов и общество Рауля Валленберга все время требовали от Москвы раскрыть правду относительно его судьбы. Отказ КГБ открыть его "Дело" приводил к тому, что постоянно возникали слухи — к сожалению, необоснованные, — что Валленберг еще жив и находится где-то в советских лагерях. В 1957 г. Андрей Громыко, в то время заместитель министра иностранных дел, вручил шведскому послу меморандум, в котором утверждалось, что Валленберг умер в советской тюрьме от инфаркта миокарда в 1947 г. Эта фальшивка до сих пор выдается советскими властями за "неопровержимый факт". Однако в октябре 1989 г., в попытке ослабить международное давление, направленное на раскрытие досье КГБ по делу Валленберга, представители общества Рауля Валленберга были приглашены в Москву на переговоры. В числе приехавших были сводная сестра Рауля Валленберга Нина Лагергрэн и его сводный брат Ги фон Дардел. Они были приняты Вадимом Петровичем Пирожковым, заместителем председателя КГБ, и Валентином Михайловичем Никифоровым, заместителем министра иностранных дел. Они вручили родственникам Валленберга его паспорт, некоторые его личные вещи и копию фальшивого сообщения о смерти, датированного 17 июля 1947 г. и подписанного начальником санчасти Лубянской тюрьмы. Пирожков и Никифоров выразили "глубокое сожаление", что, "несмотря на упорные поиски", в архивах КГБ не удалось более найти никаких документов. Многие, в том числе Андрей Сахаров, открыто выразили сомнение в том, что столь важное досье КГБ на иностранного дипломата исчезло. В действительности это досье никогда не исчезало, оно просто считается слишком компрометирующим, чтобы можно было его открыть.

В досье КГБ на Валленберга содержится информация, что вскоре после того, как Советская Армия заняла Будапешт, НКВД пытался завербовать Р.Валленберга в агенты. Когда Валленберг категорически отказался, НКВД, обеспокоенный тем, что он может рассказать о попытке вербовки, арестовал его и вывез в Советский Союз. Дальнейшие попытки в Москве убедить Валленберга стать советским агентом также кончились неудачей. Он был расстрелян не позднее чем в 1947 г. Чтобы замутить воду в деле Валленберга, КГБ в 1989 г. привлек одного из ветеранов "активных мероприятий" Радомира Богданова, в то время заместителя директора Института Соединенных Штатов и Канады АН СССР, заместителя председателя Советского комитета защиты мира. В качестве резидента в Нью-Дели в 1957—1967 гг. Богданов сыграл ведущую роль в превращении Индии в один из главных центров советских "активных мероприятий". Весной 1989 г. Богданов начал рассказывать иностранным гостям и журналистам в Москве, что Валленберг действовал в качестве посредника в секретных переговорах в 1944 г. между Лаврентием Берия и главой СС Генрихом Гиммлером. Московский еженедельник "Новое время", ранее неоднократно использовавшийся для проведения "активных мероприятий", продолжил кампанию очернения, изображая Валленберга как плейбоя, юбочника и друга Адольфа Эйхмана, главного исполнителя программы Окончательного Решения.

КГБ, однако, более не является хозяином всех своих секретов. В результате демократических революций в Восточной Европе возникла возможность того, что, как и во время "Пражской весны" 1968 г., некоторые секреты могут появиться на свет Божий из досье, хранящихся у бывших союзников по советскому блоку. Один из таких секретов, который, наверняка, должен волновать Крючкова лично, — это досье Болгарской госбезопасности об убийстве болгарского писателя-эмигранта Георгия Маркова в октябре 1978 г. За несколько месяцев до этого генеральный секретарь Болгарской компартии Тодор Живков старался заручиться помощью КГБ в том, чтобы заставить замолчать эмигрантов, таких, как его бывший протеже Марков, нападавших на него в западной печати. Центр предоставил Живкову и болгарской Державной Сигурности (ДС) услуги сверхсекретной лаборатории КГБ при Оперативно-техническом управлении, находящейся под прямым

контролем председателя КГБ. Крючков лично одобрил откомандирование в ДС генерала Сергея Михайловича Голубева из Управления К (ПГУ) для оказания помощи в использовании ядов, разработанных в лаборатории КГБ, против болгарских эмигрантов. (Через семь лет после этого Голубев руководил операцией по обработке Гордиевского наркотиками из той же самой лаборатории в безуспешной попытке заставить его признаться). Голубев посещал Софию три или четыре раза в течение 1978 г., чтобы помочь в выполнении плана операций против эмигрантов.

Первой целью был болгарский эмигрант, живший в Англии. Когда он был в отпуску на континенте, ДС смазала стены комнаты, в которой он остановился, ядом, который проникал в организм сквозь кожу, и, согласно данным лаборатории КГБ, не оставлял следов и обладал смертоносным действием. Жертва серьезно заболела, однако выжила. С одобрения Крюčkова, Голубев вернулся в Софию, чтобы разработать новый план нападения. По просьбе Голубева главная резидентура КГБ в Вашингтоне приобрела несколько зонтиков и отослала их в Центр. В ОТУ приделали к концу каждого зонтика иглу, оставлявшую в теле жертвы крохотный металлический шарик, содержащий ризин—высокотоксичный яд, извлеченный из семян клещевины. Голубев затем отвез зонтики в Софию, чтобы проинструктировать убийцу из ДС, как ими пользоваться. Первой жертвой стал Георгий Марков, в то время работавший в болгарской секции мировой службы Би-Би-Си. Перед своей смертью в больнице Марков успел сказать врачам, что он столкнулся на Вестминстерском мосту с незнакомцем, который извинился за то, что случайно ткнул его зонтиком. На правом бедре Маркова был найден след укола и обнаружены остатки шарика, чуть больше булавочной головки. Однако ко времени вскрытия ризин уже разрушился.

Вторая попытка убийства оказалась неудачной. Она была сделана через неделю в Париже и направлена против другого болгарского эмигранта, Владимира Костова. На этот раз стальной шарик не успел распастся и был извлечен из тела Костова до того, как из шарика выделился ризин. После ареста Тодора Живкова в конце 1989 г., Софию посетила вдова Маркова в надежде установить, кто ответственен за смерть ее мужа. Даже если досье ДС по делу Маркова было уничтожено или отослано в Москву, несомненно можно найти офицеров ДС, знающих правду о его убийстве. По мере того, как Болгария движется в направлении к демократии, вполне возможно, что они захотят раскрыть правду.

*

Несмотря на беспрецедентную пропагандистскую кампанию, КГБ, пожалуй, является единственным нереструктурированным учреждением горбачевской России. Несмотря на все попытки изменить свой образ, Крючков является пережитком дискредитированного прошлого. Его заместители Владимир Петрович Пирожков, Филипп Денисович Бобков, Гений Евгеньевич Агеев и Владимир Яковлевич Лежепков занимали высокие посты в брежневский период. Сегодняшний КГБ старается максимально отмежеваться как от сталинского террора, так и от преступлений "периода застоя". Призраки ужасного прошлого, однако, продолжают преследовать КГБ. Советские граждане спрашивают себя, можно ли вообще реформировать подобную организацию. Народы Восточной Европы уже осудили свои собственные секретные службы, созданные по образу и подобию КГБ. Рано или поздно это произойдет и с КГБ. Начало этого процесса было ознаменовано живой цепочкой со свечами в руках, окружившей штаб-квартиру КГБ 30 октября 1989 г., чтобы почтить память миллионов его жертв.

СУДЬБА РАУЛЯ ВАЛЛЕНБЕРГА

Имя Рауля Валленберга, долгие десятилетия бывшее табу для советской прессы, теперь широко известно в Советском Союзе. О Валленберге говорят по радио и телевидению, о нем пишут журналы и газеты, снимаются кинофильмы. Человек, ставший символом гуманизма и мужества для всего человечества, наконец получил признание и в той стране, где он более сорока лет назад исчез без следа. Выяснением судьбы Рауля Валленберга, расследованием обстоятельств его исчезновения занято сейчас множество людей в Советском Союзе: независимые журналисты, члены общества «Мемориал», еврейских общественных организаций. Даже некоторые официальные советские инстанции не остались в стороне от поисков.

На этом фоне особо выделяется Комитет государственной безопасности СССР – правопреемник МГБ, преступной организации, ответственной за исчезновение Рауля Валленберга. Можно считать доказанным, что КГБ не только располагает полной информацией о судьбе Валленберга – его «Делом», – но и намеренно скрывает ее от общественности. Нынешнее руководство Комитета госбезопасности – прямой укрыватель преступления, совершенного 45 лет назад в отношении бесстрашного гуманиста.

*

О миссии Валленберга в Будапеште в конце войны и об обстоятельствах его таинственного исчезновения в январе 1945 г. писали много и подробно, что избавляет от необходимости воспроизводить здесь все детали этих трагических событий. Напомним лишь коротко основные моменты, необходимые для понимания того, что произошло в последние месяцы, когда, наконец, судьба Рауля Валленберга стала приобретать более или менее определенные очертания. Более подробно мы выделим те эпизоды, которые, кажется, еще не освещались в советской прессе.

Германские войска оккупировали Венгрию 19 марта 1944 г., когда у Гитлера появились опасения, что правительство Хорти может последовать примеру Италии и капитулировать перед союзниками. Сразу после оккупации на Венгрию была распространена программа Окончательного Решения еврейского вопроса. Начался вывоз евреев в лагеря уничтожения: в Освенцим и Биркенау.

Будапештские евреи стали обращаться за помощью в иностранные миссии, в том числе – в шведскую. Шведская миссия начала выдавать временные шведские паспорта лицам, как-то связанным со Швецией: например, тем, кто имел там родственников или какие-то деловые связи. За короткое время было выдано около 700 таких паспортов. Но проблемы это не решало: в одном Будапеште в то время жило около 200 тысяч евреев. Тогда представитель Всемирного еврейского конгресса Норберт Мазур предложил в Стокгольме проф. Маркусу Эренпрейсу, чтобы в Венгрию было послано авторитетное лицо нееврейского происхождения, дабы возглавить кампанию по спасению евреев. Эренпрейс вошел в контакт с венгерским директором Среднеевропейской торговой компании К.Лауером, и тот предложил кандидатуру Рауля Валленберга, иностранного директора этой компании, который в этом качестве уже совершил несколько поездок в Венгрию.

В июне 1944 г. шведский МИД назначил Рауля Валленберга 1-м секретарем Шведской миссии в Будапеште со специальными полномочиями по органи-

Р.Валленберг с сотрудниками в Будапеште
26 ноября 1944 г.

зации акции спасения венгерских евреев. 9 июля Валленберг прибыл в Будапешт. К этому времени 700 тысяч венгерских евреев из провинции уже были вывезены в лагеря уничтожения, но будапештские евреи еще находились в городе. На домах, где они жили, были наклеены большие желтые звезды. Такие же звезды должны были они носить и на рукавах.

Сразу по прибытии Валленберг резко расширил выдачу евреям шведских защитных паспортов. Их выдавали уже не только лицам со «шведскими связями». Новая формула гласила: владелец паспорта направляется в Швецию в рамках программы репатриации, проводимой шведским МИДом. В результате переговоров с венгерским правительством было установлено, что владелец такого паспорта, после отказа от венгерского гражданства, будет рассматриваться как шведский гражданин и освобождаться от обязанности носить желтую звезду.

Такова была лишь самая общая схема действий. На практике же все было сложнее и требовало от Валленберга всего его дипломатического искусства и мужества. Ситуация особенно осложнилась после того, как немцы сместили адмирала Хорти, объявившего о капитуляции перед Советской Армией, и на его место был назначен вождь венгерских фашистов – «Скрененный стрел» – Салаш. Была сделана попытка аннулировать выданные паспорта. Когда этому все же удалось противостоять, от Валленберга стали требовать немедленной депортации евреев в Швецию через территорию Германии – мероприятие, всю скрытую опасность которого Валленберг хорошо понимал. Нечего говорить уже и о том, что в разных частях города постоянно возникали конфликты, связанные с его «подопечными», урегулирование которых нередко требовало от Валленберга всего его личного мужества.

По инициативе Валленберга в Будапеште было приобретено несколько домов для расквартирования получивших шведскую защиту евреев. Дома эти, которые называли «шведскими домами», необходимо было постоянно защищать от попыток вторжений, обеспечивать их население всем необходимым. По примеру Швеции такие же дома организовали и Швейцария, и ряд других нейтральных стран. Всего в так называемом «международном гетто» находилось около 35 тысяч человек.

Последние дни 1944 – начало 1945 г. были ознаменованы двумя событиями. Салашисты вновь начали настаивать на ликвидации «шведских домов», и Валленбергу пришлось приложить много усилий, чтобы помешать этому. Одновременно Советская Армия начала обстрел Будапешта. В Пешт стали проникать первые советские части. Казалось, что конец близок, но никто еще не знал, что для Валленберга лично это было началом нового, еще более тяжелого периода его жизни.

13 января 1945 г. состоялась первая встреча между представителями советского военного командования и Валленбергом. 17 января Валленберг намеревался выехать в г. Дебрецен, но осуществить свое намерение ему не

удалось. В этот день он был арестован советскими властями вместе со своим шофером – венгерским гражданином Вильмошем Лангфельдером.

Существует несколько версий обстоятельств ареста Валленберга и Лангфельдера и еще больше версий, объясняющих причины этого ареста. Мы сейчас не будем их излагать, ибо они не являются темой нашего рассказа, да и ни одну из них до сих пор нельзя считать доказанной.

Можно спорить, был ли Валленберг арестован именно 17 января. На его тюремной карточке из Внутренней тюрьмы НКГБ (знаменитая «Лубянка») в качестве даты ареста представлено: 19 января (об этой карточке речь пойдет ниже). Это различие в датах не представляется столь уж важным, и происхождение его вполне понятно: очевидно офицер СМЕРШа вел счет со дня, когда арест был оформлен бумагами. Для самого же Валленберга его крестный путь начался на два дня раньше, с 17 января – последнего дня, когда его видели на свободе.

Не вызывает сомнения и то, что арестовала Валленберга контрразведка СМЕРШ. Об этом говорят свидетели, на лубянской тюремной карточке также указан орган, проводивший арест: «НКО СССР ГУКР СМЕРШ». После ареста и кратковременного содержания в Венгрии Валленберг и Лангфельдер были поездом через Румынию вывезены в Москву и 6 марта 1945 г. доставлены на Лубянку. Об этом впервые стало известно еще в 1956 г. со слов сосидельца Лангфельдера в Лефортовской тюрьме МГБ – немецкого военнопленного Эрхарда Хилле, позднее освобожденного и отпущенного в Германию. Через 33 года – в 1989 г. – эта дата была подтверждена упоминавшейся уже лубянской тюремной карточкой Валленберга, что делает достоверными и другие детали рассказа Хилле.

Один из защитных паспортов, выдававшихся евреям Р.Валленбергом

Он все это видел и слышал. Но в то время он был в Москве.

В своем письме шведскому послу в Москве Седерблomu от 16 января 1945 г. зам.наркома иностранных дел СССР Деканозов сообщил, что «шведский гражданин Рауль Валленберг» был обнаружен в части Будапешта, занятой Советской Армией, и взят под ее защиту. Естественно было ожидать, что вскоре после этого Валленберг будет возвращен в Швецию. Но этого не произошло. После месячного ожидания мать Рауля Май фон Дардел нанесла визит советскому послу в Стокгольме Александре Коллонтай. Коллонтай заявила г-жу фон Дардел, что причин беспокоиться за Валленберга нет, ибо «он находится в безопасности в Советском Союзе». Примерно в то же время Коллонтай поведала об этом и жене шведского министра иностранных дел Гюнтера, добавив, что для Валленберга было бы лучше, если бы шведское правительство не поднимало вокруг этого дела шума.

На этом поступление информации о судьбе Рауля Валленберга прекратилось. Многочисленные запросы с шведской стороны оставались без ответа. 15 июня 1946 г. Седерблом поднял вопрос о судьбе Валленберга лично перед Сталиным, и тот обещал «выяснить». 30 января 1947 г. член коллегии МИД Новиков информировал нового шведского посла Хеглофа, что «несмотря на энергичное расследование», проведенное всеми компетентными советскими инстанциями, никаких следов Валленберга обнаружить не удалось.

Шведские запросы, однако, продолжались, и 18 августа 1947 г. появилась, наконец, нота зам.министра иностранных дел Вышинского: «В результате тщательного расследования было установлено, что Валленберг не находится в Советском Союзе и нам он неизвестен». В ноте признавалось, что в январе 1945 г. советским властям поступала информация о Валленберге, но позднее подтвердить ее не удалось, а офицер, давший эту информацию, не найден.

*

Между тем из Советского Союза стали возвращаться многие бывшие военнопленные, прежде всего немецкие, освобожденные по «аденауэровской амнистии», в их числе и те, кому довелось находиться в течение долгого времени в Лубянской и Лефортовской тюрьмах МГБ в Москве. В их рассказах все чаще и чаще появлялись имена Валленберга и Лангфельдера.

Следует напомнить, что в те времена имя Валленберга вовсе не было столь известным, как сейчас. Мировая слава его еще не коснулась. Имя же Лангфельдера даже и сейчас почти никому не известно – это важное обстоятельство стоит иметь в виду и в дальнейшем. Так что рассказы о встречах со шведским дипломатом и его шофером, появившиеся в 50-х гг., никак нельзя отнести к разряду лагерного фольклора – «параш». Мы уже говорили о том, что некоторые рассказы о «лубяньских» и «лефортовских» встречах позднее нашли и документальное подтверждение.

Среди рассказов бывших военнопленных были и сообщения о личных камерных встречах с Валленбергом и Лангфельдером. Так, например, Густав Рихтер сидел в одной камере с Валленбергом, в камере № 123 Лубянской тюрьмы с 31 января по 1 марта 1945 г. С Лангфельдером сидели, например, Эрхард Хилле, Эрнст Хубер, Хорст Китчман. Всего известно четыре имени сидевших вместе с Валленбергом на Лубянке и в Лефортово, и восемь имен сидевших с Лангфельдером. Много показаний поступило от лиц, перестукивавшихся с Валленбергом. Содержание их рассказов хорошо сходилось в деталях с тем, о чем говорили сосидельцы Валленберга и Лангфельдера. Немало было и не прямых показаний о слышанном от сокамерников.

Все определенно указывало на то, что, по крайней мере в середине 40-х гг., Рауль Валленберг и Вильмош Лангфельдер находились в заключении в Москве. Последние указания на контакты с ними относятся к марту–маю 1947 г. Любопытно также следующее обстоятельство: в конце июля 1947 г. (запомним эту дату) все бывшие сокамерники Валленберга и Лангфельдера были поодиночке допрошены о том, что те им рассказывали, а после допроса все они были на какое-то время изолированы в одиночки.

Рассказы о встречах с Валленбергом и Лангфельдером «лубяньских» и «лефортовских» свидетелей были записаны под присягой в самом начале 1956 г., после их выезда на Запад. Вскоре после этого шведское правительство в ноте от 10 марта 1956 г. вновь потребовало от советских властей информации о судьбе Валленберга и его возвращения в Швецию. Шведское правительство ссылалось на имеющиеся в его распоряжении свидетельства, но, по совету писателя Рудольфа Филипа, много занимавшегося «делом Валленберга», в ноте не упоминались временные рамки этих свидетельств. Не стоило раскрывать степень своей информированности.

Уже через девять дней был получен ответ от зам.начальника Скандинавского отдела МИДа Грибанова. Грибанов вновь повторил, что никакого Валленберга в СССР нет и не было, добавив, что шведскому правительству не пристало ссылаться на «показания военных преступников, досрочно освобожденных от отбытия наказания».

Еще через несколько дней в Москву прибыл премьер-министр Швеции Таге Эрландер, который с похвальной настойчивостью вновь поднял вопрос о Валленберге – теперь уже лично перед Хрущевым, Булганиным и Молотовым. Соответствующие обещания – произвести розыски – были даны в совместном коммюнике 3 апреля. Розыски затянулись, возможно, еще и в связи с тем, что на них наложилось Венгерское восстание 1956 г., и привлекать в это время внимание к «герою Будапешта» советские власти нашли нецелесообразным. В результате ответ появился чуть ли не через год – 6 февраля 1957 г. – в виде так называемого «меморандума Громыко».

*

«Меморандум Громыко», а точнее – памятная записка зам.министра иностранных дел СССР А.Громыко – один из поворотных пунктов в «деле Валленберга». А.Громыко утверждает, что тщательные архивные разыскания не привели к обнаружению каких-либо следов Р.Валленберга в СССР. Тогда был проведен «полистный просмотр» архивов санчастей ряда тюрем, и в Лубянской тюрьме был обнаружен документ, по-видимому, имеющий отношение к Р.Валленбергу. Вот этот документ – один лист, исписанный четким почерком (орфография и синтаксис сохранены):

«Сов. секретно.

Министру Государственной безопасности
Союза ССР – Генерал-полковнику
тов. Абакумову В.С.

Рапорт

Докладываю, что известный Вам заключенный Валленберг сегодня ночью в камере внезапно скончался предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда.

В связи с имеющимся от Вас распоряжением о личном наблюдении за Валленбергом прошу указания, кому поручить вскрытие трупа на предмет установления причины смерти.

Начальник санчасти тюрьмы
полковник медицинской службы

Смольцов

17/VII 47 г.»

В верхнем левом углу имеется карандашный порядковый номер, очевидно, номер листа в папке, куда рапорт был подшит (следы подшивки тоже сохранились). Впрочем, эти детали стали известны позже, когда удалось увидеть оригинал рапорта.

Внизу листа, наискосок, надпись, выполненная той же рукой:

«Доложил лично Министру.
Приказано труп
кремировать без вскрытия.
17/VII Смольцов»

А.Громыко сообщал далее, что никаких иных документов найдено не было. А.Смольцов умер в 1953 г., Абакумов казнен на год позже, так что никакие дополнительные проверки невозможны. И Громыко делает вывод: Валленберг умер в советской тюрьме в июле 1947 г. Ответственность за сообщавшуюся ранее ложную информацию Громыко возложил на В.Абакумова. Дело таким образом закрывалось.

Так, да не так. Меморандум Громыко сразу же вызвал целый ряд недоброуменных вопросов. Вызывает он их и сейчас. Суммируем эти сомнения.

Куда делись все прочие документы – тюремные «Дела» Валленберга и Лангфельдера? Это раньше можно было говорить: Валленберга у нас нет и не было, а значит, не было и «Дела». Теперь признано: Валленберг был. «Дело» уничтожено? Кем же? Есть два ответа: в сталинский и хрущевский период. Если уже в хрущевский, то как можно всерьез обсуждать информацию, идущую от тех, кто лично причастен к сокрытию улики? Если в сталинский, то зачем это было сделано? Напомним еще раз, что в «те» времена имя Валленберга было лишь одним из многих имен дипломатов, государственных и военных деятелей иностранных государств, находившихся в сталинских тюрьмах. Их дела сохранены, сейчас мы это знаем. Об угрозе разоблачения смешно говорить – о доступе посторонних в архивы МГБ в абакумовско-бериевско-сталинские времена никто и не думал. С чего бы это Абакумову уничтожать именно «Дело» Валленберга!

Вызывает удивление и форма рапорта: начальник санчасти, минуя своего непосредственного начальника – начальника тюрьмы, – рапортует прямо министру. Налицо нарушение субординации. Когда я спросил начальника Владимирской тюрьмы В.Корчагина, возможно ли такое, он лишь весело рассмеялся. Конечно, Смольцов мог обращаться к Абакумову, если он выполнял на Лубянке более важные функции, чем всего лишь заведование санчастью, был там абакумовским «оком». Но в этом случае он вряд ли стал бы оставлять свои «рапорты» в архивах санчасти.

Высказывались сомнения, написан ли вообще рапорт Смольцовым. Независимые расследователи в Советском Союзе (например, режиссер-документалист А.Роднянский) пытались получить образцы почерка Смольцова, но, как оказалось, в его семье ничего, написанного его рукой, «не сохранилось». В 1990 г. КГБ СССР все же представил ряд документов, как утверждает, написанных Смольцовым. Экспертиза, проведенная шведами, показала: и «рапорт», и эти документы написаны одной рукой. Но что это доказывает?

Короче, сомнений осталось много. Недоверие стала выражать почти вся мировая печать. Имя Валленберга прочно утвердилось на страницах газет, став, наконец, достоянием широких масс.

Недоверие к «версии Громыко» еще более укрепили новые сообщения о том, что Валленберг жив и находится в Советском Союзе.

*

Следует заметить, что до 1957 г. новых очевидцев, видевших Валленберга или Лангфельдера живыми, более не появлялось. Период 1948–1956 гг. – своего рода пробел в истории Валленберга. Никто не видел обоих шведов ни в Лефортове, ни на Лубянке, ни где-либо еще. И лишь в начале 1957 г. появляются первые сообщения о дальнейшей судьбе Валленберга, на этот раз из Владимирской тюрьмы. Тюремная эта была знаменита. Было известно, что это «элитарная» тюрьма. В ней содержались многие важные иностранцы.

Нельзя сказать, что лагуна 1948–1956 гг. возникла потому, что никто в этот период не пытался найти новые сведения. Напротив, шведские, а также немецкие власти (большинство иностранцев, освобожденных из советских тюрем и лагерей и выезжавших на Запад, были немцы), проводя опросы бывших военнопленных, регулярно интересовались, не видели ли они Валленбер-

га. Ответы были твердо отрицательными. Отрицательные ответы давали и надежные свидетели из Лефортова и Лубянки, например, Густав Рихтер: нет, покинув эти тюрьмы, они больше ни Валленберга, ни Лангфельдера не встречали, ни во Владимире, ни где бы то ни было еще.

В 1954 г. на вопросы о возможных встречах со шведами во Владимире твердым «нет» ответили бывшие заключенные этой тюрьмы голландец Ван де Клоостерс, немцы Пауль Кох и Антон Морман, в 1955 г. – немцы Вальтер Шмидт и Густав Фогт, в 1956 г. – немец Герхард Штельцер. Другие многочисленные опрошенные просто перечисляли имена своих соседей или тех, о ком они слышали, но шведов среди них не было.

Впервые имя Валленберга как узника Владимирской тюрьмы, появляется в следующем контексте. Бывший немецкий военнопленный Г.Мулле рассказал 12 февраля 1957 г. в Бонне, что он находился в одной камере с Семеном Гогиберидзе. Когда пришла газета, в которой было опубликовано коммюнике о визите Таге Эрландера с упоминанием имени Валленберга, Гогиберидзе якобы сказал, что, будучи в больничной камере, он слышал от товарищей, что Валленберг содержится в другой больничной камере в одиночестве. Впрочем, опрошенный одновременно с ним другой соседелец Гогиберидзе, К.Реекампф, ничего похожего от Гогиберидзе не слышал. Позднее, в апреле, К.Реекампф вспомнил что-то о таком рассказе Гогиберидзе, но добавил, что доверия этот рассказ не вызвал. Ничего не слышали от Гогиберидзе о Валленберге и другие его сокамерники: Иоганн Шпайсс, Эрнст Кеннер, Василий Максимов и Владимир Бастамов (последних двух опрашивали в Хельсинки). Стоит заметить, что С.Гогиберидзе позднее освобожден, но никаких сообщений о Валленберге от него тем не менее не поступало.

Другое сообщение о пребывании Валленберга во Владимире поступило в ноябре 1958 г. от швейцарца Эмиля Брюггера. Тот якобы перестукивался с Валленбергом. Любопытно, однако, сообщение инспектора швейцарской полиции, опрашивавшего Брюггера: во время первой серии допросов, длившейся целую неделю, Брюггер не сказал о Валленберге ни слова. Заговорил же он о нем лишь тогда, когда во время небольшого перерыва в допросах к нему в руки попала газета со статьей о Валленберге.

В 1963 г. американец Марвин Макинен, освободившийся из Владимира, сообщил, что его сокамерник Круминьш говорил ему, что видел «шведа», когда работал в хозобслуге в больничном корпусе тюрьмы.

Но настоящий бум вокруг сообщений о Валленберге во Владимире начался в 1978 г., когда в Израиль прибыл бывший владимирский зэк (освободившийся, правда, еще в 1968 г.) Абрам Калининский. Истории, рассказанные Калинским, – настоящий роман, к сожалению, дурно написанный. В нем – длинный перечень имен якобы сокамерников Валленберга во Владимире, фантастический характер которого нетрудно показать. Например, в перечне есть имя бывшего бериевца Мамулова. Между тем Мамулов – лицо в истории Владимира не новое. С ним сидел, в частности, известный диссидент, ныне – народный депутат РСФСР Револют Пименов, знаток советской истории, любитель расследований ее тайных эпизодов. Мамулов рассказал ему о многом, но ничего – о Валленберге.

Впрочем, списком «свидетелей» Калининский не ограничился. «Выяснилось», что он в течение долгого времени находился в тайных сношениях с начальником санчасти Владимирской тюрьмы Е.Бутовой. Она писала ему в Израиль шифрованные письма, в которых Валленберг был зашифрован под «тетю Сильвию». Правда, потом экспертиза установила, что письма написаны рукой самого Калинского, но дело было сделано: утка пошла гулять по свету. Эпопея Калинского завершилась его сообщением, что Валленберг умер от пневмонии во Владимире «между 13 и 15 февраля 1985 г.», о чем ему, Калинскому, тоже было немедленно отрапортовано в Израиль. Так сказать, Валленберг не дожид до перестройки совсем немного.

Беспардонная ложь Калининского не заслуживала бы даже столь беглого пересказа, если бы она не стала прототипом для целой вереницы таких же лагерных «параш». Валленберга стали встречать по всей стране, «от Москвы до самых до окраин». Создавалось впечатление, что его специально возят по Союзу, чтобы показать возможно большему количеству людей. Его видели сравнительно недавно, в 1975 г., даже в больнице Бутырской тюрьмы (Ян Каплан). Бутырская больница – настоящий проходной двор, где больные-заключенные практически не изолированы друг от друга, и вообще Бутырки – это не тюрьма, а следственный изолятор. С таким же успехом можно было утверждать, что некто видел «сверхсекретного узника» в одном из московских вытрезвителей. Но авторы «параш» и не заботились о правдоподобии. Они резонно считали, что западный читатель наших советских реалий не знает, сойдет все что угодно. И, действительно, сходило! Дело приняло такой оборот, что автор этих строк вынужден был заявить на Международных Валленберговских слушаниях в Стокгольме в 1981 г., что перед нами не стоит задача найти свидетелей, видевших Валленберга, совсем наоборот: как бы найти хоть одного бывшего зэка, который бы *не видел* Валленберга.

Вернемся, однако, к «владимирским» свидетельствам. Главные из них мы перечислили выше. Кроме того, существует еще несколько показаний, правда, еще более лаконичных и туманных. Все без исключения показания о встречах во Владимире, в прямом контрасте с «лубянскими» и «лефортовскими» свидетельствами, отличают следующие особенности:

1. Это – *не прямые* свидетельства, а показания «второй» или «третьей» степени. Никто не видел Валленберга лично, все лишь слышали от кого-то о встречах с Валленбергом, либо о встречах с кем-то, видевшим Валленберга.

2. Все эти показания даны *после* того, как в прессе появились и широко обсуждались коммюнике о визите Эрландера и, особенно, «меморандум Громыко», то есть после того, как имя Валленберга стало широко известно.

3. В этих показаниях совсем отсутствует Лангфельдер, имя которого практически никому не известно и сейчас. В показаниях из Лефортова и Лубянки, напротив, лиц, сталкивавшихся с Лангфельдером, было куда больше, чем встречавшихся с Валленбергом.

Тем не менее само обилие «владимирских» показаний, сколь бы шаткими они ни выглядели, не позволяло отбросить их с порога. Все время оставалось смутное чувство, что дыма без огня не бывает. Если добавить к этому законное недоверие к «рапорту Смольцова», то не приходится удивляться, что шведская сторона не прекращала усилий в попытке добиться от советских властей дополнительной информации. И все настойчивее звучало требование разрешить независимой комиссии поработать в архивах Владимирской тюрьмы – главного объекта, попавшего на подозрение.

*

Следующим важным этапом в истории «дела Валленберга» стал 1989 г. Прежде всего, в этом году советской стороной была выдвинута *новая* версия. Выступая 2 июня на Парижской конференции по гуманитарным проблемам (в рамках Хельсинкского процесса), глава советской делегации Юрий Кашлев заявил: «Валленберг был уничтожен (казнен) в 1947 г., и те, кто его уничтожили, были уничтожены сами».

Глава московского бюро журнала «U.S. News and World Report» также сообщил в номере журнала от 23 июня 1989 г., что советские власти наметили ему, что Валленберг не умер, а был убит. Такой же намек был дан и канадскому юристу Ирвину Котлеру, посетившему Москву в феврале и июне того же года в связи с делом Валленберга.

Версия эта, однако, официально продержалась недолго. Уже в октябре родственники и друзья Валленберга, посетившие Москву, столкнулись опять

с той же старой «смольцовской» версией об инфаркте миокарда. Но именно с этого визита «дело Валленберга» стремительно сдвинулось с мертвой точки.

*

Приглашение посетить Москву было передано родственникам Валленберга советским послом в Швеции Борисом Панкиным 10 августа 1989 г. Визит состоялся 15–22 октября. В Москву приехали сводные брат и сестра Рауля Ги фон Дардел и Нина Лагергрэн, председатель Общества Рауля Валленберга Пер Ангер (кстати, секретарь шведской миссии в Будапеште в конце войны, начавший выдачу евреям первых охранных паспортов) и секретарь общества Соня Зонненфельд.

16 октября на встрече в МИД представители КГБ торжественно показали шведам оригинал «рапорта Смольцова». Впечатления это не произвело, ибо ничего нового отсюда почерпнуть было нельзя. Затем последовало главное: коробка с личными вещами Валленберга. Шведским гостям были показаны, а затем, после некоторых колебаний, вызванных отказом гостей написать раписку, переданы следующие предметы:

1. Дипломатический паспорт Рауля Валленберга.
2. Его удостоверение личности.
3. Адресная книжка.
4. Книжка-календарь.
5. Валюта старыми купюрами (доллары и тогдашние венгерские пенге).
6. Золотой портсигар.
7. Тюремная («контрольно-справочная») карточка на имя Рауля Валленберга из Внутренней тюрьмы НКГБ СССР (Лубянка).

Последний предмет, впрочем, вряд ли можно назвать «личной вещью Валленберга», но и он был передан шведам. Это, кстати, та самая карточка, которая через 33 года подтвердила точность сведений, сообщенных «лубянскими» и «лефортовскими» свидетелями.

Выдачей документов руководил начальник Центрального архива КГБ СССР генерал-майор А.Фокин. Если организаторы торжественного акта рассчитывали на слезы радости со стороны престарелых родственников, на своего рода катарсис и примирение, то этого не произошло. Шведы остались на высоте положения. Был задан естественный вопрос: где и когда все это было найдено, если в течение стольких десятилетий утверждалось, что самые тщательные поиски ничего не дают? Ответ был таков: найдены в сентябре, за несколько недель до приезда шведов, найдены «в одном мешке», лежавшем на складе (не уточнялось – каком), причем совершенно случайно.

Через несколько дней состоялись встречи шведских гостей с зам.председателя КГБ В.Пирожковым и зам.министра иностранных дел В.Никифоровым – довольно, впрочем, бесполезные. А затем шведам было разрешено посетить Владимирскую тюрьму. Там им, по их просьбе, показали регистрационные карточки нескольких человек, давших показания о Валленберге. Карточки самого Валленберга, естественно, не оказалось. Стало ясно, что краткий визит в тюрьму мало что проясняет, и для серьезной проверки свидетельских показаний необходима длительная работа в архиве большой группы исследователей.

*

В течение нескольких месяцев 1990 г. по дипломатическим каналам велись переговоры о поездке такой комиссии в Советский Союз, а конкретно – во Владимирскую тюрьму, по официальному обозначению – ОД-1/ст-2. Поставленное шведской стороной условие – самой определить состав комиссии – было принято. 26 августа комиссия прибыла в Советский Союз, а 28 августа

1. Фамилия Владимирова

2. Имя Юлия

3. Отчество Смолюковна

4. Год рождения 1911 г. Место рождения Москва

5. Адрес Буденный ул. д. 4 кв. 5

6. Место работы, должности Министерство внутренних дел

7. Место рождения Москва

8. Партия КП 10. Наименование Гражданский

9. Адресован 191 11. Характер преступления 13

12. Ст. ст. УК 15

13. Карточка заполнена 6.11.51

ВНУТРЕННЯЯ ТОРЬМА НКВД СССР ГОР. МОСКВА

6.11.51 ЗАДАЧА НАКАЗ-ТОРЬМА КРИМИНАЛЬНЫМ СОУДОМ

6.11.51

КАЖДАЯ КОПИЯ ВАРЬАНТУ

ГЛАВНОУЧ. АРХИВ

КАЖДАЯ КОПИЯ ВАРЬАНТУ

Кем осужден Трибунал

Корпус 191 Ст. УК 15 Срок 5 лет

Начало срока 1945 волеи срока 1951

Всесоюзный

Трибунал НКВД из г. Буденный

в д. 4 кв. 5 ул. Буденный

Форма № 1

Лист 1

Карточка Лубянской торьмы (лицевая и оборотная стороны)

С.В. Смольковна

Министру Государственной безопасности
Учреждения - Ленинград-политбюро
тов. Абаскулову В.С.

Рапорт.

Восхищаю, что любезны Вам доставлена
Ваша справка, которую вы в камере фельдфе-
льда предположительно вынули
на территории лагеря Москва.

В связи с тем, что вы все равно
являетесь наблюдателем за Валентинам
указаны, когда вы будете в тюрьме
на предмет оформления приема в лагерь.

Назначенная Валентина Горжик
наказана медицинскими службами
1945 г. 11.11.51

С.В. Смольковна

Получено 11.11.51

11.11.51

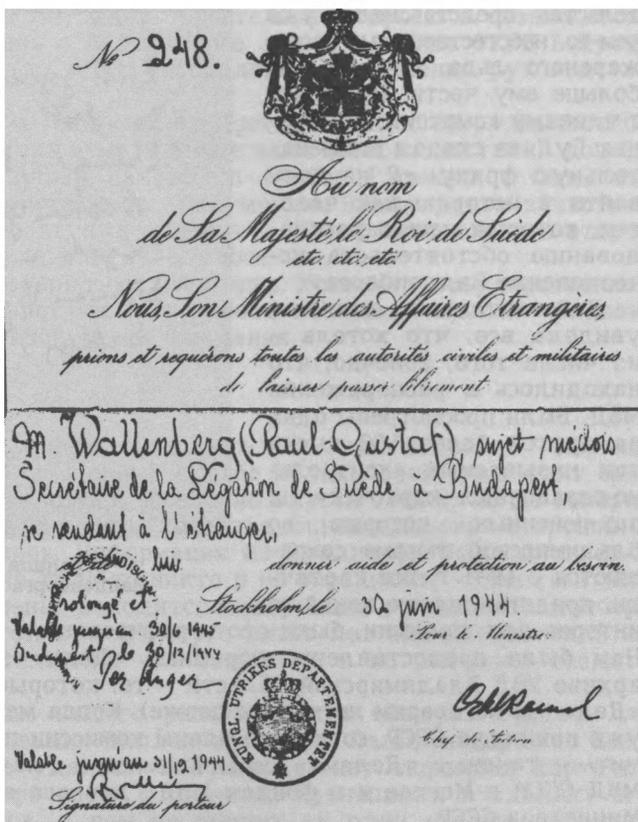
11.11.51

Рапорт Смолюкова

начала работу во Владимирской тюрьме. К международной части комиссии присоединились также несколько независимых советских исследователей.

В результате комиссия приступила к работе в следующем составе: сводный брат Рауля Валленберга проф. Ги фон Дардел – руководитель группы; канадский юрист Ирвин Котлер; шведский общественный деятель Рольф Бьернестед; проф. Марвин Макинен из Чикаго, находившийся в заключении во Владимире в начале 60-х гг. (его косвенное свидетельство упоминалось выше); автор этих строк, сидевший во Владимире в середине 70-х гг., ныне редактор журнала «Страна и мир» и справочников «Список политзаключенных СССР»; представитель общества «Мемориал» историк-архивист Арсений Рогинский; представители Конфедерации еврейских обществ и организаций СССР (ВААД) Михаил Членов и Вадим Бириштейн; киевский кинорежиссер-документалист Александр Роднянский, снимавший фильм о Валленберге; журналист «Комсомольской правды» Алексей Карцев, проводивший самостоятельное расследование «дела Валленберга». Комитет прав человека Верховного Совета РСФСР также выразил свою заинтересованность ходом расследования и откомандировал в поддержку комиссии своего представителя – члена ВС РСФСР Михаила Молоствовова. Комиссию сопровождали представители МИД СССР (Игорь Дымко) и МВД СССР (полковник Валентин Овчинников).

Сразу следует сказать о позиции, занятой по отношению к работе комиссии двумя организациями, держащими в руках ключи к «делу Валленберга»: МВД и КГБ. Поистине поразительной оказалась позиция МВД СССР, которую с самого начала определил встретившийся с членами комиссии новый начальник ГУИД МВД Владимир Гуляев. Для не успевающих следить за сменой аббревиатур поясню, что ГУИД (Главное управление по исправительным делам) – это то, что более широко известно под названием ГУЛаг, а в более позднее, «наше» время – как ГУИТУ. Должность его начальника по рангу должна быть занята не менее, чем генерал-майором. Однако Гуляев – пока лишь полковник, хотя его замещает генерал Кременецкий. Полковник Гуляев с самого начала заявил, что комиссии будет оказано полное содействие, и нам покажут все, что мы хотим. Заявление само по себе не удивительное, удивительно то, что оно было выполнено. По печальным обстоятельствам нашей страны государственное учреждение, честно выполняющее свои обяза-

Страницы дипломатического паспорта Рауля Валленберга

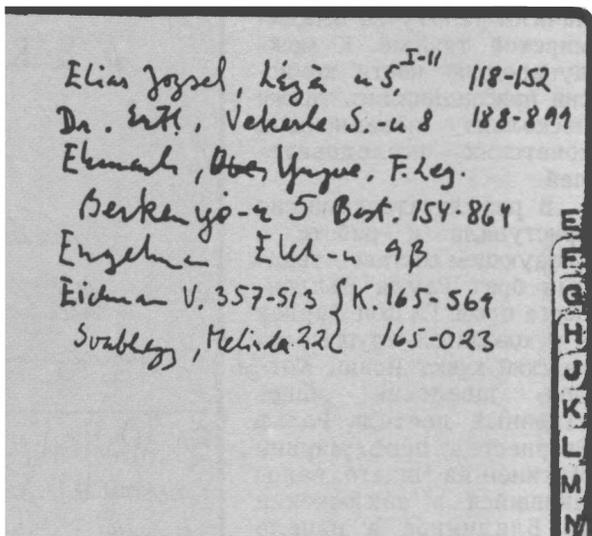
тельства, представляется уже чем-то неестественным, вроде жареного льда. Что ж, тем больше ему чести. Прощаясь с членами комиссии, полковник Гуляев сказал знаменательную фразу: «Я не хочу войти в историю как человек, который мешал расследованию обстоятельств исчезновения Валленберга».

Действительно, комиссия увидела все, что хотела – из числа того, конечно, что находилось в распоряжении МВД. Были просмотрены одна за другой более 100 тысяч так называемых «контрольно-справочных карточек» на заключенных, которые во Владимирской тюрьме сохраняются с 1941 г. Все карточки, представлявшие какой-то

интерес для комиссии, были сфотографированы – всего около полутора тысяч. Нам были представлены тюремные «Дела» заключенных, хранящиеся в архиве УВД Владимирской области – те, которые сохранились (о сохранности «Дел» мы поговорим несколько позже). Когда международная часть комиссии уже покинула СССР, советские члены комиссии получили возможность знакомиться также с «Делами», хранящимися в Главном информационном центре МВД СССР в Москве и в фондах МВД Главного архивного управления Совета Министров СССР.

Мы беседовали также с персоналом тюрьмы, как нынешним, так и с теми, кто служил в тюрьме еще в «валленберговские» времена. Такие люди, на наше счастье, еще живы. В их числе прослужившая с военных лет и до 1984 г. начальница спецчасти тюрьмы В.Данилова-Соболевская – это ее почерком заполнены практически все хранящиеся в тюрьме карточки. Согласилась побеседовать с нами и тяжело больная Е.Бутова, возглавлявшая санчасть тюрьмы с 1946 г. и сейчас ушедшая на пенсию. Ну, и конечно, был готов всегда помочь – и действительно помогал – нынешний молодой начальник тюрьмы Вячеслав Корчагин. Мне, привыкшему к несколько иным отношениям с «гражданами начальниками» – его предшественниками Завьялкиным и Угодиным, – было удивительно встретить деловитость и доброжелательность. Полагаю, что и он по отношению ко мне – бывшему владимирскому ээку, а ныне «иностранцу» – испытывал смешанные чувства, но тем не менее всегда оставался на высоте положения.

Резким контрастом к линии, избранной МВД, явилось поведение КГБ, ушедшего в глухую оборону. В качестве «лица для контактов» с международной комиссией был выделен полковник Владимир Виноградов, зам.начальника Центрального архива КГБ СССР. «Контакты», которые осуществлял В.Виноградов (кстати, не только полковник, но и доктор исторических наук), были минимальными. Разумеется, все заверения о «полной поддержке и сотрудничестве» КГБ дал тоже. Однако, когда мы, несколько членов комиссии, явились в УКГБ по Владимирской области, чтобы задать несколько интересующих нас вопросов, оказалось, что местное УКГБ «впервые слышит» о приезде какой-либо комиссии. Такая вот неинформированность: в архивах УВД уже несколько дней работает международная комиссия, а КГБ об этом ничего

Страница записной книжки
Валленберга с телефоном Эйхмана

не знает. Любые наши попытки задать простейшие вопросы о возможности найти в архивах КГБ сведения о Валленберге зам.начальника УКГБ В.Дутиков решительно отклонил: для этого необходимо «разрешение руководства из Москвы».

На этом, собственно говоря, «полная поддержка и тесное сотрудничество» КГБ закончились. Впрочем, стоит отметить еще одно обстоятельство. В дополнение к старой версии, ведущей начало со времен Громыко, о том, что «Дело» Валленберга было уничтожено Абакумовым, В.Виноградов в частной беседе с членами комиссии выдвинул еще одну: «Дело» Валленберга отсутствует, потому что оно никогда и не заводилось.

Имея в виду обе эти любопытные гипотезы Комитета государственной безопасности СССР, мы и приступили к работе во владимирских архивах. Результаты этой работы превзошли все ожидания.

*

Из бесед с работниками архивов выяснилось, что наша комиссия – первая, которая пыталась разыскать сведения о судьбе Валленберга. Этот факт сразу высветил простое обстоятельство: советские власти *лгали*, когда говорили о тщательной проверке информации, представленной шведской стороной, о «полистном просмотре» архивов. Информация из Владимира была главной в шведских запросах, но именно туда-то никто и не обращался. «Компетентные органы» точно знали, где именно находится информация о судьбе Валленберга. Им только не пришло в голову, что через много лет или десятилетий их изобличит то самое обстоятельство, что они даже и не пытались создать видимость «расследования».

Фундаментальным выводом нашего расследования следует считать то, что *никаких* данных о пребывании Валленберга (или Лангфельдера) во Владимирской тюрьме найти не удалось. Разумеется, нет тюремной карточки Валленберга, имя его не встречается в бумагах, хранящихся в «делах» его предполагаемых сокамерников, о нем не помнит ни один старый работник тюрьмы.

Здесь, впрочем, стоит сделать несколько оговорок. Высказывалось предположение, что Валленберг мог содержаться в тюрьме под другим именем. Подтверждений такой практики мы не нашли. Правда, единственный пример такого рода все же обнаружить удалось, но относится он не к сталинскому, а к хрущевскому времени: сын Сталина Василий содержался под именем Василий Павлович Васильев. Но сын Сталина – по любой мерке тоталитарного государства – исключение из исключений, не чета какому-то Валленбергу. Да и сама «анонимность» Василия Сталина была секретом Полишинеля. Еще в 1975 г. надзиратели 2-го корпуса Владимирской тюрьмы, где я сидел в камере № 5, говорили мне, надув щеки: «А ты знаешь ли, на чьей шконке спишь: здесь сам Вася Сталин жил!»

Вторая оговорка касается заключенных, содержавшихся не под собственными именами, а под номерами. До недавнего времени факт существования номерных «железных масок» был известен нам только из воспоминаний владимирского узника Бориса Меньшагина: он утверждал, что его содержали под номером 29, но к концу его заключения имя ему вернули. Сообщение Меньшагина оказалось верным: и номер, и возврат имени отражены в его «контрольно-справочной» карточке. Всего же таких номерных заключенных во Владимире было не более сорока: максимальный обнаруженный номер – 36. Правда, не все 36 номеров присутствуют в картотеке, а примерно лишь половина. Дело в том, что с течением времени номерам, как это было с Меньшагиным, возвращали фамилии. В этом случае к «номерной» карточке прикалывали «именную», или ставили наряду с «номерной» ее дубликат с фамилией, или вписывали фамилию в старую карточку рядом с номером. В

некоторых случаях, возможно, «номерную» карточку просто вынимали, заменяя ее «именной».

Конечно, теоретически допустимо, что под какой-то из немногих нерасшифрованных «номерных» карточек скрывается Валленберг, но вероятность этого невелика. Во-первых, присвоение номера вовсе не означало, что речь шла об особо важном заключенном. Во Владимирской тюрьме содержалось много птиц высокого полета, ничуть не меньшего, чем Валленберг. Достаточно назвать фельдмаршала фон Клейста и других высших офицеров вермахта, герцога Карла-Людвига цу Мекленбург, эстонский генералитет, бывшее правительство Латвийской республики, брата Серго Орджоникидзе. Из них лишь главнокомандующий эстонской армией Йоханнес Лайдонер содержался под номером (№ 11).

Да и сама эта таинственность до уровня «железной маски» не достигала. Как мы узнаем из дела Лайдонера (и это подтверждается рассказами старых работников тюрьмы), личные дела «номерников» хранились в сейфе начальника тюрьмы. Для него настоящее имя «номерника» секретом не было. Со смертью заключенного обычно производилась разнумерация. Разумеется, имя заключенного не было секретом и для тех, кто тесно с ним общался, например, для врача. Е.Бутова твердо заявляет, что хорошо знала всех без исключения «номерников», подолгу беседовала с ними, но ни одного шведа среди них не было. Ее рассказ вызывает доверие. Стоит вспомнить также, что ни одному из «владимирских» свидетелей «Валленберг» не говорил, что его тут содержат в секрете, под номером. Гипотеза «секретного» номера во Владимире возможна, но крайне маловероятна.

Против нее говорит и другое, чрезвычайно важное обстоятельство. Все сто тысяч заключенных Владимирской тюрьмы, зарегистрированных в картотеке, — это заключенные с приговорами, будь то суда или Особого совещания (ОСО). Естественное исключение составляют немногочисленные подследственные — жители Владимирской области (например, Владимир Осипов), и одно «неестественное» — все тот же Вася Сталин. Кроме них никто во Владимире не содержался «просто так» — в отличие от Лубянки и Лефортова (об этом — чуть ниже). Сюда приезжали «отбывать наказание». И в этой связи представляют интерес приговоры, вынесенные иностранцам.

У большинства иностранцев, арестованных, как и Валленберг, за границей, при аресте изымалась валюта, которая аккуратно оформлялась квитанцией и сдавалась в финчасть тюрьмы — Лубянки или Лефортова. Там она и хранилась вплоть до суда или ОСО. Приговор же (в конце 40-х и начале 50-х — обычно «четвертак», 25 лет) неизменно сопровождался «конфискацией иностранной валюты и ценностей». Исключений из этого правила не было обнаружено. А теперь вспомним: родственникам Валленберга были аккуратно возвращены «случайно найденные» в КГБ доллары, пенге и золотой портсигар. Вывод отсюда только один: приговор Валленбергу никогда не был вынесен. Не поэтому ли Валленберг так и не попал во Владимирскую тюрьму? Кстати, у владимирских номерных «железных масок» не было только имен. Приговоры — были.

Отсутствие приговора у Валленберга косвенно подтверждается и сообщением советника Генерального прокурора СССР Анатолия Врублевского. В 1988 г. Прокуратура СССР начала проверку «дела Валленберга». Проверка, однако, очень скоро была прекращена, ибо было установлено, что «уголовное дело против Рауля Валленберга не возбуждалось».

Все это вместе взятое — сомнительность и вторичность свидетельских показаний из Владимира, отсутствие каких-либо следов во владимирских архивах, категорическое отрицание пребывания здесь Валленберга старыми работниками и отсутствие у Валленберга приговора — позволяет, по-видимому, с достаточной степенью уверенности заключить: Рауль Валленберг во Владимирской тюрьме никогда не был.

*

Однако работа во Владимирских архивах отнюдь не оказалась бессмысленной. Совсем наоборот – именно тут-то и удалось получить информацию, проливающую свет на то, что случилось с Валленбергом. И произошло это в результате изучения типичных дел заключенных, прежде всего – заключенных-иностранцев 40–50-х годов. Событие это вообще уникальное: перед независимой и авторитетной международной комиссией были впервые раскрыты тюремные «Дела»

Достаточно открыть любое из этих «Дел», чтобы понять вздорность гипотезы полковника КГБ В.Виноградова о том, что «Дело» Валленберга никогда не заводилось. «Дело» абсолютно на любого зэка заводится уже самим фактом его ареста. Во избежание недоразумений поясним, что речь идет о его тюремном «Деле», а не о следственном, которого, действительно, может и не быть, если уголовное обвинение не предъявлено. С первой же минуты заключенный автоматически начинает плодить целые вороха бумаг, которые аккуратно подшиваются в его тюремное «Дело». Ну вот, например, любопытный документ из «Дела» арестованного за границей Эрнста Медера, которого, как и Валленберга, «брал» СМЕРШ. Документ напечатан на грубой оберточной бумаге, на машинке без буквы «и». Свидетель времени:

«Сов. секретно

Начальнику Лефортовской тюрьмы НКГБ СССР
капитану госбезопасности тов. Жукову

Прошу принять нижепоименованных военнопленных в Лефортовскую тюрьму НКГБ СССР.

1. Рунк Джован
2. Семен Жарко
3. Демор Клавдио
4. Норман Антон
5. Перцген Герман
6. Венерле Адольф
7. Виттер Пауль
8. Фон Гользен Вольф
9. Медер Эрнст
10. Бирман Хейнрих

22 сент. 1944

Зам. нач. 6 отдела ГУКР СМЕРШ
подполковник Флагин

Секретарь Лефортовской тюрьмы НКГБ СССР
капитан госбезопасности /подпись/ /печать/»

На этом своеобразном смершевском «путевом листе», очевидно, рукой капитана госбезопасности помечено, в какую камеру кого сунули (Медера – в № 208). Где-то должен храниться и «путевой лист» на Валленберга и Лангфельдера, а то и на их спутников, если они были. У каждого этапированного в деле – отдельная копия.

Поразительная вещь – старые «Дела»! Зэки, прибывающие в тюрьму и в ожидании свободной камеры помещаемые в сидячий «бокс», даже и не знают, что этот час-другой в боксе тоже оформляется специальной бумагой, которая затем подшивается в «Дело». Чего только нет в таком «Деле»: квитанции на личные вещи и деньги, рапорты надзирателей о поведении зэка, его заявления, протоколы обысков... Сотни самых разнообразных бумаг. Любопытно, с какой целью зам.начальника Центрального архива КГБ (человек

информированный) пытался убедить членов комиссии, что на Валленберга никогда не заводилось «Дело»? Видимо, рассчитывал, что поверят?

Но может быть, действительно, «Дело» было уничтожено? Что ж, в принципе это возможно. Обычный срок хранения тюремных «Дел» – пять лет. Мое дело, например, уже уничтожено. Но с помощью архивных работников выяснилось: три категории тюремных «Дел» являются документами вечного хранения. Это: дела иностранцев; дела лиц, умерших в тюрьме; дела лиц, получивших в тюрьме инвалидность (очевидно, для нужд собеса?).

Тюремное «Дело» движется вслед за заключенным: куда везут его, туда следует и «Дело», и так до самой смерти или освобождения. «Дела» вечного хранения находятся там, откуда заключенный в последний раз освобожден или где умер. Вот почему во владимирских архивах УВД сравнительно немного «Дел» иностранцев: большинство освобождалось не прямо из Владимира. Их увозили в Москву на некий таинственный «спецобъект № 14» (Лубянка? Лефортово?) и уже оттуда освобождали.

Так что «Дело» Валленберга не могло быть уничтожено: и потому, что он иностранец, и потому что он (как утверждается) умер в тюрьме.

Но может быть, «Дело» Валленберга все же уничтожили в виде особого исключения? Интересно, почему бы? Ведь, как уже говорилось, в то время Валленберг вовсе не был фигурой исключительной. Разве менее крупная фигура – генерал-фельдмаршал Эвальд фон Клейст? И ничего: умер во Владимирской тюрьме 15 октября 1954 г., а дело его не уничтожено, «передано в тюремное управление МВД т.Ловыгиным».

Но ладно, пусть все-таки по особым причинам «Дело» Валленберга уничтожили. Беда в том, что уничтожение производится не просто так, а по акту, в котором четко указано: что уничтожается, кто уничтожает, когда уничтожает. А «Акт об уничтожении» является документом вечного хранения. Покажите же нам, пожалуйста, акт об уничтожении «Дел» Рауля Валленберга и Вильмоша Лангфельдера!

Мы установили факт составления актов об уничтожении дел, но о них можно было бы и догадаться. Ведь не идет же сам товарищ Крючков в подвалы с ножницами и спичками уничтожать документы! Уничтожает чиновник, который знает, что, если завтра Крючкова заменит, скажем, Петров, то не с Крючкова, а с него, чиновника, будет спрошено за исчезновение «вверенного имущества». И поэтому необходим «оправдательный документ».

Итак, «Дело» Валленберга не могло быть уничтожено. Но мы теперь знаем и больше: оно действительно не было уничтожено. В октябре 1989 г. КГБ совершил ошибку: выдачей личных вещей Валленберга он выдал самого себя.

Работа в архивах, изучение «Дел» заключенных позволили документально установить, что все предметы, выданные родственникам Валленберга, должны были храниться в совершенно разных отделах тюрьмы.

Тюремная «контрольно-справочная» карточка стоит в общей картотеке вместе с карточками других заключенных.

Бумаги – документы, записные книжки и т.п. – находятся в тюремном «Деле» заключенного (при возбуждении уголовного дела их переносят в следственное «Дело»).

Деньги и ценности хранятся в финчасти тюрьмы. При этом они оформляются различными квитанциями: отдельно на советские деньги, отдельно на иностранные (с надпечаткой на квитанции: «Инвалюта»), отдельно на ценные предметы (такие, как золотой портсигар).

Ни при каких обстоятельствах все эти столь разные вещи не могут сойтись в одном мешке на каком-то случайном складе. Это какой же сотрудник финчасти отдаст золото и доллары просто так, чтобы сунуть в мешок и запихать в дальний угол? Он же за них «материально ответственен»! Когда мы изложили версию «случайной находки» владимирским архивистам, те только ядовито заулыбались.

Кстати, а когда же был уложен пресловутый «мешок»? Очевидно, в соответствии с советской версией, это было сделано в абакумовские времена, когда, заметая следы, уничтожили «Дело». Странно: следы заметали, а самую главную улику – дипломатический паспорт, выдающий, что иностранный дипломат находится в советской тюрьме, – оставили. И на золото с валютой никто не позарился, и в доход государства не обратили, просто свалили в мешок и засунули подальше, где все это и обнаружили доблестные чекисты, по случайному совпадению – как раз перед приездом родственников.

Кстати, я держал в руках эти документы. Они чисты, неизмяты, и если и пролежали «в мешке», то не более нескольких часов. И еще, где сейчас находится сам «мешок»? Неплохо бы его увидеть. Ведь если его опознали как валленберговский, на нем должна была быть какая-то надпись!

По окончании работы комиссии я имел длительную беседу с зам. начальника Центрального архива КГБ В.Виноградовым. После того как он стойко уклонился от всех поставленных перед ним вопросов, я попросил его от имени комиссии об одной услуге, раз уж КГБ обещал «полное содействие»: устроить встречу с сотрудником, который физически нашел «мешок» с вещами Валленберга. Возможно, что беседа с ним, выяснение обстоятельств находки кое на что прольет свет. В.Виноградов ответил: «Мы думаем, что это нецелесообразно». «Не целесообразно чьим целям: КГБ или комиссии?» – спросил я его. Ответом были молчание и улыбка.

Сделаем неизбежный вывод: КГБ элементарно «подставился». Выдав родственникам Валленберга столь разнообразные материалы, он тем самым косвенно признал, что тюремное «Дело» Валленберга не уничтожено, и хранится оно именно в КГБ. Отрицая этот, теперь уже совершенно очевидный факт, КГБ продолжает свою «добрую традицию» – лжет.

Впрочем, будем точны: мы установили лишь, что «Дело» существовало до октября 1989 г. Не исключено, что, вынув из «Дела» документы и записные книжки, все остальное после октября уничтожили. В таком случае в должном месте в КГБ лежит по правилам оформленный «Акт об уничтожении».

Собственно говоря, на этом детектив кончается: преступник уличен и осталось его арестовать. В этот момент Шерлок Холмс обычно передает дело в руки инспектора Лестрейда. Переведя это на язык сегодняшних политических реальностей, – теперь дело за общественностью, международной и советской. Необходимо заставить, наконец, эту чудовищную организацию вытащить из своих архивов и раскрыть миру папку, в которой день за днем зарегистрировано все, что случилось с Раулем Валленбергом. Мы не можем сказать, в каком именно из многочисленных зданий КГБ, новых или старых, лежит сегодня эта папка, но мы знаем совершенно достоверно: это «лубянский» или «лефортовский» архив.

*

Невозможно сказать наперед, что мы прочтем в этом «Деле», когда оно, наконец, откроется. Можно только гадать. Выскажу свою личную точку зрения, которая ни к чему не обязывает других членов комиссии и вполне может оказаться ошибочной.

Мы уже знаем: тюремное «Дело» заключенного всегда там, где и сам заключенный. Тот факт, что «Дело» Валленберга находится в КГБ, вместе с тем обстоятельством, что приговор Валленбергу так и не был вынесен, ведет, по-видимому, к неизбежному выводу, что Валленберг никогда не покидал «лубянско-лефортовских» стен. Видимо, там он и окончил свои дни.

Долгие годы содержания на Лубянке и в Лефортово (да и не только там!) без приговора и вообще без всяких законных оснований – «нормальная» со-

ветская практика. Знаете ли вы, когда был арестован генерал-фельдмаршал фон Клейст? Всякий, кто читал газеты или смотрел кинохронику 1945 г., сразу ответит: «в мае 1945-го». И ошибется. «Клейст Эвальд, р. 1881, б. ген.-фельдмаршал немецкой армии» арестован 6 марта 1949 г. следственным отделом 2-го Главного управления МГБ СССР. После этого ему было предъявлено обвинение и вынесен приговор. А до этого он сидел «просто так». Таких примеров – огромное множество. Так что нет ничего удивительного в том, что «просто так» сидел и Рауль Валленберг.

Если Валленберг погиб, то когда и как? Если говорить о дате, то я склоняюсь к тому, что в этом пункте советская версия точна: июль 1947 г., вполне может быть даже, что именно 17 июля.

Июль 1947-го – вообще поворотный месяц в «деле Валленберга». До этого времени мы располагаем достоверными показаниями лиц, которые лично видели Валленберга и Лангфельдера. После – такие свидетельства прекращаются, и лишь через много лет возникают туманные сообщения из вторых и третьих рук, легко опровергаемые каждый раз, когда оказывается возможной проверка.

До июля 1947 г. в показаниях очевидцев постоянно появляется «незначимый» человек Лангфельдер. После – он исчезает.

В конце июля 1947 г. всех бывших сокамерников Валленберга и Лангфельдера почти одновременно вызывают на допросы, интересуясь тем, что им рассказывали эти люди, а затем долгое время держат в одиночной изоляции (хорошо, что всего лишь в изоляции, ибо чекисты не могли предвидеть «аде-науэровской» амнистии).

Первый официальный советский ответ о судьбе Валленберга – нота Вышинского, где говорится, что Валленберга в Советском Союзе нет, появляется 18 августа 1947 г., через две-три недели после завершения допросов его сокамерников.

Я понимаю, что суд не примет эти соображения, как доказательства правильности даты 17 июля. И тем не менее трудно поверить, что все это – лишь случайные совпадения.

Второй вопрос – как погиб Валленберг? Легче ответить на вопрос, как он не погиб. Он не умер от инфаркта миокарда, ибо если бы это было так, у КГБ не было бы никаких оснований не раскрывать его «Дела»: ведь версия «меморандума Громыко» в этом случае была бы подтверждена во всех деталях. Вспомним неожиданное заявление Ю.Кашлева 1989 г. о том, что Валленберг был убит (казнен). Вспомним намеки советских официальных представителей, сделанные в том же году другим лицам. Обратим, наконец, внимание на вышедшую в октябре 1990 г. книгу советского перебежчика из КГБ Олега Гордиевского, где тот с полной уверенностью заявляет, что Валленберг был казнен (интересно было бы расспросить его на этот счет подробнее). Возможно, что эти люди правы.

Но не менее возможно, что Рауль Валленберг был зверски запытан, забит сапогами. В любом случае «Дело» Валленберга содержит, по-видимому, какую-то позорную (для КГБ) тайну, вынуждающую эту организацию лгать, юлить, скрывать.

Это у нас называется *обеспечением государственной безопасности*.

А впрочем, может быть, все на самом деле проще: КГБ *никогда по доброй воле не раскрывает ни одной из своих тайн*. «Чекисты» делают это лишь тогда, когда их берут за горло, как это было, например, в случае с Катенью.

Похоже, они просто неспособны извлечь никаких уроков из печальной судьбы ГДРовской «Штази» или румынской «Секуритатя».

“У МЕНЯ РАЗМЕРЕННАЯ ТАКТИКА...”

Беседа с Олегом Калугиным

Имя бывшего генерал-майора КГБ, народного депутата СССР Олега Калугина сейчас у всех на устах и представлять его нет нужды. С ним беседовал наш специальный корреспондент Кронид Любарский. В тексте беседы КГБ везде фигурирует в среднем роде, как это принято в устной речи, хотя редакция сознает, что Комитет государственной безопасности — мужского рода.

Устав Нюрнбергского трибунала ввел в юридическую практику понятие “преступной организации”. Такими были объявлены нацистская партия, гестапо и др. Считаете ли вы, что КГБ тоже следует рассматривать как преступную организацию?

Если рассматривать КГБ как продолжателя дел НКВД, то несомненно. В своей верности идеалам ВЧК КГБ неоднократно клялось, и Дзержинский до сих пор остается символом этой организации, героем, с которого берут пример молодые чекисты. Так что преемственность очевидна, хотя КГБ сегодня — это не то, что НКВД в 1937 г. и даже не то, чем оно было, условно говоря, в 1981 г. По крайней мере сегодня не производится арестов, людей открыто не заталкивают в психушки. Сегодня ведется работа — и я об этом знаю — по сбору, накоплению информации, систематизации данных о всех политических группировках, которые потенциально могут стать оппозицией КПСС. Так что, говоря о “преступной организации”, надо видеть историческое развитие этой конторы. Ее сегодняшние руководители, разумеется, сталинистско-брежневского толка. Крючкова нельзя, конечно, сравнить с Ежовым или Берия, он в эту категорию людей не вписывается. Хотя этот человек — послушный исполнитель воли партии, типичный аппаратчик, но на его совести все-таки преступлений как таковых найдется немного. Я знаю о некоторых, в которых он был косвенным соучастником, — он, кстати, был членом коллегии КГБ в те годы, когда КГБ преследовало диссидентов. Так что за это он несет такую же ответственность, как, скажем, Андропов и другие души-тели диссидентского движения. Но объявлять организацию преступной как таковую, не учитывая этих этапов ее развития, все-таки трудно.

С юридической точки зрения это несущественно. Если человек совершил несколько убийств десять лет назад, а потом убивать перестал, он все равно остается убийцей. Кстати, для преступлений против человечества нет сроков давности.

Ну, я не хочу спорить по этому вопросу. Скажем, американское ФБР когда-то отличалось исключительной агрессивностью в отношении левых сил, например, в период маккартизма. Но можем ли мы его назвать преступной организацией? Конечно, по сравнению с КГБ ФБР — это пай-мальчики...

Сравнение с гестапо, я думаю, более правомерно?

Да, это сравнение более уместно. Сейчас, размышляя на эту тему, я прихожу к тому, что КГБ в конечном счете показало свою полную подчиненность КПСС, неспособность что-либо когда-либо сказать против линии партии. Начинать-то нужно именно с партии. Она всегда была “нашим рулевым”. Даже Андропов, при всем его высоком интеллектуальном потенциале в сравнении с окружением, был послушным исполнителем воли партии. Он ведь даже и пальцем не пошевелил, чтобы выступить против Брежнева.

Кстати, о роли Андропова. Как вы расцениваете его как человека и политического деятеля? Вы читали, конечно, мемуары Ф.Бурлацкого в "Знамени", где он описывает Андропова в восторженных тонах?

В свое время Андропов называл Бурлацкого просто болтуном, я сам это слышал. Не знаю, почему Бурлацкий поет ему дифирамбы. Что же касается Андропова, он никогда не был демократом. Он был типичным представителем партийно-аппаратной школы, причем сталинской эпохи — он еще тогда был одним из лидеров комсомола. Но по природе своей это был человек более интеллектуально развитый, более грамотный, и, кстати говоря, более честный. Я сейчас поясню, что я имею в виду. Он был мастером аппаратной школы, полностью подчинялся всем капризам и указаниям Брежнева и Суслова, и в то же время он знал многие реальные проблемы страны и настроения общественности и пытался как-то между всем этим лавировать, хотя всегда в конце концов оставался на стороне партии. Как политика его нельзя назвать честным. Разве он когда-нибудь вывел на чистую воду хоть одного из многих жуликов в брежневском окружении, которых он прекрасно знал лично? Вот пример. В мае 1981 г. на Всесоюзном совещании работников КГБ выступил председатель КГБ Узбекистана генерал-лейтенант Левон Мелкумов. И он впервые на большом собрании — там было более тысячи человек — заявил, что в Узбекистане происходит перерождение советской власти: эта власть коррумпирована, все берут взятки, партийные органы прогнили, министр внутренних дел Яхьяев — последний мерзавец и коррупционер... И что вы думаете случилось? Через месяц Мелкумова как ветром сдуло. Его выгнали на рядовую работу в аппарате советников в Чехословакии.

Так в чем же тогда честность Андропова? В том, что он не воровал у сотрудников деньги из карманов?

Он был честным в том смысле, что сам никаких взяток не брал. Он не был деятелем типа Щелокова, которого он просто ненавидел. Ведь почему разложилась милиция? По многим, конечно, причинам, но и потому, в частности, что Щелоков был образцом барина, который "брал", и глядя на него, брали все, от его заместителей до рядового милиционера. Андропов же в этом отношении был человеком честным. Во-вторых, он был противником привилегий. Он не любил, как он сам выражался, "хозяйственного обрастания". Ему было противно, если работники КГБ имели дачи, личные машины, он считал, что это будет отвлекать их от работы, вовлечет в нездоровые отношения с торговлей. Он старался, чтобы КГБ было некоррумпированной организацией.

А КГБ действительно было, как в свое время сказал А.Сахаров, единственной некоррумпированной организацией?

В меньшей степени коррумпированной чем другие, и одна из причин этого — поведение ее руководителя. Кроме того, имело значение, что сотрудники КГБ всегда лучше оплачивались. В-третьих, у многих сотрудников сохранилось еще достоинство, гордость элитного офицера, который не пойдет на сделку со взяточниками. Хотя и в КГБ встречались такие, что брали взятки.

Не играло ли роли также и то, что роль взятки играл внушаемый КГБ страх? Если, например, директору института позвонят из КГБ и попросят "отнестись повнимательнее" к поступающей дочери, наверное он не откажет и без взятки.

Это обычно делали партаппаратчики, для них это была типичная ситуация. В КГБ это было реже. Андропов таких вещей не поощрял.

А Федорчук?

Ну, этот все вожжи отпустил. Он был большим болтуном по части гражданских свобод, но сам был весьма нечист на руку. Я это знаю. Для КГБ это была просто чума. А сколько дел он натворил на Украине? Он сам наплодил диссидентов больше, чем кто бы то ни было другой. Вообще наша система — знаю это на собственном опыте — обладает поразительной способностью плодить врагов. В силу своего внутреннего хамства, неуважения к людям, стремления их унижить.

В своих выступлениях вы не раз говорили, что не разглашаете государственных тайн, хотя их и знаете. В условиях, когда отсутствует закон о государственной тайне, как вы для себя определяете границу между тем, что есть тайна, а что нет?

Чисто интуитивно. Например, вопросы декодирования иностранных шифров — это государственная тайна. А вот участие КГБ в секретных операциях — другое дело. О некоторых я говорил, о некоторых пока помалкиваю. Но думаю, что и о них я смогу рассказать, ибо, рассматривая их на фоне правовых и нравственных норм, я прихожу к выводу, что их нужно раскрыть. Я просто оцениваю, как эти операции выглядели бы сегодня с точки зрения законности и морали. Если даже они были "совершенно секретными", но противоречили праву и морали, я готов пойти на то, чтобы их раскрыть.

"Совершенно секретно" — это что, гриф, поставленный на деле, или просто ваша оценка? Если гриф, то кто его ставит?

Да, это гриф, и ставят его обычно начальники отделов. Может поставить и исполнитель, но начальник может гриф изменить. Иногда это имеет и чисто практическое значение: если потерял секретный документ, то можно найти этому оправдание и списать, за потерю же "сов. секретного" документа можно пойти под суд.

Вы неоднократно заявляли о ваших намерениях раскрыть позорные тайны КГБ, но пока что во всем, что вы рассказывали и рассказываете, нет ничего ранее неизвестного. Чем объясняется такой разрыв между вашими намерениями и их исполнением? У вас есть какой-то план? Казалось бы, раз уж вы открыто вступили в политическую борьбу, разумно было бы уже сейчас, с фактами в руках, начать кампанию за реформу служб безопасности. Что вас удерживает от этого?

Я так и поступаю. Если кому-то покажется, что у меня фактов недостаточно, я готов их представить. Но у меня размеренная тактика, я уже говорил в печати, что не несу все яйца в одной корзине. Сейчас против меня возбудили дело о разглашении государственной тайны. Если это дело получит развитие, я добавлю еще новые факты, чтобы те, кто это дело начал, почувствовали.

Но теперь вы депутат и обладаете парламентской неприкосновенностью.

Да, и теперь, когда я буду писать книгу, я буду чувствовать себя гораздо свободнее, чем если бы я депутатом не был. Сейчас я заключаю контракты с западными издательствами, и об этом будет объявлено публично, так что я не исключаю того, что КГБ будет пытаться мне помешать. Например, попытается тайно изъять рукопись и уничтожить.

Ну, в наше время ксероксов такие вещи бессмысленны.

Да, конечно, поэтому и важно во время отпечатать и сохранить копии.

Должен вам сказать, в связи в вопросом о "яйцах в одной корзине", что возникает мало для вас приятная аналогия с Гдлыном. Он тоже сделал множество широкоэвешательных заявлений, сенсационных обвинений, никак их, однако, не подтвердив, и это производит тяжелое впечатление.

Я видел материалы Гдлына, их несколько часов показывали по ленинградскому телевидению, я сидел и смотрел до 3 часов утра. Я лично абсолютно убежден, что все, о чем он говорит, — правда. Свидетели, на которых он ссылается, говорили совершенно свободно, Усманходжаев, например. Видно по манере поведения, по лицу, что он говорит без всякого принуждения.

Один из народных депутатов СССР в этой связи сказал мне: "Прав тот, кто последним допрашивал Усманходжаева".

Ну, может быть. Кроме того, вы не должны забывать, что я 25 лет был сотрудником разведки. Вопросы, которые этого касаются, более щепетильные. А внутри страны мой опыт в основном связан с работой Ленинградского УКГБ. Но я лично, хотя и встречался с диссидентствующими элементами, никогда ни одного человека не довел до суда. Мне мой начальник говорил: "Вот у всех есть по 190¹, а у тебя что?" И я отвечал: "Работаем, мол, но нет оснований привлекать". В КГБ ведь, как и везде, существует план по конечному результату: кого надо посадить, кого профилактировать и т.д.

Что значит "план" — посадить какой-то определенный процент населения?

Нет, конечно. Например, составляется план на 1990 год. Там — все имеющиеся сигналы, скажем, тысяча сигналов на управление. Из этой тысячи, условно говоря, двадцать вести на арест, пятьдесят на профилактику, еще кого-то на вербовку, разноплановые интересы в общем. И нужен конечный результат: если ты за целый год никого не арестовал и никого не профилактировал, то чем ты занимался?

Так вот, приходит ко мне работник и говорит: "Олег Данилович, мы тут одного диссидента имеем в клешах, такой-то и такой-то, антисоветчик, клеветник". Я с диссидентским движением, слава Богу, знаком не по рассказам КГБ, все ж таки я в Америке прожил 12 лет. И в таких случаях я всегда говорил: "Принеси мне дело". Я был первый зам, но любое такое дело я просматривал лично. А там: агент такой-то сказал то-то, подслушивание показало то-то... Я и спрашивал у работника: "Ну вот он сказал, что у нас того-то нет, там-то безобразия, а что, это не так?" Тот мнется. Я и говорю: "Значит так. Пригласи его в КГБ и скажи: дорогой Иван Петрович, не надо так много болтать, люди на вас тут жалуются, что вы занимаетесь политической агитацией". Вот это максимум, что я делал, — спасал хороших людей от неприятностей. Если бы у меня был хотя бы один случай, меня компрометирующий, КГБ во время моей предвыборной кампании не преминуло бы это мне вспомнить.

Но все же в вашу бытность в Ленинградском УКГБ было много посадок по политическим статьям.

Но вы учтите, что я вел не город, где была концентрация диссидентского движения, а Ленинградскую область. В городе же я ведал только милицией. Милиция была под моим контролем. Так что я знал не только всю информацию КГБ как первый зам, но и милицейскую информацию, причем не только официальную, но и ту, что наши стукачи из милиции сообщали.

Милиция, значит, тоже курируется КГБ?

Ну конечно! Там мы вербовали наших агентов, помощников. Кроме того, у меня была в ведении внутренняя безопасность самого КГБ. Как мне это доверили — я до сих пор поражаюсь. Я знал, что делается внутри КГБ, потому что у нас были агенты среди его работников, не офицеры, а в основном технический персонал.

Значит сами за собою наблюдали?

Ну да, там же огромный аппарат. Такая же система существует и в Москве, и во всех крупных центрах.

И все эти осведомители были подчинены непосредственно вам?

У меня был специальный отдел, который этим занимался.

Страшное дело. Это же получается система, замкнутая сама на себя. А кто наблюдал за осведомителями?

Ну, условно говоря, партийные органы.

Интересно, а был ли наблюдатель, за которым уже никто не наблюдал?

(Смеется). И еще у меня были вопросы экономики. Например, в моем ведении находились Ленинградская АЭС, Гатчинский институт ядерной физики, многие другие институты, где было много солидной публики, интересных людей.

А что собственно КГБ делать в этих институтах?

Секретность, утечка информации, охрана приоритетных идей и т.п.

В своем выступлении на конференции в Амстердаме вы сказали, что не станете называть имен стукачей, чтобы не ставить их в неловкое положение...

Да, это было бы предательством по отношению к ним, они ведь приходили к нам на помощь по разным причинам, может быть, искренне.

И вслед за этим вы неожиданно заявили, что если вы увидите, что некоторые лидеры левых неформальных организаций — вы сказали именно о левых, — внедренные в эти организации КГБ, представляют угрозу для демократии, то их имена вы назовете.

Да, назову, а что делать? Если они, пользуясь поддержкой КГБ и проводя его линию, будут разлагать, раскалывать левое движение, то я молчать не буду. Не реагировать — было бы нечестно по отношению к левому движению.

А почему вы говорите только о левом движении?

Я просто назвал то, что мне более близко, имея в виду хотя бы левую Демократическую платформу. Левые мне ближе, правые для меня более далеки, хотя я знаю некоторых внедренных и там тоже. Я знаю многие фамилии внедренных в неформальные организации, но чтобы их назвать, надо иметь твердые данные, чтобы подтвердить свои заявления. По левым я могу доказать то, что я говорю, по правым же я знаю только фамилии. Например, в "Памяти" есть люди, которые давно сотрудничают с КГБ, но документальных подтверждений у меня нет.

Я именно к тому и веду: нельзя, не имея в руках твердых доказательств, компрометировать людей.

Да, я очень аккуратен с именами и вообще с фактами, к этому меня приучила работа в разведке. И вообще: не бросать без оснований тень на людей — должно быть нормой для всякого человека.

А кто конкретно, какой отдел КГБ занимается внедрением своих людей в неформальные организации?

Бывшее Пятое управление, ныне Управление по охране конституционного строя. Там все осталось по-прежнему, поменялись только номера отделов. Произошла перемена вывесок. Такова наша практика во всем. Бывшее 4-е главное управление Минздрава, которое якобы ликвидировали, теперь стало спецуправлением при Совете Министров. Сократили число людей, которое оно обслуживает, а суть-то сохранилась.

Значит в Управлении по охране конституционного строя и люди те же остались?

Конечно. Вот я вам приведу пример. Был и есть там церковный отдел. Как там был начальником отдела полковник Тимашевский, так и остался. Он еще чебриковский кадр, чуть ли не родственник его. Сидит на этом месте много лет. Сейчас-то уж зачем церковью заниматься? И все другие подразделения, которые в этом управлении были, также остались нетронутыми. Сейчас идет накопление информации.

А зачем нужна организация, которая занимается накоплением информации, но не делает ничего, когда действительно нужно принять меры по этой информации. Например, конфликты в Средней Азии и Закавказье. КГБ всегда утверждало: есть экстремисты, разворачивающие деятельность по обострению межнациональных отношений. Хорошо, вы знаете этих экстремистов, — арестуйте их, не допустите конфликта. Ведь обеспечение стабильности в обществе — это задача КГБ. Получилось же, что за КГБ должны решать проблемы милиция и армия. КГБ показало в этой области свою полную несостоятельность.

А была ли у КГБ информация о назревающих событиях в Баку или, например, в Фергане, в Оше?

Насколько я знаю, была, и она была передана в центральный аппарат КГБ. Но в южных республиках надо еще учитывать вот какой момент. Значительная часть офицеров КГБ — это местные национальные кадры. Многие из них сочувствуют национальным движениям, в том числе и так называемым экстремистам. Поэтому нельзя исключить и того, что КГБ в ряде случаев стояло на стороне тех людей, которые были организаторами конфликтов. Они могли смотреть сквозь пальцы на происходящее, а иногда даже и помогать.

А каковы вообще отношения между республиканскими КГБ и Центром — я имею в виду не формально, а фактически? Действительно ли здесь существует жесткое подчинение или же республиканские КГБ позволяют себе большую степень самостоятельности?

Когда-то самостоятельность республиканского КГБ была почти нереальной. Сейчас же степень их независимости такова, что они способны делать то, что в Москве могли бы и не одобрить. Никто в Москве никогда не дал бы директивы: давайте разрушайте местные структуры власти, разжигайте национальные чувства, даже если КГБ в этом было заинтересовано. Но местные кадры могли это сделать, исходя из своих, совершенно других интересов. Я знаю, например, что в ряде мест, в частности, в бакинских событиях, КГБ играло неприглядную роль.

Какую роль в этих событиях играл бывший шеф азербайджанского КГБ Гейдар Алиев? Молва упорно приписывает ему по-прежнему сильное влияние на ход местных событий.

Я думаю, что роль эта может быть очень большой. Размеры популярности Алиева показала его предвыборная кампания. Сила и опасность Алиева состоят в том, что он вырос в КГБ — от оперативного работника, лейтенанта до председателя комитета. Его там знали все. То, что в местном КГБ остались его люди, — это несомненно, много людей. Я знаю одного, он сегодня — зам. председателя азербайджанского КГБ. Это чисто алиевский человек, преданнейший его друг. Наверняка есть и другие.

Центральное руководство может, если захочет, заменить этих людей, или это уже не в их силах?

Да, это уже не в их силах. Там свои национальные кадры, они всегда могут выдвинуть собственные аргументы, что это, мол, проверенный человек. С Востоком трудно спорить...

А как обстоит дело в Прибалтике? Сильны ли там позиции КГБ, особенно Центра?

Очень слабы. Они настолько слабы, что в прошлом году во все республики Прибалтики поехали сотни работников КГБ из Москвы, Ленинграда и из других мест, они месяцами сидели там в гостиницах и пытались организовать работу вместо местных органов КГБ, потому что местные органы практически не давали в Москву никакой объективной информации.

Тем не менее есть много данных о том, что при участии, в частности, литовского КГБ, вывозились и уничтожались местные архивы КГБ. В этой связи у меня есть другой вопрос, в последнее время возникающий все чаще и чаще (только что — в связи в "делом Р.Валленберга"): действительно ли уничтожаются архивы КГБ, а если да, то бесследно ли?

Да, уничтожаются. При этом могут сделать так: дело остается, но в нем выдрано 50–100 страниц, и вместо них вставлена "справка-заместитель": "Уничтожены по акту страницы такие-то, как не представляющие никакой ценности".

А так, чтобы просто выдраны без каких-либо пояснений страницы — этого быть не может?

Нет, "справка-заместитель", она так и называется, обязательно должна быть. Пишут: "уничтожено по акту, как не представляющее ценности", либо "передаю туда-то" и сказано, в какой адрес. Коротенькая такая справка торчит между страниц.

А кто дает указания об уничтожении?

Обычно зам. начальника УКГБ или выше, в зависимости от характера материала.

Коснемся теперь другой темы. Сейчас все чаще и чаще появляются сообщения об избрании в Советы самых различных уровней, причем по "демократическим" спискам бывших, да и настоящих, сотрудников КГБ. Это, кстати, очень перекликается с вашими словами о внедрении КГБ в ряды левых организаций. Например, Евгений Саушкин в Моссовете, Павел Кошелев — нынешний председатель Петроградского райсовета Ленинграда, более известный под своей кличкой в КГБ как Коршунов.

Паша Кошелев — это же отличный парень! Это один из лучших специалистов по диссидентам, в особенности среди художественной интеллигенции, литераторов, художников и т.д.

Правильно. Именно он посадил по фальсифицированному обвинению известного коллекционера современной живописи Георгия Михайлова. Сейчас Г.Михайлов полностью реабилитирован.

Может быть, я сейчас уже не помню, но он мог бы рассказать массу любопытных вещей. Он очень интеллигентный человек, в свое время работал у директора Эрмитажа Б.Пиотровского в качестве заместителя директора. То есть он не был замом, но занимался режимом. Б.Пиотровский в нем души не чаял. Он мне как-то сказал: "Такие работники КГБ просто украшают вашу организацию. Посмотрите, какой он эрудит!" Он действительно знает все школы живописи, по любому поводу он даст описание, историческую справку. Я, например, пользовался его услугами в качестве гида по литературным и художественным делам, он меня свел со многими художниками, театральными деятелями. Его избрали не в силу его кагебешных качеств, а в силу его личных качеств.

Наверное, это все-таки неотделимо.

Не знаю, вот ведь меня тоже избрали, отделимо или нет — трудно сказать.

Вас ведь избрали в результате ваших последних выступлений против КГБ...

Да, да, в результате диссидентства скорее...

А у Кошелева ничего подобного не было, и его искусствоведческие знания лишь помогли ему сажать людей.

Но вы знаете, какая вещь. Павла Кошелева руководство все время долбало за отсутствие результатов. Более того, он ко мне еще как-то потянулся, у нас с ним родственные души. Он ко мне часто приходил и рассказывал о всей этой кухне Пятого управления. Ему потом сказали, зная мои настроения: "Попробуй еще к Калугину заходить без дела, мы тебя просто выставим". И, кстати, его и выставили. Из Управления он был направлен в Петроградский район. Это уже понижение.

Насчет Г.Михайлова я сейчас просто не помню. Наверное он вел это дело как оперативный работник. Следователем же он не был. А художники — это его специальность.

Кстати, он выступал при этом не как Кошелев, а как Коршунов.

Это вполне возможно. Я думаю, что ему стоит покаяться, если что было. Он еще молодой парень, должен понять.

А что вы знаете о Е.Саушкине? Он как раз и был следователем. На нем ведь клейма негде ставить! Он вел множество дел, в частности, дело А.Гинзбурга...

Я его лично не знал, хотя фамилию слышал. Но вот я выступал в Моссовете. Когда я еще был кандидатом в депутаты, меня после всех моих скандалов Моссовет в виде моральной поддержки, пригласил выступить перед депутатами. И в ходе моего рассказа кто-то задал вопрос: "А как отнесится сегодня младший персонал к своей работе в КГБ?" Я сказал: "Знаете, сейчас очень многие разочарованы и уходят". И вдруг голос из зала: "Не многие, а тысячи!" Потом, когда встреча окончилась, я узнал что это, оказывается, Саушкин выкрикнул. Ну, насколько он прав, это остается на его совести, но сама реплика...

Совесь-то у него порядком замарана.

Вполне возможно. Может быть, поэтому он так и крикнул.

Вы понимаете, что такие примеры вызывают обоснованное подозрение, что идет активное внедрение КГБ в депутатскую среду?

Конечно. В составе депутатского корпуса России есть несколько человек из КГБ. Я имею в виду не только открытых депутатов от этой организации.

Наверное, для вас не новость слышать подозрения, что вы сами тоже внедрены КГБ?

Да, конечно. Я обычно отвечаю: "Если вы не верите мне, это ваше дело. Я никого не собираюсь убеждать. Жизнь покажет". Я обычно еще добавляю: "Вы слишком высокого мнения об интеллектуальных способностях нынешнего руководства КГБ".

Мой следующий вопрос как раз об этих интеллектуальных способностях. Вот вы все время ловите шпионов. Шпионы все проходят по ст.64 УК РСФСР и, значит, направляются в политические лагеря. Так что всех шпионов, которых вы наловили и сейчас, и раньше, мы знаем, ибо поименно знаем население этих лагерей. И вот что поражает: хорошо, если среди них были 1–2 настоящих шпиона, которые хоть что-то нашпионовали. Но остальные – это же какая-то карикатура на шпионов!

Вы знаете, что из 30 шпионов, пойманных за последние годы, о которых громко объявило КГБ, почти половина – это офицеры КГБ и ГРУ.

А где они сидят?

Не знаю, с лагерями я, к счастью, пока не знаком. Что касается остальных, то действительно... Взять хотя бы дело инвалида Суслова из АПН или, скажем, дело Казачкова. Дело Казачкова я в свое время лично читал, и у меня осталось впечатление, что там были большие натяжки. По таким признакам можно многих посадить. Были и "нормальные" шпионы, вот Толкачев, например, пойман с поличным, все железно. Но таких, конечно, мало.

Так что же это означает? Низкий профессионализм КГБ или то, что шпионов вообще нет на самом деле? Для чего же тогда содержится весь этот гигантский аппарат? Может быть, стоит оставить тот отдел, где они сами за собой смотрят, и там, в своей среде, и выявлять шпионов, раз именно оттуда они чаще всего и появляются?

Ну, нет, у нас есть все-таки оборонные секреты, научные секреты, ЦРУ и другие хотят в них проникнуть, это нормальное дело.

Но где же все-таки сидят эти шпионы, если они были пойманы?

Ведь некоторых расстреляли, не забывают. Из КГБ – они, по-моему, все расстреляны. Все они проходили по военному трибуналу.

А, вот это другое дело. Теперь разрешите вопрос из другой области. Будучи за рубежом, чем вы еще занимались, помимо прямой разведывательной деятельности, которой мы, конечно, касаться не будем? Занимались ли вы диссидентами?

У нас были проблемы диссидентства. Они были связаны с радио "Свобода", НТС, эмиграцией и т.п. Речь шла о внедрении в эти организации.

Олега Туманова вы внедрили?

Ну, не то что внедрили – мы его приобрели. Это он сейчас изображает из себя героя, который еще с детства готовился к работе разведчика, говорит, что он, чуть ли не в то время, когда матросом бежал с парохода, был полковником КГБ.

А сейчас на "Свободе" еще остались агенты?

Возможно, но ведь я же ушел 10 лет назад, так что точно не знаю. За это время могли быть перемены.

Вы в своих выступлениях неоднократно говорили о причастности КГБ к политическим убийствам. Ваше мнение о причастности КГБ к покушению на Папу Римского?

На сто процентов исключаю эту возможность. Предполагать это — значит, не знать ни КГБ, ни советской системы. Убить Папу — все равно, что убить Президента Рейгана.

А что вы имели в виду, говоря об убийствах?

Речь шла об изменниках, политических диссидентах типа Бандеры, Околовича и др. Были и другие, но на уровне Папы — никогда. Господи, это все равно, что войну объявить!

Раз уж вы упомянули о войне, уместно вспомнить о войсках КГБ. Что это такое, для чего они существуют?

Это специализированные войска. Например, войска правительственной связи. Вся связь в стране, в особенности секретная связь, — в руках КГБ. Это очень опасно. Эта организация в любой момент может лишит правительство связи. А что такое руководство без связи? Это же полный паралич управления. Войска правительственной связи проводят огромную работу по техническому обеспечению связи, прокладке кабелей и т.п. Затем идут строительные части КГБ. Они строят множество объектов, начиная со зданий управлений и кончая частными домами. Затем — пограничные войска, о которых все знают. И четвертое — это отряды спецназначения. Внутри страны они себя пока еще не проявили. Но вот я хочу напомнить эпизод. При расследовании тбилисской трагедии 9 апреля 1989 г. генерал Родионов сказал, что накануне бойни прибыли отряды специального назначения КГБ. Об этом есть запись в стенограмме. И дальше никто эту тему не развил, никто не спросил: а чем они занимались, зачем они прибыли? Мы так этого и не знаем. Ведь для съемок фильма о бойне, который сделало КГБ, не нужен целый отряд. Сидела, как обычно, "семерка" и снимала.

Что значит — "семерка"?

Седьмое управление — люди, которые обеспечивают наблюдение, в том числе фотографирование, тайное негласное фильмирование и все остальное. Они вполне справились. А что делали отряды КГБ — непонятно. Я удивляюсь, почему никто из депутатов этим не поинтересовался.

Скажите, каково сейчас настроение ваших коллег? Они понимают, что пора извлекать уроки из судьбы "Штази", "Секуритатя" и других?

Конечно! Среди работников, особенно младшего и среднего поколения, очень сильны настроения либо к уходу вообще из органов — и этот процес усиливается, — либо к открытым критическим высказываниям. Вот, например, такой эпизод. Следователь Духанин, сыгравший неблаговидную роль в деле Гдляна и Иванова, был выдвинут делегатом на XXVIII съезд партии. Так в КГБ его зарубили свои собственные работники, потому что ему не верят, он весь изолгался. Другой пример. Два года назад, когда были выборы на XIX партконференцию, выбирали, как обычно, делегатами руководителей КГБ. И вдруг один отдел в центральном

аппарате КГБ проголосовал подавляющим большинством против Ивана Павловича Абрамова, против бывшего секретаря парткома КГБ Сулатова и еще против кого-то третьего. Приехал Чебриков — думали, что сейчас всех поувольняют. Но все 28 человек в отделе встали как один и заявили: "Это наша позиция!" Так никого и не тронули. И это было еще два года назад...

Последний вопрос — личного порядка. Хотели бы вы возглавить КГБ России, а если да, то говорили ли вы об этом с Ельциным?

Сегодня — не хотел бы, ибо сейчас вполне серьезно отношусь к своей депутатской роли. Это большая работа. Три с половиной миллиона избирателей — если тебе люди поверили, то важно их не подвести. С Ельциным я на эту тему не говорил, и мне никаких официальных предложений не было сделано.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ:

Упомянутый в интервью Павел Константинович Кошелев (р.1953) — подполковник КГБ, ныне председатель Петроградского райсовета Ленинграда. Вот как характеризует его ленинградская газета "Смена" в статье, основанной на личной беседе с П.Кошелевым (20.07.90):

"В 1974-м по распределению пришел в органы КГБ и не жалеет о сделанном выборе, считает, что комитет позволил ему реализовать себя как профессионала и как человека. Работал в разных отделах — оперативном, следственном, где специализировался по делам о контрабанде; был начальником различных подразделений, в том числе — по борьбе с идеологическими диверсиями. "Это сейчас стало притчей во языцех, — говорит он, — хотя я считаю, что мне нечего стесняться, кроме, разве что, отдельных моментов, когда "колебался вместе с линией".

"Колебались", как мы сегодня знаем, далеко не все — неподчинение могло дорого стоить. Например, Юлию Рыбакову, избранному недавно председателем комиссии Ленгорсовета по правам человека, это стоило семи лет лагерей, поэту Льву Друскину — вынужденной эмиграции. Павел Константинович принимал некоторое участие в этих и других подобных делах, прокатившихся по Ленинграду в конце 70-х — начале 80-х годов. Впрочем, тогда его знали под служебным псевдонимом — Коршунов. Под этим же псевдонимом его знали неофициальные поэты, художники, музыканты, с которыми доводилось работать Павлу Константиновичу. Он принимал участие в создании литературного "Клуба-81", Товарищества Экспериментального Изобразительного Искусства (ТЭИИ), рок-клуба ("Каюсь, моя идея", — не без удовольствия вспоминает он)."

О деле Михайлова, которого П.Кошелев называет "авантюристом международного масштаба", он, в частности, вспоминает:

"С Михайловым меня свела судьба в 1983-м, после отбытия им наказания по первому уголовному делу. Мне поручили объявить ему от имени органов КГБ официальное предостережение за действия, подпадающие под признаки состава преступления "измена Родине в форме оказания помощи иностранному государству". Георгий Николаевич передавал за рубеж клеветническую информацию, которую собрал в месте отбывания наказания. Он, кстати, тогда не подписал протокол, устроил истерику..."

Часть "клеветнической информации", при помощи которой Г.Михайлов "оказал помощь иностранному государству", опубликована в нашем журнале (1987 г., № 5). Ко времени беседы П.Кошелева со "Сменой" Г.Михайлов был полностью реабилитирован.

О своем участии в "деле Л.Друскина" П.Кошелев сам рассказывает в интервью другой ленинградской газете "Аспект" (1990 г., № 6):

"Сотрудники уголовного розыска обнаружили в квартире Л.С.Друскина более 150 экземпляров различной антисоветской литературы. По действовавшему тогда законодательству, подобная литература изымалась с целью проведения экспертизы. 17 апреля я дежурил, мне позвонил сотрудник уголовного розыска, и уже на другой день я предстал пред ясные очи Льва Савельевича, осуществляя порученное мне дознание. Дознание, которое закончилось не возбуждением уголовного дела, не арестом Друскина, а объявлением ему, его жене и еще нескольким лицам официального предостережения от имени органов КГБ о том, что в их действиях есть признаки состава преступления."

Л.Друскин – известный поэт, автор мемуаров “Спасенная книга”. Он – инвалид с раннего детства, всю жизнь прикован к постели. Публиковался и в “Стране и мире” (№№3, 9 за 1984 г.). Вот как оценивает, уже в наше время, П.Кошелев свое участие в “деле Друскина”:

“Некоторые книги, изъятые у Друскина, не опубликованы в СССР и сейчас. К примеру, некоторые труды Авторханова. И, знаете, не по причине инакомыслия их создателей, а в связи с открытыми призывами к насильственному свержению существующего строя.”

Уже после появления интервью П.Кошелева в “Аспекте” книги А.Авторханова начали наперебой печатать советские журналы. Каждый может убедиться в точности информации П.Кошелева. А вот как П.Кошелев оценивает свою позицию в целом:

“Я убежден, что многие вопросы идеологических диверсий вытекали из той политической позиции, которую занимало наше государство. Это было время конфронтации... В те времена мы искренне рассматривали почти всю информацию, поступающую из-за рубежа, как направленную на подрыв советского строя... На мой взгляд, существует опасность зарождения “новой монополии”. Из КГБ делают пугало, монстра – очередное поветрие.”

Надо полагать, что убедить П.Кошелева покаяться будет нелегким делом. – *Ред.*

Вильгельм ФАСТ (Томск)

БЕЗНАКАЗАННОСТЬ

Нас уверяют, что теперь, наконец-то, мы можем вздохнуть свободно. Канула в вечность проклятая сталинская эпоха – эпоха доносов, ночных ужасов, массового террора. На смену тем, «деформированным», руководителям всюду – в партийные, советские, правоохранительные органы – пришли новые люди. Пусть эти люди не идеальны, но они никак не связаны с прошлым и, естественно, не могут нести ответственности за то, что было когда-то: пятьдесят, сорок и даже десять лет назад.

Может быть, все так. Существует, однако, обстоятельство, которое настораживает: отношение этих новых руководителей к прошлому, к тому, что было. Это отношение проявляется в самых разных формах: в стремлении отрицать очевидное, в замалчивании и фальсификации фактов, в попытках запутать, скрыть, исказить события. Сделать бывшее небывшим.

Эта тенденция ощущается в парадных докладах и газетных статьях, в учебниках истории и ученых дискуссиях. Но особенно выпукло и оскорбительно – в реакции на открытия, которые дают наглядное представление об ужасах прошлого. Прежде всего, это те, пока немногие, захоронения погибших, которые удалось обнаружить в Белоруссии, на Украине, в Сибири, в Москве. Во всех этих случаях реакция властей была поразительно одинаковой. Изумление. Праведное негодование. Полнейшая беспомощность, обусловленная фатальным отсутствием свидетелей и архивных материалов. Домыслы и предположения, призванные снизить значение находки, бросить тень на мертвых свидетелей. И лихорадочные, какие-то болезненные потуги скорее «закрыть дело». В связи с осквернением могил в Колпашеве Прокуратура РСФСР возбудила дело лишь осенью 1990 г., после настойчивых требований общественности. Статья В.Фаста написана еще до этого.

1. Обстоятельства

К теме уничтожения могил жертв массового террора в г. Колпашеве «Правда» обращалась дважды. 11 мая 1989 г. газета опубликовала статью своего спецкора В.Черткова «Обнаженный Яр, или история одного захоронения», 16 июля того же года – статью первого секретаря Томского обкома КПСС В.Зоркальцева «Ответственный перед памятью».

Если первый материал, выдержанный в духе партийности и социалистического реализма, все-таки позволяет опытному советскому читателю по крупинкам восстановить страшную истину, то Зоркальцев делает все, чтобы просто запутать существо дела. Автор ищет виновных где угодно – среди колчаковцев, бандитов, дезертиров, разбушевавшейся стихии, но только не там, где они есть.

Между тем эта история известна уже достаточно хорошо. Первый ее этап – тридцатые годы, эпоха террора, когда власти осуществили массовое уничтожение хлебопроизводящего сословия страны. Второй этап – циничное надругательство над останками этих жертв – относится к маю 1979 г. Эта, вторая, операция проводилась на территории бывшего окружного отдела НКВД в г. Колпашево, центре тогдашнего Нарымского округа, и в ней участвовали партийные, советские и прочие «компетентные» органы, которые привлекли себе в помощь десятки работников милиции, речного пароходства, водоспасательной службы, народных дружинников, солдат.

Уже тогда указанные действия следовало квалифицировать по таким статьям Уголовного кодекса РСФСР, как 229 (надругательство над могилой), 206 (хулиганство), 170 (злоупотребление властью или служебным положением) и целому ряду других, отягчающих ответственность в случае совершения уголовных деяний группой и из корыстных или иных низменных побуждений. Что касается человеческой морали, то она закреплена в Вечной Книге: «мертвых, где найдешь, предай гробу».

Но, может быть, автор статьи в «Правде» В.Зоркальцев ничего об этих событиях не знал? Однако в 1978 г., незадолго до обнажения могил, Виктор Ильич был первым секретарем именно Колпашевского горкома партии; затем, к рассматриваемому моменту, возглавлял горком по соседству, позднее – партийный комитет в областном центре, Томске.

Впрочем, и человеку, менее компетентному, полагалось бы насторожиться от одного слова «Нарым». Как писал А.Твардовский:

Там – рядами, по годам
Шли в строю незримом
Колыма и Магадан,
Воркута с Нарымом.

Бывший Нарымский округ Новосибирской области (раньше – Западно-Сибирского края) был ликвидирован в 1944 г., и входившие в него районы составили север вновь образованной тогда Томской области. Но репрессивную систему при этом никто не отменил: она продолжала функционировать и совершенствоваться. Соответственно и понятие «Нарым» сохранило свое изначальное жуткое значение.

И вот, после всего этого, Зоркальцев сообщает нам со страниц «Правды»: «Считалось: на берегу Оби в результате высокого паводка открылась могила бандитов, дезертиров и прочих преступников. Иного документального свидетельства подтверждения тогда не было. К тому же разбушевавшаяся река не дала возможности решить этот вопрос по-иному».

Не требуется особой проницательности, чтобы обратить внимание на странную конструкцию фразы. С одной стороны, «считалось» (кем? на основе каких материалов?), с другой – «иного документального свидетельского подтверждения тогда не было». Легко понять, какая из двух версий больше устраивала первого секретаря горкома. Верно ли, однако, что этих самых свидетельств не было?

2. Жертвы

Колпашево я навещаю всего лишь как гость. Это место ссылки «раскулаченных» дедов и родителей моей жены Н.П.Фаст. Ее мама и родственники живут здесь и сейчас. С колпашевцами я общаюсь не очень широко. Но достаточно, чтобы стон Нарыма вечно звучал в моих ушах. Покойный тесть Поликарп Ильич Заздравных (раскулачен на Алтае), в первый же год ссылки на Палочке потерявший свою первую семью – жену и трех малых детей, сам едва выживший, рассказывал мне в январе 1979 г.: «Где вот была НКВД, у

нас берег-то подмывает. Сколько там... Да и счас нельзя говорить про это... Кости человечьи. Валит и валит их. Вот счас один Волков Сашка сказывал: расстреливал, нас заставляли расстреливать. Много стрелял... А куда денешься, говорит. Я не пойду – меня, говорит, шлепнут».

Моя теща Анна Тимофеевна Заздравных передает рассказ женщин-сестер. Мужей у них взяли. Сестры принесли им передачу в Колпашевский НКВД (один из мужей просил сапоги и две ложки). Пришли они утром. Сторож покачал головой: «Тяжелая была ночь, не надо им ни сапог, ни ложек. Про меня не сказывайте, не выдавайте». И заплакал.

Попытка постичь логику арестов, расстрелов, реабилитации обречена. Ее не было и нет, этой логики. 23 марта 1933 г. в селе Новокороткино Колпашевского района арестовали двух человек: Василия Баранчука и Петра Гооге. О Баранчуке мало что известно, но Петр Андреевич Гооге был немец с Алтая, с трудом кормивший свою многодетную семью. За 20 дней до того у него родилась девочка, Лиза. Мать ринулась за арестованным отцом, везти передачу. Соседка, Анна Тимофеевна, взяла на кормление грудную девочку. В Колпашеве Мария Андреевна застряла надолго – тронулась Обь. Девочки стали молочными сестрами, семьи навсегда подружились. Когда Мария Андреевна вернулась, на нее свалились все тяжести содержания большой семьи. Лизу пришлось отдать в ясли, скоро ее не стало – дизентерия...

В 1956 г. Военный трибунал Сибирского военного округа посмертно реабилитировал П.А.Гооге, а Колпашевское бюро ЗАГС выдало свидетельство о его смерти в 1943 г. от уремии. Свидетельство, где нет ничего: ни города, ни селения, ни района, ни области, ни республики. Лишь о стране, где был убит Петр Андреевич, можно догадаться. Трудно допустить, что Гооге эмигрировал и диагноз «уремия» получен по дипломатическим каналам. Видимо, Петр Андреевич – один из тех «колчаковцев, бандитов, дезертиров», чьи останки были смыты в Обь.

Мама передает рассказ женщины – сестры повара, работавшего в НКВД. «День варю, – вспоминает повар, – ночью вожу трупы на ихней территории. Яма уже была приготовлена». Как-то пришлось повару «вывезти» таким образом собственного дядю. «Больше не буду!» – сказал он тогда. И его отправили на фронт, на передовую.

Чтобы собрать эти свидетельства (на отсутствие которых горько сетует В.Зоркальцев), мне не потребовалось выйти из родительского дома. А когда мы, наконец, вышли и оказались перед бухтой размерами 60х50 и глубиной 12 м, несколько крестьян, причаливших тут свои моторки, сообщили нам массу подробностей. И о деятельности НКВД в 30-е годы, и о только что совершенном осквернении праха тех жертв. К слову сказать, я так и не встретил в Колпашеве человека, который верил бы официальной версии о «дезертирах», будто бы расстрелянных здесь в 1943 г.

Странное это занятие – ломиться в открытую дверь. В 1948–1954 гг., отбывая поблизости унаследованную от отца ссылку, я много слышал о Нарыме, его лагерях и тюрьмах. «Там мрак, изгнание, Нарым», – писал Н.А.Клюев еще в 1937 г. Через сорок лет, в 1987 г., наиболее полное и объективное описание того, что происходило здесь и в 30-е, и в 70-е годы, дал В.Запечский. Его работа «Колпашевский яр» была в сокращенном виде опубликована в апреле 1979 г. газетой «Молодость Сибири». Позднее, летом прошлого года, историческая секция Томского общества «Мемориал» подготовила первый выпуск рукописного журнала «Летопись террора», где помещен и полный текст работы Запечского, и воспоминания А.Горовцовой-Горновской, В.Черепанова, С.Копейкина, Б. и Н.Фаст, В.Нилова. Замечу, что и статья Б.Черткова в «Правде» содержит немало убедительных доказательств того, что расстрелы велись в 30-е годы на территории окружного отдела НКВД в Колпашеве и хоронили убитых там же.

Впечатляющую картину событий 30-х годов рисует А.Спраговский, занимавшийся в период «оттепели» пересмотром этих дел. «С низовьев р. Обь, –

свидетельствует он, – отряды НКВД по реке в сторону Колпашева на двух баржах доставляли в Нарымский окротдел «врагов народа» Александровского, Каргасокского, Парабельского, Колпашевского районов. В целях обеспечения охраны эти баржи были поставлены на якоря посреди реки, откуда арестованные доставлялись на берег Колпашева лодками».

Один из «исполнителей», С.Караваев, дополняет: «Была создана специальная бригада. Для поддержания ее боевого духа постоянно выдавался спирт. Рядом со зданием окротдела была большая площадка, обнесенная высоким забором, там была вырыта яма... В момент расстрела исполнители находились в укрытии, а при подходе арестованного к определенному месту раздавался прицельный выстрел, и он сваливался в яму».

Другой «исполнитель», А.Волков, выражается еще лаконичнее: «Заклученного выводят во двор, ничего ему не говоря. При выходе ему стреляют в затылок».

Наконец, приведем свидетельство В.Скрябина, полвека проработавшего судьей в Колпашевском районе, а затем начальником управления юстиции Томской области: «Я знаю, что в Колпашеве заключенных содержали даже в баржах. Не знаю, где приводились в исполнение смертные приговоры. Срок на исполнение давался небольшой. Исполнять их могли на территории НКВД или в прилегающем к Колпашеву лесу. Судебные дела были маленькие: Слушали... Постановили... Все...»

О том же свидетельствует и официальный ответ, полученный Томским «Мемориалом» от старшего следователя Колпашевской городской прокуратуры А.Печеркина в апреле 1989 г. «Со слов очевидцев событий 30-х гг., в частности, бывших работников НКВД, установлено следующее: в тридцатые годы на пересечении нынешних улиц Дзержинского и Ленина в г. Колпашеве, метрах в 30 от берега реки Обь, располагалось здание НКВД, окруженное примерно трехметровым забором... Недалеко от административного корпуса находилось здание КПЗ, состоящее из шести камер. В КПЗ содержались арестованные и приговоренные к расстрелу во время массовых репрессий лица, а также участники Чаинского и Сургутского восстаний 1931–1932 гг. Здесь же, в здании КПЗ, в одной из камер приводились в исполнение приговоры лицам, приговоренным «тройками» к расстрелу... Трупы людей хоронили в ямах, вырытых во дворе, недалеко от здания КПЗ. К концу расстрелянных хоронили в камере, где расстреливали. Ямы с трупами сравнивались с землей и ничем не обозначались».

Казалось бы, спорить не о чем. Однако в мае, на встрече активистов «Мемориала» с работниками КГБ, облсуда и прокуратуры прокурор Томской области И.Крутов заявил, что ответ Печеркина недействителен из-за его «поверхностности». Увы, ответ самого прокурора вообще не содержит конкретных сведений: «При проведении настоящей проверки каких-либо архивных данных об обнаруженном захоронении и захороненных лицах не установлено».

Но вернемся к письму А.Печеркина. Как будто единственные «преступники», о которых прокуратуре известно доподлинно, – это участники Чаинского и Сургутского восстаний. Понятно, с ними все просто, они – «бандиты». Мы знаем, однако, в какие условия были поставлены эти люди. Их лишили всего: продуктов, орудий труда; пулеметные заставы, расстреливающие всякого, кто пытался уйти в город. Тем не менее «спецпереселенцы» (бывшие кормильцы страны), разоружив Чаинскую комендатуру и райисполком, сумели обойтись без единой жертвы. Их противники действовали иначе. Войска, которыми командовал Иван Иванович Долгих (отец будущего секретаря ЦК КПСС), патронов не жалели. Погибших было как снопов в поле.

И все-таки есть основания утверждать, что не участники восстания составляли основной контингент репрессированных. По данным прокуратуры, расстреляно было всего 13 «бандитов», а в захоронении НКВД – сотни и даже тысячи трупов. Кто же эти люди? Просто крестьяне и крестьяне, объявленные кулаками, женщины, приговоренные к «высшей мере» по закону от

«седьмого восьмого» (7 августа 1932 г.) за кражу колосков в поле или катушки ниток на фабрике, люди, случайно подвернувшиеся под руку органам, у которых тоже был свой «план».

Именно этих категорий жертв власти боятся больше всего. Одно дело – абстрактные, «статистические» миллионы невинных людей, уничтоженных в 30-е годы, и другое – конкретные свидетельства этого страшного преступления: общие ямы, человеческие кости, пробитые пулями черепа... Конечно, прямой ответственности за эти злодеяния нынешние руководители не несут. Но и отмежеваться от того, что происходило, им трудно. Слишком многое связывает их с палачами: идеология, преемственность власти, родственные и иные отношения. Потому-то с таким упорством они и пытаются доказать, что в безымянных могилах похоронены не жертвы репрессий, а кто-то другой – колчаковцы или люди, расстрелянные ими, бандиты, дезертиры.

Вот, например, как характеризует ситуацию заместитель начальника Томского УКГБ А.Машков: «Тюрьма в Колпашеве была построена во времена Колчака, потом досталась органам милиции. Там содержались уголовники, бандиты. Насчет 1937–1938 гг. нет уверенности, но отдельные свидетели говорят, что там расстреливали. Зато точно известно, что в 1941–1943 гг. там расстреливали дезертиров».

Всерьез обсуждать версию о жертвах Колчака бессмысленно. Если бы руководители области сами верили в эту версию, они организовали бы еще в 1979 г. квалифицированную экспертизу, которая расставила бы все по своим местам. Значит, остаются дезертиры. Конечно, это объяснение тоже не делает чести властям (откуда столько дезертиров в Отечественную войну?), но из двух зол они выбрали меньшее. «Массовое дезертирство, – откровенничает бывший работник Колпашевского МГБ Ю.Левицкий, – было скрыто от людей. Когда в 1948 г. я пришел в МГБ, я поразился. Его шкафы были забиты делами дезертиров. Каждое дело – тоненькая тетрадка, краткое решение суда-тройки: «Слушали... Постановили...» Их было сотни тысяч! Их списали за ненадобностью. Дезертиры гниют, кому нужны дела на них? Мы их уничтожили».

Левицкому явно изменило чувство меры. «Сотни тысяч дезертиров» в городке с населением в 14 тысяч человек – обыкновенный абсурд. Пытаясь отыскать следы этого массового поветрия, мы опросили множество свидетелей. Жительница Томска Елизавета Ивановна Алибекова слышала о трех дезертирах; Павел Ежовкин и Ефстафий Кузьмин, ответственные за вылавливание дезертиров в Нарымском округе, упоминали о «нескольких»; Александр Большаков, бывший в годы войны председателем Колпашевского райисполкома, знает об единственном случае.

3. Палачи

Странная вещь. И в годы первой, хрущевской реабилитации, и сейчас мы наблюдаем поразительную закономерность. Известны (хотя и далеко не полностью) миллионы жертв. И почти ничего не известно о тех, кто выдумывал, фальсифицировал дела, пытал безвинных людей, приводил в исполнение приговоры – имена палачей.

Отвечая на запрос «Мемориала», прокурор Томской области И.Крутов уделил «исполнителям» всего несколько строк: «Ряд работников НКВД, участвовавших в репрессиях на территории Нарымского округа и в г. Томске, были в последующем привлечены к уголовной ответственности (Овчинников и др.), большинство из них умерли (Меринов Б.Е. и др.)».

Как видим, не слишком много. Не сохранились данные? Но томское отделение «Мемориала», не имеющее ни средств, ни штатных работников, ни таких возможностей, как прокуратура, способно рассказать о палачах Нарымского окротдела неизмеримо больше. Не стану повторять избитых фраз о том, что нужно это не затем, чтобы «сводить счеты», добиваться запоздалых судов и

проч. Просто страна должна знать имена своих палачей и доносчиков – может быть, это оградит нас от повторений. И еще: всем нам полезно разобраться в истоках массового террора, ведь он был массовым по числу не только жертв, но и исполнителей.

Все-таки одно имя в ответе прокурора названо – Овчинников. Можно было бы предположить, что на этом примере нам покажут и механизм репрессий, и те действия исполнителей, которые власти считают преступными. Увы. Дело И.Овчинникова в Томском УКГБ засекречено так, что к нему не имеет доступа даже прокурор, надзирающий за деятельностью «органов». Такой подход, согласитесь, внушает мало доверия.

Столь же загадочна история с Мериновым. Корреспондент «Правды» Чертков уверяет в своей статье, что совесть Б.Меринова («Конькова») чиста. Не станем спорить. Но почему же тогда прокурор области, получив запрос «Мемориала», не удосужился допросить Меринова, пока он был жив? И почему он ничего не пишет о других, здравствующих исполнителях (например, С.Карпове), чьи имена были названы в нашем письме?

Возьмем того же Карпова. Сафрон Петрович Карпов – пенсионер, проживает в городе Томск-7 (иначе – 5-й почтовый ящик). В годы репрессий был начальником следственной части Нарымского окротдела. Нет необходимости объяснять, чем он там занимался. Впрочем, и сам Карпов не скрывает, что фальсифицировал дела с учетом «требований того времени». О масштабах же этой деятельности можно судить по тому, что в области число репрессированных превышало число погибших в годы войны.

Борис Ефимович Меринов вроде бы перед смертью что-то почувствовал. Человек образованный (Новосибирская школа чекистов, Московский финансовый институт), он не мог не понимать, какое впечатление производила на людей его должность: в 1935–1942 гг. он был руководителем агентурной сети Колпашевского НКВД. В беседах с Т.Фаст весной 1989 г. Меринов кое-что рассказал о режиме НКВД, о расположении самого здания и тюрьмы. Назвал и имена особенно ответственных чекистов. Начальники окротдела – Мартон Иштван Иштванович (он же – Степан Степанович), Терентьев, Ульянов, Плотников, сотрудники – Кипервас, Кох, Плаксин. Чертков в своей статье дополняет этот список: Калинин, Иванов, Гришин, Ракитина...

Конечно, мы почти ничего не знаем об этих людях. Да и вряд ли узнаем, ибо власти делают все, чтобы тайное не стало явным. Однако и беседы с теми, кого удалось найти, надежд не внушают. До конца сохранил «верность» Сталину и его режиму Серафим Тараненко. Ни разу не проговорился покойный Кульменев, бывший в те годы начальником внутренней тюрьмы. Хранит чугунное молчание его вдова, работавшая там же машинисткой. У исполнителей есть свое пристанище – деревня Петропавловка, расположенная по Оби ниже Колпашева.

Я не хотел бы создать впечатление, что никто из этих людей не раскаялся. Бывший старший следователь УКГБ по Томской области Анатолий Иванович Спраговский с 1955 по 1960 г. участвовал в пересмотре дел и реабилитации десятков тысяч убитых. В 1960 г. его уволили из органов. Перед тем Кировский райком партии (первым секретарем которого был П.Слезко – теперь зав.отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС) вынес ему строгий выговор «за клевету на руководящий состав органов КГБ и охаивание старых чекистских кадров».

Выглядело это так. Выступая на партсобрании, Спраговский потребовал принять меры к руководителям органов, лично фальсифицировавшим пересматриваемые дела. А фальсификация была очевидна. Прокуратура требовала, чтобы при пересмотре допрашивались работники, принимавшие участие в делах 1937–1938 гг. Однако руководство КГБ откровенно этому препятствовало.

«Тогда мы еще не знали, – вспоминает Спраговский, – что сам С.Прищепа (начальник управления), будучи в Москве, сфабриковал дело по обвинению

работников Министерства торговли в причастности к японской разведке... Когда же санкция удавалось получить, груды дел предьявлялись С.Карпову... Стоило ему раскрыть дело, как не вдаваясь в суть находившихся там документов, он пояснял, что все эти дела были сфабрикованы с учетом требований того периода времени. И так пояснял каждый из бывших работников НКВД, которых удалось разыскать и допросить».

4. Осквернители

До сих пор мы рассматривали события как бы в отраженном свете, пытаясь оценить нынешнюю ситуацию по реакции властей на преступления 30-х гг. Теперь, однако, мы поговорим о том, что происходило в наше время, об истории с захоронением расстрелянных в Колпашеве.

Официальное описание того, что случилось, принадлежит Е.Лигачеву – человеку, который был причастен к этим событиям в двух качествах: и как многолетний первый секретарь Томского обкома, и как один из руководителей ЦК КПСС. Вот как он ответил на вопрос о том, кто несет ответственность за осквернение могил в 1979 г. «Мне очень трудно назвать кого-либо ответственного. Ибо, во-первых, это произошло совершенно неожиданно. Это было настоящее стихийное бедствие. Вы на этой земле живете и знаете, что иногда делает половодье. И откровенно вам скажу... мне, например, стало известно, что там были захоронены жертвы сталинских репрессий именно после этого случая... Все это развивалось настолько стремительно, настолько быстро, что как-то помочь в чем-то было просто-напросто невозможно. Я считаю, что вы правильно поступили здесь, отдали дань уважения этим людям, установили памятные знаки... Я полностью эту линию и работу ваших организаций в этом направлении поддерживаю. Там же перезахоронить невозможно было. Там уже ничего не оставалось».

Итак, во всем, что произошло, виновата стихия, половодье. События развивались настолько стремительно, что власти, которые раньше ничего не знали, совершенно растерялись и беспомощно наблюдали за тем, что творит река. Убедительно? Попробуем установить, насколько факты соотносятся с этой превосходной версией.

Момент первый – полная неожиданность. Тут было бы важно уточнить, в чем именно состояла неожиданность: в том, что половодье обнажит захоронение именно в 1979 г., или в том, что такие захоронения в Колпашеве существуют и покоятся в них жертвы массового террора 30-х гг.? Если справедлив первый ответ, в него можно поверить; если второй – перед нами явная ложь.

Из показаний знакомого нам Спраговского следует, что останки расстрелянных Обь вымывала еще в 1960 г. Первые попытки уничтожить захоронения, как свидетельствует житель Томска Н.Снегирев, проводились летом 1968 г. Люди, ведавшие этой «операцией», выдавали себя за геологов. Делалось это так. Сначала «геологи» бурили определительные скважины. При обнаружении костей бурение вокруг этого места становилось частым и упорядоченным, порядок скважин – шахматным. В скважины засыпали белое вещество и обильно заливали водой. Потом каждую скважину засыпали грунтом и выравнивали. Кости, извлеченные буром, тщательно очищали и увозили.

Следующая крупная операция по уничтожению колпашевских могил проводилась в 1970-м или в 1971 г. Это было связано с тем, что на берегу Оби обнажилась огромная яма, заполненная черепами и скелетами. По распоряжению властей их бульдозерами столкнули в реку. Могло ли это событие пройти мимо Е.Лигачева, тогдашнего руководителя области?

Таким образом, вопрос ясен. Не знать о захоронении было невозможно. А вот поверить в то, что власти о нем не думали и не предвидели, что высокая вода 1979 г. обнажит могилы и поставит руководителей перед сложными проблемами, – поверить в это можно.

Момент второй – растерянность. Наверное, отчасти это верно – власти и в самом деле растерялись, иначе они не действовали бы так грубо и прямолинейно. Однако есть множество признаков того, что сами действия осквернителей были достаточно продуманны и организованны. Что же касается прямолинейности, то в 1979 г., когда это происходило, местные вожди еще свято верили в свою полнейшую безнаказанность. Ведь они не могли не понимать, что факт публичного осквернения могил на глазах целого города скрыть не удастся.

Описывать, как выглядела эта обнажившаяся братская могила, трудно. Ограничусь краткими свидетельствами очевидцев. «На месте этого захоронения, – пишет Т.Коньшин, – мне довелось быть 29 апреля, когда берег стал обваливаться и обнажились жертвы. В то время там было много ребятшек, подростков, которые разглядывали и даже растаскивали черепа и показывали в черепе отверстия от пуль. Позже сутками стали подходить на это место пожилые люди и оплакивать... А после демонстрации 2 мая там собралось большое количество народа. Местные власти были этим обеспокоены и доложили в высшие инстанции. 3 мая собрали весь актив города и района и попросили разъяснить людям, что это не жертвы репрессий, здесь были расстреляны и захоронены дезертиры... Все молча разошлись, но никто в эту ложь не поверил. В тот же день выставили охрану – не помогло, поставили сплошной дощатый забор, он тоже не помог, свалился».

«Было много сохранившихся трупов, как мумии высохшие, но не разложившиеся. Плоские они были, как в лепешку раздавленные. Одеты были в полушубки» (Т.Емелина).

«Мы проезжали по реке в 20–30 м от берега... В обнаженном обрыве на белой стене на глубине около двух метров... мы увидели пласт трупов, как темный слой торфа, спрессованную прослойку из тел. Лежали они одетые, труп к трупу» (С.Тайлашев).

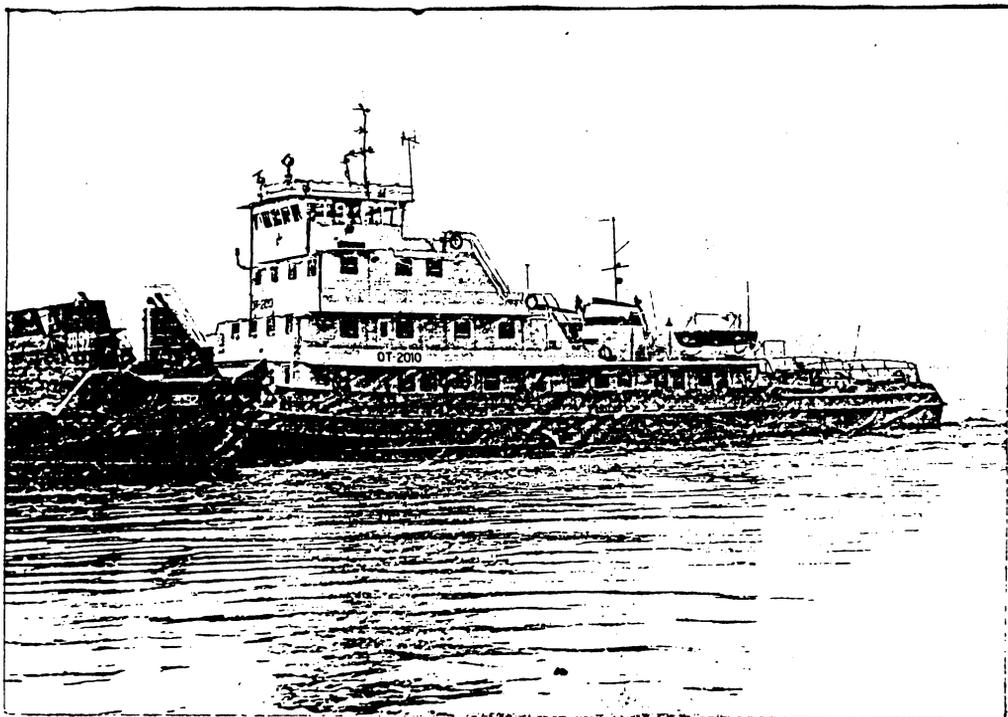
«Что я там увидела? – вспоминает А.Горовцова. – Обвалившийся берег, кости, черепа. Хотя силами милиции трупы были присыпаны землей, в проsvетах были видны незасыпанные длинные женские волосы... Некоторые видели еще не разложившиеся трупы, одетые в длинные пальто... маленькие туфельки детей. Когда я пришла назавтра, там уже это место было огорожено высоким забором».

Последующие события можно восстановить с достаточной точностью. В горкоме партии был собран актив, на котором выступил первый секретарь горкома В.Шутов. Виктор Николаевич сказал, что «во избежание кривотолков» он решил объявить населению, что это не какие-то жертвы сталинизма, а расстрелянные в военное время дезертиры. На вопрос, почему бы не похоронить тела, Шутов ответил, что это трудно сделать, поскольку берег крутой, а «медицина дала разрешение вымыть тела в реку».

В конце мая 1979 г., записывая рассказы очевидцев по свежим следам событий, мы собрали много свидетельств того, как проходило это «вымывание». Милиция отпустила народ от берега, солдаты и дружинники образovali оцепление, был построен высокий забор с надписью: «Санитарная зона». За забором как будто работал экскаватор, приходили и уходили грузовые машины.

Сейчас, через десять лет, люди рассказывают об этих событиях суше, но откровеннее. Олег Тихонович Кононов, капитан теплохода «Заря-131», вспоминает, как рано утром его подняли с постели и привезли на корабль, где уже находились несколько человек – в том числе «гебист». Там же находился труп девушки с длинными косами и пулевыми отверстиями в районе виска. Ему приказали: «Запускай двигатель, мы укажем тебе место для сброса».

Об общем замысле операции можно судить по показаниям ряда свидетелей. В.Заздравных: «Теплоход винтами вымывал. Много теплоходов вымывало. Запах был сильный». И.Емелина: «Стояли два двухтысячника – двухтысячные буксиры – и кормой рыли берег, струей из винтов». В.Сочнев,

штурман теплохода ПТ-32, вспоминает, что их теплоход подвозил кагебешников и начальство к Яру для «инспектирования работ». А.Печеркин: «Подогнали теплоход, который работой винтов стал подмывать берег. В результате обвала вскрылись еще несколько ям. Трупы лежали друг на дружке в беспорядке, кто как падал или кого как бросали... Часть трупов утонула здесь же у берега, часть – унесло вниз по течению и их топили с лодок, находили в прибрежных кустах и хоронили на месте обнаружения».

Но это впечатление людей со стороны. А есть ли показания тех, кто непосредственно участвовал в операции? Да, есть. Капитан теплохода ОТ-2010 Владимир Петрович Черепанов подробно рассказывает, как в начале мая 1979 г. его пригласили в КГБ, где полковник «Николай Иванович» и еще один человек в звании капитана предложили ему идти в Колпашево, чтобы «смыть захоронения». Далее следует описание технических трудностей: сильное течение, попытки установить столб («мертвяк»), завести трос... Детальный план операции разрабатывался в ресторане «Обь». «На совещании был один в штатском, полковник Николай Иванович, капитан, представитель горкома и еще товарищи». Другие подробности: «Трупы из ямы стали падать в воду... Мыли с 11 по 15 мая круглосуточно. Было много ям. Количество назвать не могу. Трупы были разной величины. Видел на них розово-белое бельё. Трупы плавали, кагебешники фотографировали. Во время работы на палубе никого не было. Нам запретили выходить на радиосвязь... Колпашевский горисполком оформил аренду нашего теплохода. Мы люди подневольные, делаем, что прикажут. Топлива сожгли 60 тонн... В Томске меня повезли в КГБ на черной «Волге». Страх был у меня... От имени Ю.В.Андропова вынесли благодарность, подарили приемник «Томь», сказав, что фирма у них не богатая. Механику подарили часы, штурману – часы, мотористам – приемник «Альпинист», женщинам – по 20 рублей... Раньше я не рассказывал об этом, боялся последствий. Ведь это КГБ».

Думаю, сказанного достаточно, чтобы стало очевидно: растерянность, если она и возникла, власти сумели быстро преодолеть. С этого момента все делалось серьезно и основательно. Собрали партийный актив (дело-то важное, общепартийное), приняли решение, ответственность за исполнение возложили, естественно, на знатоков из КГБ, провели совещание со специалистами, даже систему поощрения разработали: капитану – приемник одного типа, мотористам – другого, женщинам – по 20 рублей.

Не будем заблуждаться. Нормальное человеческое решение – перезахоронить тела погибших – было отвергнуто не из-за «технических трудностей», они, конечно, были преодолимы. Решение «смыть» было принято потому, что власти (и в Колпашеве, и в Томске, и в Москве) были озабочены только одним: как можно скорее и надежнее скрыть следы преступлений 30-х годов, в очередной раз сделать бывшее не бывшим. Не так уж трудно уловить связь между этими действиями и многочисленными сентенциями Е.Лигачева об «очернительстве советской истории».

Люди такого типа понимают очернительство своеобразно. Надругательство над могилами невинных людей, совершенное на глазах целого города, их не смущает. Их не волнует и урок нравственности, преподанный партией сотням участников операции: руководителям предприятий и рабочим, солдатам, милиционерам, дружинникам, работникам речного порта и спасательной службы, потомкам погибших, случайным прохожим, детям.

О детях надо сказать особо. Конечно, дети сами виноваты, что играют с костями своих дедов и прадедов, носятся по улицам с черепами на палках – никто их этому не учил. И проводимое тут же «санитарное мероприятие» – сбрасывание трупов в реку, размывание винтами теплоходов, разбивание веслами, привязывание к телам металлических болванок и кирпичей, – конечно же, не имеет к этому никакого отношения. Как и все прочее: незаконные подписки о «неразглашении», которые отбирала у всех причастных госбезопасность, распространение заведомо ложных сведений о погибших, укрывательство тех, кто должен был нести хотя бы моральную ответственность за преступления тридцатых годов.

Остается добавить, что прокуратура дважды отказала в возбуждении уголовного дела. Первый раз – за отсутствием состава преступления, «в связи с тем, что время образования захоронения и лица, похороненные в нем, не установлены; захоронение состояло из нескольких ям, расположенных беспорядочно в различных местах, ничем не обозначенных; оставалось неизвестным до мая 1979 г.» Второй – так как «обнаруженное захоронение, согласно ст. 229 УК РСФСР, не подпадает под правовую защиту», ибо надругательство над могилой (ст. 229 УК РСФСР) заключается в разрушении могильного холма, уничтожении, повреждении могильных памятников, надгробной плиты, похищении находящихся в могиле и на могиле предметов и т.д.»

Разумеется, опровергнуть всю эту псевдоюридическую галиматью весьма просто. Если следовать подобной логике, то, например, преступника, который убил и сжег свою жертву, надлежит освободить от ответственности «за отсутствием объекта преступления». Ясно, однако, что опровергать подобные доводы бессмысленно. Оба «изобретателя» этих формулировок – и ст.следователь прокуратуры А.Печеркин, и прокурор области И.Крутов – вряд ли воспринимают собственную «логику» всерьез.

Все проще и грубее. Они выполняли приказы тех, кому принадлежала реальная власть в стране. А поскольку эти люди, вопреки перестройке, гласности и всем прочим «революционным сдвигам», власть сохраняют, то и преступным исполнителям преступных приказов гарантирована безнаказанность. Так что если до сих пор кто-то в чем-то сомневался, то история захоронения в Колпашеве должна эти сомнения рассеять. ●

КАК НЕ ПОВРЕДИТЬ ОБУСТРОЙСТВУ РОССИИ

1.

Вы можете спорить с кем угодно, от Чаадаева до Сахарова, не начиная с неловких оговорок, с первого же слова входя в существо дела и не тревожась, что это будет сочтено кощунством.

С кем угодно – но не с Александром Исаевичем Солженицыным.

Иов, впрочем, пробовал возражать Господу, но все помнят, чем это кончилось. «Руку мою полагаю на уста мои». Иова можно понять. Господь говорил с ним «из тучи!» «Поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле». То есть, восстав, он повел себя в конце концов со своим господином так же, как ранее вели себя с ним те, что ниже его: «Когда я выходил к воротам города, и на площади ставил седалище свое, – юноши, увидев меня, прятались, а старцы вставали и стояли». Главное же: «После слов моих уже не рассуждали»...

Солженицын, возможно, заслужил, чтобы мы при его появлении вставали. Но рассуждать далее – очень даже приходится.

Подзаголовок «Посильные соображения» и скромность заключительной главки «Давайте искать» («Моя задача была лишь – предложить некоторые отдельные соображения, не претендующие ни на какую окончательность» и пр.) – дань этикетным риторическим правилам. Интонация текста с этим, разумеется, решительно не сообразуется. А.И. пишет аподиктически, то есть указуя, а не доказывая – в полном сознании своего уникального права разговаривать не просто с отдельными собеседниками, а с народами. Это жанр послания «городу и миру», настоящая энциклопедия Солженицына! Вермонтский отшельник вразумляет, требует, гремит из тучи.

Уже тон и жанр обращения Александра Исаевича – неприемлемы. Причем не сами по себе: Солженицын, конечно, должен писать так, как ему любо и привычно. Но – из-за нас, ввиду нашей собственной давней привычки припадать к Высшим Авторитетам; от этих обыкновений, если мы хотим стать современной страной, надо бы избавиться.

Мы сегодня только-только поднимаемся с колен.

Мы только начинаем осваиваться с достоинством каждого индивидуального мнения.

Было бы ужасно, если бы мы склонились не перед логикой и фактами, а просто из-за понятного почтения к легендарному автору «Архипелага ГУЛага», боясь поплыть против некоего *нынешнего* общественного течения. Уже незатруднительно – и даже легче наоборот, неужто дожили? – отвергать ложь КПСС или жестко оспаривать ее генсека. Ну, а отклонить идеи самого Солженицына? не только (что не в пример проще) глазуновых да куняевых?

Увы, иные россияне, включая известных политиков-демократов и литераторов – среди коих и некоторые мои друзья, – что бы они ни думали по поводу недавней брошюры Солженицына, поспешили публично подчеркнуть ее искреннюю боль и нравственное величие; впрочем, не особенно вдаваясь в разбор. Полемицировать с конкретными наставлениями А.И. кажется не с руки, пусть следовать им и не собираются. Видно, некое общее ритуальное согласие в данном случае именно то, что требуется...

Попробуем, однако, исходить из того, что, хотя не всякий, но многие, вступающие в дискуссию и размышляющие о судьбе России, всей душой, как и Солженицын, болеют за нее и радеют о ней. *Теперь* – лишь после того как А.И.,

бросивший вызов страшному режиму, стал в своей стране едва ли не самым печатаемым автором и признан всеми, включая высшие власти, – мы можем спорить с ним, не заикаясь и не повторяя на каждом шагу, что памятуем его громадные заслуги перед Отечеством. Ибо последнее и без того ясно.

Я считаю, что послание А.И.Солженицына способно осязаемо повредить обновлению России. В нем, как всегда, много верных и гневных замечаний о зле агонизирующего партийного «социализма», но они невольно звучат уже лишь отголосками общезвестного, и автор это сознает. В нем есть отдельные точные мысли и предложения, их тоже немало – например, о связи между «независимым гражданином» и частной собственностью или, особенно, о немислимости демократического строя без сильно развитого местного самоуправления. Но и это известно. Зато все верное и справедливое вставлено в ретроградный каркас. Довольно явные попытки что-то уравновесить оговорками, немного сгладить, обойти – не исправляют мечтаний объехать по кривой всемирную историю, но лишь придают тексту, как подмечалось и сочувственными читателями, некоторую вялость.

Вред брошюры Солженицына, пожалуй, смягчится тем замечательным и радующим всех нас обстоятельством, что его взгляды не утаены от публики, а немедленно обнародованы 25-миллионным тиражом. Каждый, кто сумеет, дочитает этот текст до конца и обдумает его неспешно. Возможно, поскольку автор мало считается с нынешними политическими реальностями, его послание, отшумев, будет отодвинуто ходом нарастающих событий. И все-таки обязательно найдутся – да уже нашлись! – люди, полагающие не без оснований, что позиций Солженицына существенно близки к их националистическим позициям, и желающие воспользоваться его действительно глубокой убежденностью и влиянием, которыми они сами не обладают.

Как ни огорчительно, но промолчать невозможно. Потому что идеи Солженицына имеют почву в некоторых исторических и не изжитых еще особенностях российской и советской общественной жизни и сознания.

2.

Со странным чувством, в котором смешиваются, может быть, горечь, но и – готовность принять неизбежный порядок вещей, но и – едва ли не удовлетворение, автор пишет: «так устроен человек», что готов сносить любое бесправие, нищету и погибель, однако, «если затронуть нашу н а ц и ю», «тут мы... хватаем камни, палки, пики, ружья и кидаемся на соседей поджигать их дома и убивать».

Все-таки в Канаде или Бельгии никто «пики» как будто не хватает и убивать соседей не кидается. Да и в странах Прибалтики тоже... Не станем допытываться у Солженицына, неужто межнациональное озлобление не обусловлено определенными политическими и экономическими условиями и обстоятельствами, и нечеловеческие зверства Сумгаита, Ферганы и Оша не следует ли объяснить конкретностью местной советско-азиатской почвы, а не тем, что якобы «таков человек» изначально, всюду и всегда. Но: как следует, во всяком случае, человеку культуры, современному человеку, с опытом на сей счет XX века, относиться к любому, даже и безобидно-мирному, «только» идеологическому, благонамеренно-сентиментальному национализму? Ко всякому перевесу коллективного (в том числе национального) над самостоянием личности? Как нужно бы, в частности, смотреть на узкое «устройство» людей с точки зрения христианского персонализма? Короче, каков принципиальный взгляд Александра Исаевича?

Насчет этого мы получим кое-что несколько ниже. А пока – отложив на потом цитату из Владимира Соловьева «Люби все другие народы, как свой собственный» – А.И. констатирует: «национальный извод заслоняет нам остальную жизнь», от этого «сегодня мало кто в нашей стране свободен» –

то есть мало людей с демократическим сознанием или просто здравомыслящих? Спорная констатация! Для большинства населения СССР и прежде всего для русских, от шахтеров Воркуты и Кузбасса до Москвы и Питера, пока еще, к счастью, несправедливая. Не проанализировав и не отвергнув национальную одержимость, особенно опасную для великого стосорокамиллионного народа, автор торопится к «Ближайшему», говоря так: «мы (кто это – «мы»?) вынуждены начинать не со сверлящих язв... но с ответа: ...в каких географических границах мы будем лечиться или умирать?»

Однако, если начинать прямо-таки с вопроса о границах России, – то до лечения дело никогда не дойдет. Это смертельно опасная, безответственная акцентировка.

Солженицын открывает обсуждение с требования – поскольку «СССР» «в с е р а в н о» развалится (и в этом он прав) – «безотложно, громко, четко объявить»: ОДИННАДЦАТЬ республик «непрерывно и бесповоротно будут отделены».

Каково? Не имеют право отделиться, а *обязаны*, будут принуждены к тому. Ибо, ежели «какие-то из них заколеблются, отделяться ли им» – с той же «твердостью» и «несомненностью» «вынуждены объявить о *нашем* отделении от них – мы, оставшиеся». «Вместе нам не жить!» «Не тянуть взаимное обременение!» Словом: уходите, а не то мы сами уйдем... Те, кто полагал, что на первом Съезде народных депутатов В.Распутин неудачно пошутил, теперь видят: какие уж тут шутки.

Почему же «мы» (то есть те россияне, которые согласятся с Распутиным и Солженицыным) желаем принудительного разрыва? Потому что «надо теперь жестко выбрать: между Империей, губящей прежде всего нас самих» – и спасением русских. Да, но, может быть, не исключен иной выбор: между Империей и не-Империей, и конфедерацией или какой-либо еще удобной формой тесного содружества действительно суверенных и демократических стран на месте СССР?

Казалось бы, три общеизвестных причины – экономическая связь, потенциальный общий рынок, за пределы которого *никто* пока не в силах уйти; демографическая череполосика (60 миллионов – прежде всего русских – вне республиканских границ); наконец, человеческие личные связи, смешанные браки и русский язык, играющий на этой части суши международную роль английского, – «просто» разойтись странам, входящим в СССР, не дадут. В интересах всех искать взаимоприемлемый способ ликвидации империи при сохранении общего экономического, культурного и геополитического пространства. Только дальнейшая искусственная задержка «СССР» – усиливает центробежные тенденции; с победой республиканских демократий мы еще, думаю, станем свидетелями оживления (в радикально преобразованном виде) тенденций центростремительных, конечно, с большими различиями и вариациями в статусах советских стран, включая и статус частично ассоциированных членов. И лучше бы так.

Но Солженицын, находя сильные слова против претензий иных русофилов на «пространнодержавную» мощь, против имперской гордыни, требует отказаться от былых царских и сталинских территориальных приобретений ради материального и духовного укрепления России, пусть в более скромных географических пределах. Ибо: «Зачем этот разнопестрый сплав? – чтобы русским потерять свое неповторимое лицо?» – тем паче, что «в с е р а в н о», «н е т у н а с с и л н а о к р а и н а х», «н е т у н а с с и л н а И м п е р и и!» – и не надо, и свались она с наших плеч...»

Практичное и милое отношение к «окраинам»...

А если б ы л и б ы с и л ы?

Итак, выбор Солженицыну, возглашающему от имени якобы «самых русских», видится только такой: «держат великую Империю» – или сбросить балласт «окраин». Что выгодней для России? По давнишней заветной мысли

Александра Исаевича – выгодней создать «отстойник русской нации». Правда, «и после всех отделений наше государство все равно, неизбежно, останется многонародным, хотя мы не гонимся за тем». Каково это «наше» для слуха прочих, «даже и крупных», наций в РСФСР? – ведь если «мы» (то есть русские) «не гонимся за тем», значит, нерусские не включены в смысловой состав вырывающегося из уст великодержавного «мы». За ними «не гонятся»! И то хорошо, раз уж вместе жить «неизбежно». Что до «малых окраинных народов» Северного Кавказа и др. – «мы» «не нуждаемся в их примыкании», «они нуждаются в том больше. И – исполать им, если хотят с нами». Так-то.

Через все послание – «мы», «наше» – и «они», пусть сотни лет живущие у нас, но не наши; одних – «не держать», принудительно отделить; другим – «выбора нет», вокруг – Россия; третьи, «пред революцией столь отличавшиеся в верности российскому трону, вероятно, еще поразмыслят, есть ли расчет им отделяться»; как хотят, мы хоть и не больно нуждаемся – исполать им.

Вот такое антиимперское мышление: как продолжение наизнанку того же, имперского.

Почему речь сперва только об *одинадцати* республиках? Потому что дозволить «раздутому Казахстану» суверенность Александр Исаевич готов только в пределах «южной дуги областей», где казахи составляют коренное большинство. Ссылаясь на то, что границы Казахской ССР были нарезаны при Сталине, отдавать большую часть его огромных просторов Солженицын не согласен. И точно так же – в случае отделения Украины – велит особо проводить референдумы в Донбассе и других областях, где так много русского населения.

В цивилизованном мире, давшем приют изгнаннику Солженицыну, считается запретным ставить под вопрос проведенные после 1945 года и вообще наличные границы. Иначе не обратятся беды. Во всем мире в кое-каких областях кое-каких государств численно преобладают нацменьшинства – от Испании до Румынии, от Индии до, кажется, Финляндии с ее шведами. Во всем мире привыкают не придавать границам излишней важности. Но А.И-чу не хочется расставаться с распаханной Голодной степью, и вот уже в Алма-Ате закипела демонстрация против требований... Вермонта. Только этого нам не доставало. Успокойтесь, граждане казахи. Ни русский народ, ни его нынешнее правительство, конечно, не станут следовать наставлениям Александра Исаевича; зачем придуманные заботы, если и подлинных навалом.

Расстелив на полу географическую карту, Солженицын решает, где быть государственным границам. И – будто дитя бросает зажженные спички.

Выталкивает молдаван в Румынию: по его мнению, их туда «больше тянет».

Объявляет Украине и Белоруссии, что их народы – ветви того же ствола, что и русские, собственно, разновидность тех же русских: малороссы, карпатороссы, белорусы. Так что отделяться им никак не годится. Разве что украинский народ «действительно пожелал» бы; конечно, «никто не посмеет удерживать его силой». Это хорошо... Но, если желательно удержати лаской – лучше бы не *разоблачать* украинских националистов, даже если они исторически неправы, ведя счет с IX века (не было тогда украинцев... как, однако же, и русских), лучше не называть Галицию «Карпатороссией», и не считать ее говор «искаженным украинским ненародным языком», и дополнительно не оскорблять униатов насчет «окатоличенья», и не настаивать опять-таки в случае отделения на перекройке границ.

Ах ты, Господи!

Отчего бы русским не жить на независимой (но, скорей всего, союзной, да только не с имперской Москвой) Украине? В независимых (но, скорей всего, союзных) Казахстане, Грузии и др.? В независимых и богатейших государствах Балтии? Но... «Перед миллионами людей встанет тяжелый вопрос: оставаться, где они живут, или уезжать?.. И не только для *русских* окраин

(курсив мой, выражение запомним. – Л.Б.), но и окраинных уроженцев, живущих ныне в России».

А вот это нетерпеливое пророчествование – вовсе страшное. Не дай Бог. Тотальное переселение бегущих навстречу друг другу (от погромов?) людей было бы довершающей катастрофой. Сейчас беженцев около 700 тысяч, из них примерно половина – русские; и уже невыносимо. Появление десятков миллионов беженцев сделало бы невозможным какое бы то ни было «обустройство» России и всех стран бывшего СССР – на десятилетия вперед. От этого необходимо уберечься *во что бы то ни стало*.

Однако Солженицын, хотя и пишет, что «национальный вопрос» «так натер шею нам теперь, что перекошил все чувства и всю действительность», – но никакой альтернативы гигантскому, невиданному в истории исходу не видит, не предлагает. «И ко всему теперь вот – готовить переселение соотечественникам, теряющим жительство? Да, неизбежно!»! Перечисляет (давно обсуждаемые в газетах и даже отчасти вошедшие в правительственные республиканские программы) всякие резонные способы сократить расходы и «набрать средств» (между прочим, почему-то не раскладывая получившуюся бы экономию среди всех республик, а записывая прибыль только за Россией) – и предлагает тут же и израсходовать все эти средства на... переселение беженцев...

Не говоря уже о моральной и политической стороне дела – чудна эта решительная солженицынская политэкономия! Не только все ушло бы на беженцев, но, собственно, не получив ни деревянного рубля на модернизацию хозяйства и пр., оставшись нищей и голодной, наша Россия и беженцам помочь не сумела бы. Никакие «500 дней» или 5000 дней этого, разумеется, не выдержали бы.

Что же еще у Александра Исаевича по «национальному вопросу»?

А еще объявляет он «справедливой нынешнюю иерархию» союзных республик, автономий, областей и округов. Хотя против такой иерархии уже выступили и объявили себя союзными семь автономий.

А еще разъясняет он, используя известный довод Сталина, что суверенных государств без внешней границы в России быть не может. Что, хладнокровно отнеслись в Казани и Уфе к укороу из Вермонта? И то слава Богу.

А еще вскользь повторяет он любимый тезис наших националистов о том, что «Россия эти десятилетия отдавала свои жизненные соки республикам» (мудро оговаривая: «если верно» сие).

А еще дав добрые советы насчет «наималейших народностей» – как-то запаматовал полтора миллиона евреев, два миллиона немцев, бегущих из родной земли, в которой 200–400 лет покоятся их предки. Видно, «не гонимся» за тем, чтоб сберечь их головы и руки для России? Это – не национальная трагедия, помимо самих немцев и евреев, именно для русских? Все упомянул и рассудил Александр Исаевич, от уменьшения учебной нагрузки для классных воспитателей до открытия в Академии, по Столыпину, «факультетов по профилю министерств». Да чего-то и не упомянешь...

Зато посреди всех опустошительных наставлений и неумолимых требований – выписка из Владимира Соловьева. «Люби все другие народы, как свой собственный». Хорошая выписка. Как белый гриб в середине вытопанной поляны.

Распорядившись судьбой всех республик, исправив границы и там, где проблем с ними пока нет, переселив всех русских в Россию из «русских окраин» (не императорских, не советских только – а все-таки еще и русских? – «Эту «Россию» уже затрепали-затрепали, всякий ее прокликает ни к ляду, ни к месту») – Солженицын на седьмой день политического творения предлагает отдохнуть. «И вот тут-то, с этого порога – можно и надо проявить нам всем великую мудрость и доброту, *только от этого момента* можно и надо приложить все силы разумности и сердечности» (курсив мой. – Л.Б.).

А до этого момента? до этого порога?
 Неужто никак нельзя быть сердечными? не нужна разумность?
 Грустно.

3.

«Выграбить», «неподымный», «запушь», «мирней и открытей», «поколеситься», «невдавне», «окаянщина», «устояние», «беспорядье», «в обокрад», «заманней», «захлебчивый», «подводье», «воскресительный», «увершаемый», «избранец», «разноголловщина», «двутретный», «людожорский», «распропашать», «сочетанный»... и так далее. Таков язык, на котором автор «узлов» «Красного колеса» решил обсудить со своими согражданами, как превратить Россию в процветающую современную страну.

Или... не в современную? А в ту, где (в XVIII веке? или – лучше – в XVII-м?) вещи переходили от прадедов к правнукам, не зная износу; цены стояли неизменными при жизни трех поколений («по веку»); женщины сидели дома и растили детей; молодежь не «дурила от сытости» железным роком и брейком, а разве что «выдуривалась» при умеренном достатке кулачными боями стенка на стенку, деревенской частушкой и, на самый худой конец, городской кадрилию; телевидение днем не работало, пропускало и целый день в неделю, как в Исландии, и вообще даже не работало; не было «навозной жижи» масс-культуры, «вульгарнейших мод», рекламы, «пухлых газет». Был же: спокойный феодализм, тихое крепостное право или, это еще терпимо, самый-самый ранний капитализм. Была царица Елизавета, был Петр Иванович Шувалов с удивительным, хотя, разумеется, неосуществленным своим «Проектом сбережения народа» (ох, и тогда, значит, приходилось думать об его сбережении?). Вот Россия! – Шувалов, Столыпин, совещательная Дума от новых «сословий», земство, принесшее некогда действительно столько пользы – и, конечно, все полезное из века нынешнего, многое даже из Западных порядков, лишь без их проблем и изъянов, одно хорошее...

Вот обустроенная будущая Россия, которая снится Александру Исаевичу.

Это, наверное, прекрасный сон. Цветной сон, в котором можно летать.

Пожалуй, не случайно именно сорок культурно-экономических «жизненных и световых центров» видятся Солженицыну в этой необыкновенной России, «сорок городов» во главе русских краев – и сразу вспоминаются «сорок сороков» московских церквей: фольклорное, сказочное число.

Ох, как славно бы.

А просыпается Александр Исаевич в конце XX века и замечает – все не так. Все надобно иначе.

И ставит Александр Исаевич на площади седалище свое, и гремит из тучи поистине великий зэк, неустрашимый обличитель коммунистического тоталитаризма, однако же заодно попадает чуть ли не всем подряд.

Достается от мощной десницы Солженицына, не говоря уже о «материализме XIX века, обезглавившем человечество», и западной демократии как «сурrogate веры для интеллектуала, лишенного религии», – без названия имен, конечно, –

Гавриилу Попову за «обходливую осторожность» введенного им понятия «административно-командной системы» и за «нечувствительность по отношению к родине, питающей столицу» (это уже и Моссовету за торговлю по паспортам);

Юрию Афанасьеву или, не помню уж, кому-то другому за несколько преждевременную фразу на митинге 4 февраля о «новой Февральской революции»; самой Февральской революции 1917 года с ее «балаганными одеждами»;

Михаилу Горбачеву за «внутрицекашные перестановки» (вот впрямь удачное словесное новшество!) и жалкую «перестройку»;

Андрею Сахарову за поиски «удобнейшей формы государственного строя», ибо кто же, как не Сахаров – тот, кто «скороспешно сочинил замечательную конституцию, параграф первый, параграф сорок пятый», как раз 45 статей было в первом варианте сахаровской конституции, и действительно очень торопился с этим до последнего своего дня Андрей Дмитриевич (сам Солженицын не совсем последовательно добрую половину брошюры отвел для того, чтобы изобрести русский государственный строй и даже расписать его в малейших деталях);

Полозкову за позорную РКП – и молодым симпатичным московским «анархосиндикалистам»;

«прозябающая ООН» – так, подзатыльник мимоходом;

с оговорками – правозащитникам, посредством критики «модных», но не наисущественных «прав человека»;

профессиональным политикам, получающим оплату за свой труд, и засилю в парламентах правоведам и адвокатам, «юрократии»;

и новому руководству России, Б.Ельцину, с его надеждой на свободные экономические зоны и иностранные инвестиции («не заманивать к нам западный капитал» – Господи, да как его заманить-то?! – де, «только придите и владейте нами... обратимся в колонию», «опаснейшая идея» – чья? где вычитал такое А.И.? эти страхи о западном капиталистическом Змее Горыныче мы, впрочем, то и дело слышим от невежественных «патриотов», не знающих, как функционирует экономика любой открытой и цивилизованной страны);

доставается и новым партиям: зачем в стране возникают партии, ежели возникать им не след, отжили в мире партии свое, и будто мало мы нахлебались от одной КПСС (тоже знакомые доводы);

и «Мемориалу», и представительному парламентаризму, и Троцкому, и народным фронтам – к чему еще народные фронты?

И кому-то еще.

Вот такая вселенская смазы!

А в союзники себе Солженицын набирает выписки из довольно разных авторов, часто даже без присночек собственных рассуждений, просто подряд, как в календаре. Ив.Ильин, С.Крыжановский, Тит Ливий, Д.Шипов, В.Соловьев, О.Шпенглер, П.Новгородцев, Аристотель, М.Драгоманов, Достоевский, Рональд Рейган, Иоанн-Павел II, Карл Поппер, Г.Федотов, М.Катков, Л.Тихомиров, Монтескье, П.Миллюков, В.Маклаков, Д.Милль, С.Франк, Б.Чичерин, Ганс Штауб, В.Розанов, Токвиль, С.Левицкий, Ветхий Завет... Щедро уснащает Александр Исаевич свою брошюру полюбившимися цитатами, порой никак не согласующимися между собой, заимствованными из космически далеких друг другу или даже враждебных духовных контекстов, но зато подтверждающими всякий раз правоту автора. Это интеллектуальное оснащение производит, по правде говоря, фантастическое впечатление на тех читателей, которые предпочитают аналитическую работу с чужой мыслью – требнику или «зеркалу».

Но подбираемые к тому или иному месту авторитетные свидетельства превосходно зато соответствуют избранному автором жанру и языку *наставления*, по-своему органичны.

У меня нет сейчас под рукой словаря В.Даля – того компоста, на котором Александр Исаевич взрастил свой удивительный стиль – чтобы проверить, какие из приведенных выше диковинных сегодня слов были в ходу 100–150 лет тому назад, а какие А.И. придумал, стилизовал под русскую старинность и простонародность. Да и нет по поводу этой брошюры необходимости пускаться в глубокомысленные лингвистическо-эстетические соображения. Ведь перед нами сугубо актуальный политический документ.

Эрудированный комментатор «Свободы» Б.Парамонов высказал примерно такое мнение: перед нами писатель, а не политик, и его нарочито-областни-

ческий, густо архаизированный язык – инструмент, понадобившийся для создания своего особого художественного мира – бесподобного «мифа Солженицына». Зря, конечно, замечает Парамонов, взялся писатель не за свое дело: и вышло неладно; но возразить неуместно, ибо корень промахов и ретроградности автора – глубоко эстетический, а в этом качестве все приобретает оригинальный, уже неотъемлемый от современной культуры, по-своему замечательный смысл.

Э, нет. Изящный, что и говорить, поворот дела, но не получится из него ничего, кроме оскорбительной и для Солженицына, и для читателей, всерьез воспринявших его замысел, бестактности.

С подобным поворотом не согласится сам автор, не откажется от своей гражданской, своей учительской миссии, как он ее понимает. Что до художественного и словотворческого уровня солженицынской архаизации, прямого идеологического пафоса особенно последних романов – разговор это отдельный.

И, с другой стороны, вряд ли много сейчас найдется в России людей, разделяющих или не разделяющих взгляды Солженицына, которые захотели бы и смогли столь утонченно истолковать послание из Вермонта. Как «игровое»?! Но не затевают игры на пожаре; да А.И. и не затевал никаких эстетических игр, не помышлял ни о чем ином, как затушить пожар, отстроить порогелище, вылечить Россию.

Правила разбора заданы, повторяю, целью брошюры. Независимо от необычайного колорита, это – послание, оглашенное десяткам миллионам сограждан, пострадавших, озлобленных, нуждающихся, страшящихся и желающих сравнительно скорого благополучного выхода, облегчения общей и каждой личной судьбы. Ответ может быть дан только в том же – политическом и практическом – ключе, который столь настоятельно предложен Солженицыным. Культурологический десерт к сему отведаем когда-нибудь потом – пируя на российском новоселье.

Поэтому и язык Солженицына в данном случае не просто выражение лексической свободы художника, меры его вкуса и культурного такта. Здесь важно другое. Если Александр Исаевич стремится разговаривать со всеми русскими да и со всеми, для кого русский язык родной или хотя бы понятный, то надо сказать, что его читатели (интеллигентные ли, малограмотные тем более) изъясняются иначе. Страна говорит на другом языке, не солженицынском. О, много хуже, если вам так угодно. Но иначе. Следовательно, для автора важнее обыкновенной доступности оказалось намерение найти опору вне современной реальности, найти *должное*, кажущуюся ему единственно достойной точку отсчета *над* реальностью, короче, предложить современникам для преодоления насущных нужд *идеальную конструкцию* на всех уровнях текста, от концептуального до стилистического. И поэтому развеваются, как знамена, как хоругви: «ЗАПУЩЬ», «В ОБОКРАД», «СОЧЕТАННЫЙ», «РАСПРОПАЩАТЬ»!

4.

Жанр политического рассуждения плох тем, что, если в романе что-либо окажется бросающим вызов фактам, это называется полетом воображения, эстетическим «мифом» и так далее; а ежели такое в «слове к народам» – придется назвать иначе, не так упоительно. И если в романе автор себе противоречит, то называется это художественным или даже высокохудожественным приемом; а в рассуждении – это уже алогизм (проще сказать – нелепица).

Вот лишь несколько примеров.

а) До Октября 1917 г., утверждает Солженицын, в России было «почти достигнуто» – хотя и «с прискорбным исключением» – «спокойное сожитие» и да-

же «дремотное неразличение наций». Но... автор упоминает «необдуманное завоевание Александра II», «давящий (до сих пор?) груз» «среднеазиатского подбрюшья». Средняя Азия – русское «подбрюшье»? Славный взгляд на географическую карту... И «позорные указы» того же царя против украинского языка, и «единонеделимцы» 1914 г. Но еще автор сочувственно цитирует С.Крыжановского, который «в начале века» предостерегал, что «коренной России» недостает сил «для ассимиляции всех окраин!» Вот как, значит, посреди дремоты царская администрация добивалась ассимиляции как условия «неразличения»? Значит, советское «неразличение» не так уж ново?

Может быть, не упомянутые автором запреты Столыпина уже в 1910 позднем году против украинской культуры, понятие «инородцев», черная сотня, и «дремотные» еврейские погромы, и процесс Бейлиса – как раз печальное исключение, не заслужившее упоминания. Как и упорное разбегание народов из «единой и неделимой» в 1917–1921 годах – с чего было?

б) Если не императорской и коммунистической России досталось быть метрополией, носительницей тяжелой государственности, ею же на особый манер придавленной и обездоленной, если не русским людям было назначено «партией» стать становым хребтом и одновременно жертвой несвободы, «чудища «СССР» – то зачем же Александр Исаевич называет 12 республик «русскими окраинами» и пишет, что «нет у нас сил на Империю», а сбросим «окраины» – и «только экономия физических сил»?

Чего-то мне не дано во всем этом понять.

в) Если есть все-таки – не с IX, конечно, но с XIII–XIV веков – «особый украинский народ с особым нерусским языком», – то почему же при признании его права на свою культуру и даже права «действительно отделиться» – ему предназначена непременно только автономия внутри неделимого «Российского союза»? «Несмесимо и неразделимо». Если «несмесимо», то в каком смысле «неразделимо»? Или «неразделимо», или полный разрыв? а третьего, то есть конфедерации, или общего рынка и валюты – ни Украине, ни Белоруссии не светит?

г) Если «ничего дельного мы не достигнем, пока коммунистическая ленинская партия не... полностью устранилась от всякого влияния на экономическую и государственную жизнь», пока не исчезнут «номенклатурная бюрократия», политическая полиция и пр. (верно, разумеется) – как же нашему будущему правовому государству «неизбежно быть плавнопреемственным»? То есть – по неизбежной логике и практике – преемственным от партийного авторитаризма, от этой самой номенклатуры и пр. А если не так, если давно назрел демократический прорыв, нужна немедленная приватизация собственности, нужны свободные выборы, деполитизация (точнее, освобождение от власти КПСС, от всякого внедемократического, внесударственного механизма власти и влияния) армии, милиции, судов, прокуратуры, дипломатии; если нужна замена нынешних, пожалованных в виде уступки, искусственных и послушных мнимо-парламентских структур, – то откуда этот вполне созвучный официальной позиции акцент на постепенности? – «что-то в нынешнем государственном строе приходит пора принять просто потому, что оно уже существует». Что ж, в общем виде это неоспоримо. Но что именно принять и, главное, что означает «пока»? Все в одночасье, само собой, не поменять. Но мы ощутимо ввергаемся в экономический и национально-государственный хаос, а «нынешний государственный строй», похоже, обнаружил неспособность к дальнейшей быстрой эволюции, бессилие и ...цепкость.

Так как же без крутого поворота, без бескровной революции, как в люто ненавидимом почему-то Солженицыным Феврале? Как в Польше или Чехословакии?

Опять не умею увидеть, где концы тут сходятся с концами.

д) Еще к тому же. Если «не все дело в государственном строе» (разумеется, не все, но, как показывает самоновейший опыт блокирования экономи-

ческой реформы и нового союзного договора, – едва ли не ключевое), если с политическими изменениями при неотложных хозяйственных бедах не следует торопиться – то кто и как раскладывает именно экономическую разруху? События как раз в те дни, когда стране было предложено читать увлеченные земские проекты Александра Исаевича, показали, что при нынешней все-союзной структуре власти РСФСР почти бессильна, четверть демократический Верховный Совет СССР ни шагу в экономике сделать не в состоянии, чрезвычайные президентские указы походят на знаменитые китайские «серьезные предупреждения» Америке (хотя счет до тысячи еще не дошел). Остается только раскладывать пасьянс из трех экономистов-академиков, но выходят казенный дом на Старой площади и неясно-дальняя дорога, и вдруг в последний момент взволнованный Президент, как обычно, смешивает карты.

Так все-таки: ежели «невозможно нам сразу браться решать вместе с землей... собственностью, финансами, армией – еще и государственное устройство тут же», – а какое, нынешнее, что ли, устройство сумеет преобразовать армию, финансы, собственность, поземельные отношения?..

е) И, чтобы прервать пока перечень возникающих (возможно, не только у меня) недоумений. Если ответственны мы в том, чтобы «упредить беды» – и «раскол только тот, который действительно неизбежен» – что же А.И. так жестко и опрометчиво накликает беды, не дожидаясь народных волеизъявлений, отбрасывая одних, рассекая других, задевая третьих, не замечая массового исхода четвертых, пренебрегая торжественными декларациями пятых? Ведь нельзя сомневаться, что русским он желает только добра, да и прочим зла не желает. Но – где же элементарная деликатность и осторожность в «упреждении бед»?

Действительно, досадно и грустно.

Но в этой лихорадочной путанице есть логика, есть внутренние идейные основания.

5.

Можно выделить четыре таких неразрывных основания.

а) Антидемократизм Солженицына.

О, на словах автор, конечно, скрепя сердце соглашается на демократию для России. Что поделат! – «нельзя сказать, чтоб у нас был широкий выбор: по всему потоку современности мы изберем несомненно демократию». Или демократия, или тоталитарная тирания. Это автор вынужден признать. Монархию Александр Исаевич нам, таким образом, не предлагает. Как вздохнули с облегчением, как обрадовались по этому поводу некоторые либералы! «Вот видите? А ведь иные говаривали, что приверженность Солженицына к авторитаризму, с налетом патриархальности – скрывает за собой тоску по царю-батюшке. Ничуть не бывало». Поздравьте друг друга, господа. Не монархию велит ставить Александр Исаевич, а все-таки демократию.

Но... Во-первых, и это главное, должна быть демократия без прямого избирательного права. И без *равного* – с цензом оседлости не только для местных выборов (что нормально), но, ввиду четырехступенчатого избрания каждого высшего «земства» низшим, вплоть до «Всеземского собрания», – ценз этот эхом отдался бы до самого государственного верха. Кроме того, лучше бы отстранить от «решения народной судьбы» молодежь, пусть избирают с 20 или более лет (то есть, скажем, студенты сидят при этом дома, а солдаты в казармах); а смогут быть избранными – с 30 лет. Или – раздумчиво колеблется А.И. – с 28-ми? Ибо молодые люди у нас плохо воспитаны, поверхностно образованы и «порой шатки к самым безответственным влияниям» (чего не скажешь, надо полагать, о тех, кто постарше и о пенсионерах). Так что и возрастной ценз. Нет, вообще нечего давать перевес «бессо-

держательному количеству над содержательным качеством». Нужно выяснить при голосовании «Волю Народа», а не просто интересы всего населения, состоящего из «рассыпанных единиц». Иначе не получится отбора в Думу самых нравственных, мудрых и многоопытных – лучше всего было бы вообще не проводить «общего голосования», а – «опрос мудрых», как некогда «у горцев Кавказа». «Но – никак не видно несомненного метода отбора таких людей» на современном всесоюзном уровне, российских аксакалов, так сказать. Все же «известным знаменителем» могла бы стать «верховная моральная инстанция с совещательным голосом», от «профессий и отраслей приложения труда», ареопаг «знающих», верхушка новых «сословий». (Все это – без тени улыбки.) Не получится при всеобщем голосовании и необходимая сильная власть Главы Государства. Так что нет, не «сползем» в России к «нелепому» всеобщему избирательному праву, как «с 1918 сползла» Англия.

Монархия сверху и самоуправление, вроде сельского «мира», земства, казначейской, веча, совета мудрейших и т.п. внизу? Нет, нельзя. Потребна все же какая-то другая комбинация авторитаризма и старинной общинности. Не тот строй, который был до Февраля. А только «в управлении неизбежна примесь аристократического или даже монархического элемента» (см. Аристотель и ландсман Брогер в кантоне Аппенцель в Швейцарии). Не монархия, но – «примесь элемента» ее. «Сочетанная система»... Так что радуйтесь, господа прогрессисты.

Да, не упустить еще: тайного голосования тоже не нужно, «тоже не украшение». Нечего бояться давления и запугивания голосующих, «облегчать душевную непрямоту»: голосуй открыто, смело тяни руку! «На земле и сегодня есть места, где голосуют открыто». Есть, есть. Да хотя бы и СССР не был по сути таким местом, где избиратели не заходили в кабины под взглядами кагэбэшников, а – прямо к урне, с душевной прямотой? Что до ступенчатой системы голосования, от низших органов к высшим – то и эта система хорошо опробована в КПСС: В «первичках» – делегатов на районную партийную думу, с районной – на городскую и так далее, вплоть до думского Пленума и Политбюро мудрейших и знающих, «с примесью аристократического элемента».

Итак, демократия, да! – но без всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании. Без гнилого парламентаризма. Без партий и без партийных списков на выборах. Обойдемся! Сбережем «устой страны», с ее царской и большевистской историей. Вернемся к тому, что французы порушили «в революцию 1848», англичане же в год победы у нас большевизма. Эх, хорошо было до 1848 года!

Во-вторых. Должна быть демократия *без разделения властей*. Ведь надо сообразоваться с «традицией народа», «данного народа». А данный народ власти не хочет, управлять собой не привык. Не власти он хочет, не без основания (но, может быть, по уже несколько устаревшим сведениям) полагает Солженицын, а хочет ПОРЯДКА. Для порядка нужна «сильная власть», собственно, но исполнительная, а лучше всего, если бы она «не зависела от совета законодателей и отчитывалась перед ним лишь после достаточного срока» (См. Г.Федотов). «Это, пожалуй, уже и слишком», – со вздохом замечает в скобках Александр Исаевич.

В-третьих. Должна быть не только непосредственная демократия *доверху*, никак не представительная; но, следовательно, и профессиональные политики не нужны, вот эта самая «юрократия».

Солженицын прав, напоминая, что демократия не идеальный государственный строй, что у нее постоянно возникают проблемы и противоречия и пр. Автор тщательно подбирает все известные аргументы против западной демократии, от наблюдений Токвиля в прошлом веке до советского пропагандистского тезиса о том, что «при всеобщем юридическом равенстве остается фактическое неравенство богатых и бедных», «власть денежного мешка».

Нет здесь возможности вступать в длинный и довольно скучный спор. Да, «несправедливости творятся и при демократии, и мошенники умеют ускользать от ответственности». Что и говорить. Но только при демократии, при величественном *формальном* праве (одном из лучших изобретений западного общества) – у мошенников это получается трудней и реже. Не хочется в очередной раз цитировать афоризм Черчилля. Лучше спросить у Александра Исаевича: почему ни одного аргумента против предлагаемой им авторитарно-сословной, «сочетанной», организованной по вертикали системы у автора не нашлось? Интеллектуально ответственный автор обязан бы указать возможные слабости и опасности также *своей* конструкции.

Кроме ее – очевидной и для смущенных поклонников идеологии Солженицына – кабинетной придуманности, заметим только одно: проголосовав на мирской сходке или на городской площади за местных земцев, гражданин впредь передоверяет решения – сложной «земской» пирамиде; ему уже никак не уследить, кто кого там выше избирает, и во Всесоюзной Думе будут лица, которых он не выбирал, не знает и повлиять на них не в силах. Это мы уже хо-о-рошенько испытали.

Без «поравнения», без «избирательной публичности», без «плюрализма идей», но с их «абсолютностью»... Знаем.

Итак: традиция, полюбовность, даже «мнение без голосования», «сквозь все века русский деревенский мир», и «казачий сход», и новое земство при жестко ограниченном избирательном праве, без юридического формализма, без «нелепых» изобретений демократии XIX и XX веков – вот что такое солженицынское «ПОДАЛЬШЕ ВПЕРЕД».

«Подальше вперед»? Или подальше назад?

На основе традиций императорской пореформенной – и советской, между прочим, в существенных штрихах, – так или иначе выпадающей из современного мира России? К утопическому, ретроградному и, по счастью, неосуществимому идеалу.

б) Изоляционизм Солженицына.

В этом пункте А.И. заметно осторожней, чем в публицистике, речах, интервью первых лет своего насильственного изгнания. Автор не избочивает и не поучает западное общество. Если не считать демократии, которая была изначально якобы «напоена чувством христианской ответственности», а сейчас «пригибается диктатурой пошлости, моды и групповых интересов». И «умеет лишить силы протесты простых людей, не дать им звучного выхода». И при ней «деньги обеспечивают реальную власть», так что, как мы уже слышали, формальное право прикрывает засилье «денежной аристократии». «Мы входим в демократию не в лучшую ее пору» (то есть она была развитей и привлекательней в прошлом веке, но еще лучше – в древних Афинах). Ну, и опять же парламентское политиканство, лоббисты, «господство посредственности», пустая борьба партий, «навозная жижа» поп-музыки, все, что «заманчиво иссуша» для нашей молодежи и т.д. Спорить не станем. Кое-что из всего этого, разумеется, верно, хотя и поразительно банально; можно бы даже и добавить к сему; нигде не звучит такая страстная критика больных сторон и проблем западной жизни, как на Западе; потому что Запад живет уже четыре века через кризис; кризис для него постоянная и нормальная форма исторического движения, безостановочного самоформирования. А иные поверхностные замечания Солженицына – к тому же неверны. И, возможно, мы входим в демократию – если входим – как раз в пору начавшейся ее зрелости и удивительных достижений.

Однако Солженицын произносит одобрительные слова о Германии – не покойной «ГДР», конечно, но Западной – ее «наполнило облако раскаяния», а вслед «наступил экономический расцвет». И о высокой трудовой морали японцев. И даже о полезных деталях американского государственного устройства.

Напоминает о несопоставимо с нами высоком уровне жизни. Считает, что «из высказанных выше критических замечаний о современной демократии вовсе не следует, что будущему Российскому Союзу демократия не нужна. О ч е н ь н у ж н а». А от швейцарского муниципального управления автор даже в восторге, ибо, как мы уже знаем, ему дорога прежде всего непосредственная демократия, «демократия малых пространств».

Так что никакого анафемствования в адрес западной цивилизации, во многих случаях традиционного для российских почвенников с прошлого века, — у Солженицына нет. И этому можно было бы порадоваться, не придавая значения пропорциям в критических и примирительных высказываниях, интонациям и пр. Хотя не обойти того, какая «демократия» Александру Исаевичу кажется «очень нужна» и подходяща для России, без «состязательной публичности», яичко без желтка.

Доберемся, однако же, до корня.

Проблема модернизации нашей экономики. Солженицын требует «умеренной частной собственности», прежде всего для крестьян, а также и в «здоровой, умной, честной торговле»; поддержки мелких предприятий; антимонопольных законов, которые делали бы невозможной «безудержную концентрацию капитала». Но никакая современная страна не может быть страной только мелких хозяев (плюс крупная государственная собственность), какая, по-видимому, мечтается Солженицыну, тоже в дымке старины — или в виде «Муравии» у героя поэмы Твардовского. Пусть будут, готов А.И., и банки — но без кредитных ставок («ростовщических наростов»). Пусть будут фирмы, но без выбрасывания на рынок все новых видов товаров, улучшенных моделей, без «прямого разврата» конкуренции, борьбы за потребительские предпочтения. Пусть будет частная торговля — но без «напора корысти»! И частная собственность — но тоже «нельзя допустить напор собственности». Так что Россия сумеет, по соображениям А.И., добиться «качественного выравнивания с развитыми странами» не только без их демократии, но и без их капитализма, во всяком случае — без чего-либо и почему-либо морально непривлекательного...

Важный момент этой патриархальной утопии: не допускать «иностранного капитала» к приобретению у нас недвижимости, земли, рудников и скважин, «особенно лесов». Хотя, между прочим, леса тогда не изводились бы, древесина перерабатывалась бы в три раза эффективней, почти полностью; не горели бы газовые факелы, нефть не выбиралась бы хищнически, без разработки скважин до конца и т.д.

А миллионы запущенных и захламленных гектаров давали бы прокорм не кому-либо, а в первый черед России. Незачем, разумеется, возражать против «твердого русла» законов, которое регулировало бы деятельность иностранного капитала, от чего не отказывается ни одна западная страна; но «вносимо им экономического оживления» смешно было бы ожидать, одновременно лишив его «высокой прибыльности».

Солженицыну хотелось бы зажарить яичницу, не разбив яиц.

Реальность когда-нибудь окажется все же такой, что мы — тоже хочется пометчать — станем одной из «западных» стран — как Япония или хотя бы Бразилия... Предпочтем нынешним бедам — новые проблемы, без которых ни одно общество не обойдется. И равновесие: «уносимых прибылей» (отчего же вместе с тем не способствовать, чтобы они вкладывались снова в наше же хозяйство?) — куда более эффективного использования «нашей природной среды». То есть равновесие выгод не на минимальном уровне (без всяких прибылей им и без настоящего «оживления» для нас), а на уровне динамическом и максимальном (дабы и «они», и мы жировали).

Как это делается, известно хоть в Сеуле, хоть в Бангкоке, хоть и в самих Штатах, чья экономика немыслима без японских, европейских и т.д. инвестиций. Нового тут, пожалуй, не придумаешь. Глядишь, при внуках наших и мы

начнем покупать рудники в Южной Америке, или леса в Канаде, или земельные участки в Вермонте. Нормальное дело.

Тут-то, от споров о демократии и о собственности, о государственном строе и беспорочных нравах, которыми хотелось бы блеснуть перед остальным человечеством, приходим мы к традиционному: особый путь для России? А во многом и сходный? И если особый, то какова мера и где пути к этой особенности?

Что возразить Горбачеву, который говорит: «не перенимать механически чужой опыт»? Что возразить и Солженицыну, который говорит: «но и перенимать бездумным перехватом чужой тип экономики, складывавшейся там веками и по стадиям, – тоже разрушительно»?

Подобные формулировки построены внутренне тавтологически, сами погашают свой смысл. Кто же скажет, что надо «механически», «бездумным перехватом»? Ответ на столь общие, риторические слова будет неизбежно не более содержательным... Ну, не бездумно, а с умом, не механически, а осмотрительно.

Тут нужна исключительно практическая конкретность.

В общем же виде достаточно двух простых и каждому посильных соображений. Во-первых, современная экономика выработала такие международные приемы, инфраструктуры, финансовые, организационные (менеджерские), технологические, которые – работая на мировом и только на мировом, а не замкнуто-провинциальном, автаркическом рынке – от страны к стране, от одних местных условий к другим могут лишь (и весьма гибко) варьироваться, в главной основе оставаясь общим достоянием человечества. Эту всемирность и – с точки зрения технологически-финансово-экономической – нивелирующую роль капитала заметили еще Маркс и Энгельс в «Манифесте» (не такие уж ограниченные и дикие были они люди, как теперь модно доказывать, а глубоко наблюдатели и критики современной им цивилизации).

Во-вторых, Солженицын, кажется, хотел бы строить новую Россию, ее экономику и политику? Но экономику не строят, она *с к л а д ы в а е т с я*. Да и политика – во многом. Демократам достаточно добиться социального простора, открытости, «формальных» (нейтральных) ко всем видам собственности, ко всякой честной предпримчивости, законоположений. А там... Экономика пойдет, и пойдет. И по стимулам оптимальной эффективности и заинтересованности окажется такой-то и такой-то. «Построением» идеального строя мы занимались уже достаточно. Никакая версия авторитарного построения по некоему *с о ц и а л ь н о м у* *п р о е к т у*, в том числе и версия реставраторская, архаическая – не реальна.

Александр Исаевич настойчиво возводит свою мечту по всем направлениям: экономическому, политическому, морально-эстетическому; и это мечта об «особом пути» для России. Но любой особый путь выведет нас только при условии быстрой модернизации, что означает тем самым наше возвращение на большак мировой цивилизации. В мире же есть лишь одна универсальная цивилизация: именно та, из глубины которой мы услышали ностальгические призывы Солженицына. Или вместе с «Западом» (который ныне на всех материках), или... да нет никакого «или», кроме того, чем мы досыта нахлебались.

А все-таки, а все-таки... Разве у России – не особые условия? И разве не продиктуют они ей особый путь... свой путь к свободной экономике и либерально-правовому государству? Свой путь на Запад? Несомненно, именно так. Россия окажется «западной» как-то иначе, чем любая страна; иначе, кстати, и чем Армения или со временем Узбекистан. Причем Сибирь тоже отчасти иначе, чем, допустим, Питер и Северо-Запад. Это *у с т р о и т с я*. В конкуренции разных хозяйственных форм и начинаний. В самодвижении общества. Каким конкретным образом? Не знаю, и пока никто не знает.

И, как всегда, особой будет прежде всего культура и даже, в сущности, по-настоящему только культура, хотя и коренящаяся в повседневных пла-

стах жизни. Всякая культура, как известно, есть торжество особенного. Но она не старается быть особенной. С ней это тоже получается. Она своей особенностью не «гордится», ей не до таких националистических ухищрений и глупостей. Как мужчине не надо говорить и думать, чтобы быть мужчиной – а то, гляди, и не получится. Русская культура всегда была и будет своеобразной, русской; грузинская – грузинской и т.д. Какими же еще доступно им стать?

в) Коллективизм Солженицына.

Это можно, конечно, назвать и как-то иначе. Например, общинностью или соборностью.

Позиция Солженицына в этом компромиссна. С одной стороны, автор часто заговаривает о «здоровой частной инициативе», о частной собственности, скромной, «не подавляющей других», но дающей «устойные личности», о необходимости «частных платных школ, обгоняющих общий подъем всей школы». Приветствует «все хорошее, что есть на Западе: гражданскую нестесненность, уважение к личности, разнообразие личной деятельности». Что ж, можно только согласиться бы со столь очевидными соображениями, но...

В тексте все время витает нечто более важное, чем личность, и ее все-таки обуздывающее, ограничивающее.

«Модные» права человека – это хорошо, но «как бы нам самим следить, чтобы наши права не поширились за счет других». Двести лет уже известно, что свобода каждого имеет предел лишь в себе же, то есть в свободе каждого другого. Следить *самим* – реально в социальном масштабе лишь тогда, когда за этим также следит правовое государство и этому, собственно, служит. Отзываться иронически и с некоторым пренебрежением о правах человека – в нашем отечестве явно рановато. Но Солженицын заранее озабочен, как бы «права человека» (в кавычках!) не означали «свободу хватать и насыщаться». Не снизили нас до уровня животных.

Похоже, что Солженицын и правозащитники говорят на разных языках. Причем тут «свобода хватать»? Причем «все правящие классы и группы истории»? Будто речь не о каждом человеке, а о «правлящих классах». Это отдает критикой капитализма (правовое равенство вместе с неизбежным имущественным неравенством), традиционной от славянофилов до ленинцев. И вот рядом с «уважением к личности» – у Солженицына выпады против «столичной интеллигенции», которой дороги свобода слова, собраний, печати и эмиграции, но которая якобы готова была бы запретить «права», как их «понимает чернонародье», и сохранить «прописку»... Будто все это не в одном пакете, и правозащитники не требовали свободы передвижения за пределы страны и *внутри* нее. Но подозрителен (как и большинство Съезда народных депутатов) Солженицын к «московской имеющей голос публике», которая – будучи развращена особым снабжением столицы – «десятилетиями не выражала истинных болей страны». Ну, а сейчас-то – выражает?

Что за этими оговорками и опасениями?

«Однако и права личности не должны быть вознесены так высоко, чтобы заслонить права общества».

Вон оно что. Мы это слышали 70 лет, и видели, что «права общества» в *противопоставлении* индивидуализму – это обман, что обязательно кто-нибудь берется говорить от имени «общества», «народа» или «нации», подавляя под этим звучным предлогом личность; что, если речь шла бы об экологической или военной опасности, то это всего лишь общая забота каждой личности, тот случай, когда интересы всех и каждого должны совпасть. И что говорят «общество», а разумеют – государство, то есть интересы правителей. И ежели действительно общество, то почему же А.И.Солженицын против «поравнения» гражданских индивидов, против всеобщего и равного избирательного права; и если общество в целом, то откуда – при нелюбви к «интеллектуальной псевдо-элите» – корпоративизм, «примесь монархическо-

го и аристократического элемента», деление на мудрых и достойных и на... «чернонародье», что ли?

Колеблется Александр Исаевич. Перед умственным взором его – столыпинский, свободный и от «мира», зажиточный крестьянин. Но и сельский «мир» был прекрасен. Личность, да – но и собрание лучших, но и порядок, а еще: *справедливость выше права*, обязанности должны иметь над правами перевес, нужны сильное государство, самоограничение, без плюрализма идей и поступков, подчиненность личности обществу и «абсолютности понятий Добра и Зла».

Нет, нет, не большевистского подчинения права – пролетарской справедливости, не абсолютности единственно верного ленинского учения, знающего за отдельную личность, где Добро и где Зло, не партийного собрания лучших, не вбиваемого в детского садика в голову перевеса обязанностей, не «самодисциплины», требуемой от коммуниста («сознательной дисциплины»), не недоверия партократической черни к интеллектуалу, словом, *не этого «коллективизма»* хочет Солженицын. Упаси Бог. Этот – смертельно ненавидит и послужил его скорому теперь уже уничтожению.

Но *совсем другого* коллективизма ему хотелось бы, христианско-патриархального, традиционалистского, мирно-иерархического.

Той, старой, веками длившейся русской традиции, которая была сломана, но послужила в значительной мере исторической почвой для этой...

г) Моральный дидактизм Солженицына.

«Таков человек» в преобладании национального самолюбия над иными человеческими интересами – и огорчается, но не сопротивляется Александр Исаевич; что же, впрямь, идти поперек природе человека? Логично. «Человек националистичен, Кай – человек, следовательно, и он националистичен», как пишут в учебниках со времен Аристотеля.

А еще: «людям свойственно всегда преследовать свои интересы». Вот уж правда. Но на сей раз Солженицын смириться не желает. Пусть таков человек... а должен все-таки стать другим.

Как? Все дело в самосовершенствовании. «Если в самих людях нет справедливости и честности – то это проявится при любом строе». Конечно! Но, казалось бы, из этого, еще одного неотразимого соображения следует не то, что хороший человек и при тоталитаризме хороший (ой ли? не меняется ли сама мера порядочности? если честное слово тут же может стоять свободы, а то и жизни?), а плохой человек и при западной демократии плохой (с той оговоркой, что нет «несунов» на «каппредприятиях», а при социализме «несуны» неплохие люди, ибо весь народ – «несун»).

Казалось бы, надо оставить каждого человека наедине с его совестью, а позаботиться – в политическом обращении к обществу, во всяком случае – обсудить, при каком государственном строе и при каких социально-правовых и экономических отношениях человеку меньше мешают заниматься самосовершенствованием.

Чем, собственно, и занята в основном брошюра Солженицына.

Но – вдруг – «государственное устройство – второстепенной самого воздуха человеческих отношений». «При людском благородстве – допустим любой добропорядочный строй, при людском озлоблении и шкурничестве – невыносима и самая разливистая демократия».

Оговорка? А.И. не хотел ли сказать «допустим любой недобропорядочный строй»? Да, да, в самом деле, а если – недобропорядочный? Иначе выходит логика же не аристотелевская, а как в шутовой поговорке: «Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным, но о больным».

У Солженицына еще в том же роде значится: «Чистота общественных отношений – основной, чем уровень изобилия». «Устойчивое общество может быть достигнуто не на равенстве сопротивлений (то есть не на системе разделения властей и конституционных противовесов. – Л.Б.) – но на созна-

тельном самоограничении: на том, что мы всегда обязаны уступать нравственной справедливости». И так далее.

Моральные, благонамеренные соображения. Только... «людям свойственно всегда» одно, а обязаны они – к другому? К тому же, «справедливость» (в отличие от строя и закона) – у каждого может быть своя, по-своему понятая. Или – земское собрание решит? Но как заставить или как добиться, чтобы все самосовершенствовались? Чтобы народился в России новый человек и соблюдался моральный кодекс строителей земства?

Ах, этот вечный камушек преткновения для дидактов и проповедников...

А.И.Солженицын понимает дело так: право – самый минимум нравственности, низший ее разряд или слой. «Нравственное начало должно стоять выше, чем юридическое. Справедливость – это соответствие с нравственным правом прежде, чем с юридическим». Поразительно! Я могу, следовательно, не соблюдать закона, если он не согласуется с моим внутренним ощущением справедливости. Выше права – революционное ли, благолепное ли «самосознание».

Так издавна повелось на Руси, где закон был, что дышло, всегда чужой, враждебный, навязываемый, малопонятный; где раб хитрил и изворачивался, ради прокорма малых детишек. Не обманешь – не продашь. Но хотя бы понятно, что это (обмануть при продаже) несправедливо, не по совести. А открутить для грузила гайку с железной дороги – в знаменитом чеховском рассказе – что ж тут несправедливого? Невдомек мужичку.

И на Руси Советской тоже – одни давили во имя *классовой* справедливости, другие изворачивались, как умели, от постороннего для них «права», ради своей справедливости.

Вот уж «русское» (то есть навязанное историей россиянам), вот уж, если угодно, советское – устройство сознания Солженицына!

Да и у многих ли из нас – иное?

Мы, предположим, честные, мы, допустим, благородные, приучены и знаем: на «прописку» – в ответ фиктивный брак, и справедливо ведь! в ответ на «санитарную норму жилплощади» или невозможность для родителей оставить квартиру детям – фиктивная прописка; в ответ на запрет «совместительства» – «левый» заработок, в ответ на дурацкий «спущенные сверху» планы – приписки в отчетах. И т.д. Не было правовой *свободы* в России – бежали на волю. В казаки. В Сибирь. Уходили в разбойнички. Всегда было и есть уймища начальников на душу населения – что ж, объегорить кого из них – это милое дело. А правами мы не пользовались – права мы «качали». И все это, ей богу, совершенно справедливо, единственное спасение!

Я перечитываю брошюру Солженицына и думаю: почему в сплошных алогизмах – последовательность и цельность взгляда? почему общие места высказаны с запалом? Почему слабый, в общем-то, текст – несет на себе ответ чего-то сильного?

Потому что это ответ достаточно массового сознания. Все мы немножечко Солженицыны, хотя без его талантливости...

Александр Солженицын как зеркало русской эволюции. Точней: царской и советской.

Остается в связи с этим повторить, что все четыре основания идеологии Солженицына надежно сплетены между собой.

Солженицын характерно не различает мораль-справедливость-право-нравственность, ставя их в один смысловой ряд: или делая синонимами, или в том же ряду – противопоставляя.

Однако:

право, регулирующее внешний и вещный мир человеческих отношений, не есть низшая, минимальная «справедливость», это просто иное и обращенное к иному: не к личности, а к индивиду-гражданину; право бессмысленно, если оно не формально; и оно, разумеется, «несправедливо» по сути, прилагая равную мерку к заведомо непохожим людям;

«справедливость» можно понимать как внутреннюю меру морально или нравственно должного, мера эта ощущается общественным мнением или индивидом, чаще всего это справедливость с позиций определенной социальной группы или системы ценностей, она зависит от координат отсчета;

мораль – общепринятые (часто тоже в пределах данной группы, народности и т.п., всегда – исторически конкретные) правила поведения в более или менее стандартных ситуациях; или – в предельных ситуациях, когда необходимость запрета очевидна; это, прежде всего, система запретов;

наконец, *нравственность* – понятие, которое стоило бы приберечь для глубин внутреннего и индивидуального мира личности, стоящей перед неоднозначным, порой мучительным выбором.

Можно и нужно разработать и парламентским путем фиксировать право, защищающее свободы гражданина, ограниченные таковыми же свободами и потребностями другого гражданина; можно вырабатывать сообща и прилагать к отдельным случаям ощущение справедливости; можно наставлять морали, частью которой, очевидно, является справедливость; но невозможно устанавливать извне нравственность, весь смысл и вся ценность которой в том, что она всецело – дело вот этой личности, ее сердцевина, ее свободный выбор, за который она полностью ответственна сама и перед собой. (Для верующего – это разговор наедине с Богом).

Таково мое мнение, отнюдь не оригинальное.

Остается решить, чему естественное место в социальной брошюре об устройстве России и что следовало бы оставить для морального наставления, обращенного не ко всем, а отдельно к каждому. А что, наконец, счесть личной проблемой индивидуальности, с полной неуместностью прописей.

6

Возвращаясь от отвлеченных материй к злобе дня, можно только дивиться, как пронизательно и, главное, своевременно, с притиркой до недели, были обнародованы соображения Солженицына...

Только сказал он, что татарам надо позволить, конечно, возвращаться в Крым, но «требовать владения» Крымом «стотысячный(?) татарский народ не может» (будто они требуют себе всего Крыма) – и тотчас же понадобилось посылать в Ялту и другие места, где избивают татар, – милицию. И фраза А.И. уже не может показаться безобидной.

Только высказался он за избрание Президента на Съезде (то бишь, на Всеземском Собрании) с наделением его «сильной властью», может быть, «не зависящей от совета законодателей» – и тут же Верховный Совет, впрочем, уже утративший законные полномочия¹, послушно наделил Президента «дополнительными» возможностями вмешиваться в экономику. Опять не безобидно и не отвлеченно выглядит посильное соображение А.И.

Только презрительно отозвался о «никчемности» ООН, как эта замечательная организация явила беспримерную эффективность, давая отпор «арабскому Гитлеру», хитросумасшедшему Саддаму Хусейну.

Только заявил, что иностранцам никак нельзя дозволить покупать недвижимость, как Чехословакия (видно, у нее земли побольше) отменила прежние социалистические стеснения на сей счет, заставляя задуматься и нас.

Только обратился к украинцам, убеждая их, что они часть, наряду с русскими и белорусами, одного, в сущности, народа, и надо ими оставаться в Российском Союзе – как полыхнула в октябре Украина требованиями суверенитета.

Только отверг возникновение партий в качестве *не нашей* выдумки, «затмевающей национальный интерес» и «искажающей народную волю», более

¹ Согласно Конституции СССР Верховный Совет СССР должен ежегодно обновляться на 1/5 своего состава (принцип ротации). Нынешний состав был избран 16 месяцев назад, но ротация проведена не была. Это означает, что с июля 1990 г. Верховный Совет СССР неправомочен.

того, «самим своим существованием отрицающей единство нации и само понятие отечества» (даже страшно становится за весь мир, кроме Северной Кореи, Ирака, Ирана и других, где отечество пока вне опасности... да, но разве не пишет А.И., что «общество живо именно своей дифференциацией», «организацией в социальных группах»? правда, строго по профессиональным «словам»). И тут же начались учредительные съезды российских партий, и до боли очевидно, как недостает как раз России «движения» или «фронта», который объединил бы демократов и имел бы силы бросить вызов райкомам и обкомам КПСС и РКП по всей стране.

Незачем и толковать о поджигательских, при любых добрых намерениях Александра Исаевича, заявлениях в отношении Казахстана и Молдавии.

Однако не смешно ли принимать слишком всерьез и практически – соображения, скромно представленные на предварительное обсуждение всего лишь писателем, частным лицом, изгнанником, а не правительством или ЦК КПСС? Совершенно не смешно, если этот писатель – Солженицын, чей голос у нас теперь имеет гораздо больший авторитет и влияние на умы, чем у правительства (кто же сейчас прислушивается к правительству, кто интересуется пленумами ЦК). Если общественный вес этого частного лица потяжелел, чем когда-то Толстого, Достоевского и Некрасова, вместе взятых. И если его соображения публикуются газетами в таком объеме, какой до сих пор бывал даден только докладам и резолюциям этого самого ЦК.

Публикация, по преимуществу восторженно встреченная в СССР и «справа», и «слева», – идеологическое событие, к которому, хочешь-не хочешь, необходимо отнестись и практически, и всерьез.

Пять лет с загадочной значительностью молчал вермонтский затворник, предоставляя своим сторонникам и оппонентам спорить о том, каковы его истинные взгляды на происходящее в России. И вот – высказался, сочтя момент подходящим. И споры вспыхнули с новой силой...

Одни умиляются тем, что не забыл о России Александр Исаевич, все страдает за нее душой, все причисляет себя к русскому «мы» русский писатель. А как, собственно, иначе? По мне, это умиление оскорбительно для Солженицына. Да и для всякого политического эмигранта или изгнанника, для любого думающего и пишущего по-русски – нелепо и оскорбительно.

Другие находят повод для удовлетворения в том, что Солженицын вновь обрушился на КГБ или, скажем, указал на вредоносность колхозно-совхозной системы, или брезгливо отнесся к партии Полозкова. А как, собственно, иначе? Тут даже повторенное самим Солженицыным не придаст больше веры бесспорному; тут более знаменательны и интересны выступления против КГБ нескольких его офицеров и против колхозов – некоторых их председателей...

Третьи довольны, что Солженицын (поклонник-то Столыпина!) призвал к восстановлению частной крестьянской собственности, что вовсе не считает он нужной для России монархию, что зовет в прошлое не без оглядки на настоящее, что признал полезность права и демократии, правда, выставив наименее существенные ограничения и введя в патриархальный, недемократический и надправовой контекст. Вытаскивают «хорошие», либеральные, подходящие фразы; а фразы не либеральные, безапелляционные, резкие – слегка пожившись, называют неудачными и огорчительными отходами Солженицына от верных позиций. Не взять ли, однако, текст в целом... и не рассматривать ли его систематически?

Не поможет и то, что сам Солженицын постарался сгладить иные углы, – изобразить текст близким либеральной интеллигенции, проявить *тактическую осторожность*. Перед нами очень, что бы там ни было, солженицынский, единый по колориту, размашистый, эмоциональный документ.

В полемику с ним нужно пуститься всерьез, без виляний, без оглядки, если мы сами претендуем быть политически ответственными людьми.

Потому что это – Солженицын!

Печально спорить с человеком, чья фигура после кончины Андрея Дмитриевича Сахарова не имеет сопоставимых в советском диссидентстве, в русском общественном мнении.

Неистов был всегда Солженицын в отталкивании от всего ненавистно-советского, велик был в отрицании автор «Архипелага». Жадно и с сочувствием внимали мы речам, чей темперамент и стиль наводили на память переписку князя Курбского и грозного Ивана.

Но ретроградность положительных взглядов Солженицына огорчала многих из нас и тогда. Теперь, когда от слова открылась прямая дорога к делу, – это, в соединении с авторитетом Солженицына, делает его брошюру в общем замысле, идеалах, важных частностях – скорее вредной для дела русской свободы.

Мы сейчас на дне глубокой ямы – как Иосиф Прекрасный.

На что употребить силы Иосифу, очутившись там, перед лицом предельной ситуации? Я думаю, только две цели стоят того.

Или – помышлять о высоком, трудиться ради непреходящего, и людям культуры – предаваться своему прямому назначению. Ибо культура русская была и пребудет. А с нею и Россия. Достоинно, как это делали люди культуры и в 1918, и в последовавших затем годах, заботиться о создании новых ценностей. Но тогда – чтобы некий текст жил и в будущем – он должен быть многозначным, трудноисчерпаемым по смыслу, богатым переливами мыслительных оттенков, чутко постигающим бездонность переживаемого момента.

Уместное занятие для Иосифа.

Или: думать, как выбраться из ямы, окликать караван проходящих мимо купцов...

В нашем нынешнем жалком положении, в агонии режима, нужна культура, потому что она нужна всегда.

И нужна политика, самая что ни на есть практическая, ищущая не лозунгов, общих рассуждений, смелых протестов, их уже было довольно – а технологию новой власти и новой экономики.

Нам нужны честные и компетентные деятели, менеджеры, финансисты, политики, фермеры, предприниматели, инженеры, врачи, нам нужны философы, нам нужны поэты.

Вот два необходимых полюса: культура и социальная прагматика, высокое мышление и будничное дело.

На иное, сидя в яме, нет уже ни времени, ни сил, ни права.

А чем, вообще-то говоря, заполнено пространство между этими двумя, создающими энергетическое силовое поле, полюсами?

Оно заполняется идеологией. И она – непосильная роскошь и затрата последних наших интеллектуальных сил и воли.

Какая идеология? А по мне – любая. Коммунистическая, националистическая, старозаветная, изобретаемая заново – любая идеология, любая, пусть самая искренняя риторика и мечтательность. Не хотелось бы, чтобы одни иллюзии сменялись противоположными, чтобы родная страна кружилась на месте и все повторялось, как в дурном сне. Но думаю – в с е р а в н о ничего из этого не выйдет, не осуществится.

А если что-то осуществится – как же иначе? как мы допустим иначе? как вообще может остановиться история? как может не БЫТЬ? – то грядет (когда? и какими путями?) своеобразная Россия, которая окажется отличающейся от других: не больше, но и никак не меньше, чем США от Японии, Италия от Швеции, Канада от Сингапура.

Только ни на минуту не отчаиваться. Не опускать руки.

ОБ ИМПЕРИАЛИЗМЕ

Открытое письмо А.Солженицыну

Уважаемый Александр Исаевич!

Начну с того, что я всегда ценил вас как писателя, хотя всегда во многом не разделял ваши взгляды. "Архипелаг ГУЛаг" — не только писательский, но и гражданский подвиг. За один этот труд вы останетесь великим человеком нашего века. И я как эстонец рад, что многие страницы этой "энциклопедии советской действительности" были написаны на эстонской земле, может быть, и пропитаны ее духом. Как некоторые эстонцы направляли когда-то ваши мысли, так и вы действовали на сознание многих эстонцев, и мне тоже многое прояснили в "империи зла".

Я назвал бы себя эстонским националистом, разумеется без того отрицательного оттенка этого слова, который нам внушали в течение полувека и который бытует кое-где и на Западе, в том традиционном смысле, когда слово это означает: любить свой народ, уважать все остальные народы и придавать большое значение вопросам нации как таковой. Поэтому-то я всю жизнь интересовался всякими нациями, особенно малыми, особенно в Советской империи, с тем, чтобы понять, кто чем живет, кто как смог сопротивляться советизации и русификации, на каких стадиях падения или уничтожения кто находится, что ожидает мой народ в этом ряду, за что держаться, чтобы выжить. О своих наблюдениях и выводах я неоднократно писал. Нередко доставались от меня упреки и моим соотечественникам, которые выказывали пренебрежение к меньшим братьям или к тем, положение коих хуже нашего.

Логично, что я питал интерес и к русскому народу, который вольно или порой невольно причинял вред и нес гибель своим малым соседям, которых он век за веком поглощал. Правомерно сравнение со змеей, залезшей в муравейник: сперва она проглатывает множество муравьев, а потом те ее съедают.

И вы никак не сможете доказать, что это началось только в 1917 году. Наоборот, как мне представляется, главной целью Октября был не социальный эксперимент, а попытка спасти империю от начавшегося развала, который был бы неизбежен при дальнейшем капиталистическом развитии. Попытка эта удалась на три четверти века. Какой ценой — не мне вам объяснять. Ценой не только полного уничтожения более 50 наций, так что их и названия не осталось на карте народов, но и развала самой русской культуры, доведения русского народа до кризиса — национального, экономического, политического и, главное, морального.

Об этом свидетельствует и ваше письмо "Как нам обустроить Россию", как, впрочем, и многие прежние ваши труды. Но уж слишком малой ценой вы хотите откупиться! Вы только на один шаг идете дальше Горбачева, выпустившего Восточную Европу из лап коммунистического чудовища — не по доброте своей, а потому что был не в силах держать их более в "системе".

Насчет этого товарища у нас давно уже нет иллюзий — как бы ни старались сохранить на их Западе (ведь и вы, вообще-то хорошо информированный, не

Арво Валтон (настоящая фамилия Валликиви) — известный эстонский писатель, зам. председателя СП Эстонии. Родился в 1935 г. Среднюю школу окончил в Суусумане (Магаданская обл.), куда был в 1949 г. выслан вместе с родителями. В Эстонию вернулся в 1954 г. Окончил Таллинский политехнический институт и ВГИК. Известен как новеллист, но писал и романы. Автор более 30 книг, переведенных на 30 языков.

касается его, даже наоборот, допускаете пользу сильной президентской власти, что является одним из типичных западных заблуждений).

Я хотел бы сохранить к вам свое доброе отношение, и это побуждает меня обратиться к вам с этим письмом.

Я понимаю, что вы говорите как русский патриот — и это можно только приветствовать. Кому, как не русскому, и быть русским националистом. Но чувство протеста возникает сразу же, когда в этом национализме явно слышатся нотки шовинизма. Я не говорю уж о пренебрежительном выражении: "...и не перечислить всю дробность", хотя уже за одну эту "дробность" можно бы на вас подать в Суд Народов. Допустим, оговорились. И с великими писателями бывает. Главное в другом, в самом вашем стремлении сохранить-таки эту последнюю в мире империю, принесшую столько страданий малым народам, которые не вписаны в Красную книгу культур человечества, которым не дали сохранять и развивать по своим внутренним законам свою самобытность, которых продолжают бесцеремонно уничтожать и сегодня, в годы шумной "перестройки" — ссылаясь на производственную или на военно-политическую необходимость, отнимая у народов территорию и природную среду, жизненный уклад, язык, веру, традиции, продолжая русифицировать их глобально. И не видно, чтобы планируемые экономические изменения принесли им спасение, скорее наоборот. Вы в своем письме, кажется, считаете это в порядке вещей — или вернее игнорируете все это полностью. Вы упоминаете Чернобыль, но не вытравившие ненцев водородные испытания на Новой Земле или такие же испытания в Семипалатинской области, на древней казахской земле.

Я считаю, что за все, что русские — не только в советские годы, но и за долго до этого — причиняли своим соседям на огромных пространствах Азии и Европы, они должны заплатить. Только так можно искупить вину, морально очиститься и тем самым сохранить за собой право на дальнейшее процветание национальной культуры. Платить, разумеется, не столько материальными средствами (хотя и ими), сколько предоставлением свободы народам решать свою судьбу, безоговорочной передачей им их традиционной территории, возмещением ущерба, причиненного их природным богатствам, помощью в становлении их собственной интеллигенции нового типа (без какого-либо принуждения), возвращением им языка и традиционной веры. Особенно все это относится к сибирским народностям, той "дробности", которую вам и не перечислить.

Слова о культуртрегерстве по отношению к "дикарям" уже сегодня не звучат даже в устах тех, кто гораздо лучше обходился со своими колониями.

Но пренебрежительность ваша этим не ограничивается. Ни вам, ни кому другому не удастся доказать, какое вообще право русские имеют на Сибирь. Вы, кстати, и раньше писали в духе царской захватнической политики о необходимости освоения Сибири.

Я не стану говорить о том, что славяне из всех нынешних народов последними появились в Европе, а восточные славяне обосновались на землях, населенных чудью и другими угро-финскими племенами. Смешно об этом говорить сегодня, как смешно говорить армянам, что они имели великое государство в III в., а тюрки пришли туда только в VII в. Исторические несправедливости редко исправляются, и нет четкого предела во времени, с которого территорию можно считать принадлежащей той или другой народности. Но довольно-таки четко можно установить, что те или другие вновь явившиеся оккупанты или колонисты принесли этой территории, стали ли они истинными добронравными хозяевами этой земли.

Так можно спросить и о Сибири, об этом страшно звучащем для всех советских подкабальных слове. Европейская Россия высылала туда неугодных людей, зачастую настоящих преступников, а не только инакомыслящих. Некоторые (староверы и др.) сами туда уходили от гонений. Только с прошлого века Сибирь стали более планомерно заселять русскими, малороссами и другими колонистами. А

стали ли русские на этой огромной территории добрыми хозяевами, уважающими жившие там ранее народы, или они заселяли ее, в основном, лагерями, вами описанными, и выкачивали золото из Колымы, алмазы из Якутии и т.д.? Если сегодня Сибирь или Дальний Восток захотят отделиться в отдельную республику (вариант Австралии?), то я вижу в этом резон: не только уход от московской чумы, но и понимание, что экономически лучше управляемы государства средней величины, а махина вроде Российской Федерации так и останется трудноуправляемой и клонится к развалу не только потому, что там попирают права других народов, но и потому, что она так неоднородна.

Ваше посягательство на большую часть Казахстана – уже прямая империалистическая жадность. Конечно, границы в советской империи были проведены неправильно, но уж во всяком случае не в ущерб русским. В этом проведении границ больше коварства, чем случайности. Правило "разделяй и властвуй" было хорошо усвоено русской империей за века ее беспрестанного роста.

Правда, что в северных степях Казахстана тюркские племена кочевали негусто, но все же кочевали. Большая часть русских там появилась, только осуществляя хрущевскую затею "освоения целинных земель". По крайней мере, исторического права на эти земли у казахов куда больше, чем у русских.

Ведь вы прекрасно знаете, как колонизировались окраины, как нарочно перемешивали народы, как огромная масса мигрантов двигалась с одного конца империи в другую. Пройдите по традиционным русским землям, по новгородчине, псковщине – вы там на сотни километров не увидите возделанного поля. Русское село вымерло. Все это надо восстановить, если русские хотят сохраниться как подлинная нация, а не как шатающаяся по земле масса людей, готовых хлынуть в любую точку земного шара, как только для этого откроется возможность.

Вы на словах желаете очищения русского сознания от империалистического бреда, но ваши проекты новой Российской империи отдают тем же однозначным империализмом.

Я решительно не понимаю, почему вы отказываете в звании самостоятельной нации, в культуре, языке украинцам и белорусам, хотите их присовокупить к русской нации, одним словом, предвещаете им окончательное обрусение. Почему бы тогда эту идею не распространить на остальных славян, на словаков и гуцулов, на поляков и сорбов, на чехов и словен, на болгар и сербов и на всех других? Старый шовинистический тезис, что украинцы или белорусы только отбились от великого русского народа, не выдерживает никакой критики. Так же как и новый тезис: мол они так перемешались, что киевлянин уже и сам не знает, сколько в нем разных кровей.

Нет уж – я бы предложил вам и всем русским интеллигентам сделать все, чтобы белорусы, потерявшие свой язык, отказавшиеся от него и даже стыдящиеся его, вновь приобрели свою прекрасную мягкую речь. И уж не называть язык этой крупной нации наречием, испорченным поляками.

Вы великодушно отдаете Эстонии – и другим так называемым союзным республикам – свободу выйти из тюрьмы народов. Мне как будто надо быть благодарным за это. Но увы, этого мало. Кто обидел моего младшего брата, тот обидел и меня. Вы оправдываете деление на союзные, автономные республики, автономные области и национальные округа. Я же считаю такое деление глубоко порочным, как деление на народы первостепенные и второстепенные. Все культуры совершенны для своего народа – это аксиома, известная всем демократически мыслящим людям. А у скольких народов в Советской империи и вовсе нет своей административной единицы, и нет им возможности издавать свои законы и жить по ним!

Я не хочу своих друзей татар и чувашей, своих сородичей марийцев, мордву, коми, удмуртов, вепсов, манси, хантов и всех других оставлять по-прежнему прозябать в Российской империи. Ничего хорошего они там не имели и в будущем не будут иметь.

Русским надо платить за свою историю предоставлением полной независимости всем этим народам, надо вернуть им их законные территории и помогать им со всей искренностью — многим впервые в истории — создать самостоятельные государства. Не менее и не более. И тувинцам, которых захватили последними, и натрое разделенным бурятам, и многострадальным народам Северного Кавказа, всем, всем... Кто не в состоянии устроить себе сразу самостоятельную судьбу, тем нужно помогать и морально, и политически, и материально. Это долг народа, которому другие были подвластны. Только заплатив весь этот долг, можно говорить об очищении.

Видит Бог, что я жажду не мести, а лишь справедливости. Я хорошо знаю русскую культуру и от всей души желаю ее выздоровления.

Вы справедливо говорите, что прежде всего необходимо каяться. Не только лично каждому, несправедливости совершившему, но и народам (и это не возражение, что навряд ли найдется народ, на котором нет пятна). Если наше национальное меньшинство сету¹ пожелало бы самостоятельности, я бы их на это благословил. Но когда насаженные империей колонисты (русскоязычные, но фактически люди без нации) хотят оторвать от Эстонии территорию, я сопротивляюсь этому, как любой несправедливости. В этом разница — царящая в мире путаница в понимании национального вопроса вынуждает терпеливо объяснять само собой разумеющиеся вещи.

В заключение хочется пожелать русским моральной силы и мудрости, чтобы после должного покаяния, после отдачи им не принадлежащего, после истинного очищения сознания от империалистических побуждений возродить свою традиционную культуру и заслужить у всех остальных народов мира уважение за свою справедливость и любовь — за доброту. ●

Арво Валтон (Таллинн)

Олекса ПИДЛУЦКИЙ (Киев)

НЕ СОГЛАСЕН, АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ!

Взяться за перо меня вынудила статья Александра Исаевича Солженицына "Как нам обустроить Россию". Вопрос об "обустройстве России" интересует меня, украинца, прежде всего с той точки зрения, насколько безболезненным и легким будет предоставление полной свободы и независимости моей Родине — Украине.

Статья вызвала у меня чувство удивления и горечи. Раньше, скажем, в "Архипелаге ГУЛАГ", писатель с сочувствием и пониманием рассказывал о национально-освободительной борьбе украинского народа против сталинских опричников. А сейчас, признавая право на свободу и национальную независимость за молдаванами и таджиками, эстонцами и грузинами, отказывает в этом украинцам и белорусам. Его краткое "Слово к украинцам и белорусам" проникнуто отрицанием права этих наций на самостоятельное историческое развитие, изобилует искажениями, есть и прямое оскорбление украинского народа.

Статья опубликована по-украински в газете "Молодь України" 22 сентября 1990 г. Автор — доцент Киевского политехнического института.

¹ Сету — национальное меньшинство в Эстонии, в юго-восточной Эстонии и в Псковской области. Этнически это эстонцы, но в их языке и культуре велико русское влияние. Сету, в отличие от остальных эстонцев — православные. В то же время сету, более чем другие эстонцы, сохраняют древние эстонские национальные обычаи и обряды. В 1941 г. их было около 15 тыс. С тех пор сету как национальная группа не фиксируется в переписях. — *Ред.*

Прежде всего, мне непонятно, почему А.Солженицын, никогда не живя на Украине, не зная украинского языка (а об этом свидетельствует хотя бы то, что в одном приведенном им украинском предложении из шести слов допущено две ошибки), берет на себя смелость обращаться к украинцам "не извне, а как свой"? Потому, что украинцам на протяжении столетий пришлось жить под владычеством России? Или потому, что в его жилах течет частица украинской крови? Но ведь он — русский, русский по воспитанию, по характеру, по мировосприятию и имеет право обращаться к украинцам "как свой" не более, чем к полякам или армянам (их тоже немало в Ростове-на-Дону, и писатель, возможно, слышал в детстве и армянский язык).

Автор статьи безапелляционно объявляет фальшивыми различия между украинцами и русскими, существовавшие еще в раннем Средневековье, игнорируя разительное несходство в материальной культуре, мелодике, танцах и т.д., документально зафиксированные уже в XV—XVII столетиях, которые просто не могли возникнуть за какие-то 200—300 лет.

Да, одни и те же князья правили нами в XI веке. Но в те же времена Фридриху Барбароссе принадлежали одновременно и Мюнхен, и Милан. По такой логике можно считать доказанным, что немцы и итальянцы составляли тогда единую народность. Если ознакомиться с серьезными научными трудами, свободными от шор великодержавного шовинизма, можно убедиться, что немало непредубежденных ученых, изучающих раннее Средневековье на Востоке Европы, придерживаются теории, что в Киевской Руси существовали под единым названием "русичи", "русь" две народности: южная и северная, протоукраинская и протобелорусско-русская. И тогда утверждение, что св. Владимир был украинцем не казалось бы "лубочным невежеством".

Писатель утверждает, что "возврат этих земель (Украины и Белоруссии) был всеми тогда осознаваем как Воссоединение". Но ведь это не отвечает действительности! Прочитайте хотя бы, что пишет русский историк С.Соловьев в "Истории России с древнейших времен" о позиции киевского митрополита С.Косова 1654 г. или о Конотопской битве 1659 г., когда украинцы во главе с гетманом И.Выговским разгромили огромное царское войско.

Хочется верить, что автор неумышленно искажил название украинского национального совета в Галиции — "Головна Русска" вместо "Головна Руська". Ведь "русска" — это действительно "российская", а "руська" — "украинская".

А как можно утверждать, что подвижники Украины Котляревский и Шашкевич, Шевченко и Франко, Антонович и Грушевский создали современный украинский литературный язык в одной "отторгнутой" Галиции, а не для целой Украины. Ведь с такими же основаниями "искаженным и ненародным", нашпигованным иностранными словами можно назвать и русский литературный язык, созданный Ломоносовым и Пушкиным!

Да, Александр Исаевич, коммунизм — это не миф, и не русские захватили Тибет в 1951 г. Но ведь не миф и колониальная разбой в Восточной Европе и Северной Азии, начавшийся отнюдь не в 1917 г. На протяжении столетий высасывались из Украины не только материальные ресурсы, но и ее таланты, многие из которых служили не родному народу, а империи. Левицкий и Боровиковский, Гоголь и Короленко, Капица и Королев — несколько наугад взятых имен. А сколько их?

Сталинско-брежневская политика на Украине стала естественным продолжением и развитием царской ассимиляционной политики — осмеивания и постепенного уничтожения (теперь уже не такого откровенного, но более утонченного) украинского языка и культуры на их родной земле.

И, простите, фарисейством отдает призыв "распахнуть путь украинской и белорусской культуре не только на территории Украины и Белоруссии, но и в Великой России". Не на том ли "искаженном украинском языке", который вырос в Галиции "при австрийской потравке"?

Мне очень больно, что А.Солженицын, которого многие на Украине считают настоящим русским патриотом, лишенным националистических предрассудков, оказался

в этом вопросе в плену шовинистической традиции, теории о "триединой русской нации", которую ни один осведомленный и непредубежденный человек не принимает всерьез уже с начала XX столетия. Как случилось, что естественное и неотъемлемое право любой нации на государственную независимость в отношении Украины он трактует как "соблазн полного всеукраинского сепаратизма"?

Сейчас украинцам, одному из самых больших европейских народов, народу с богатой землей и древней культурой, судьба предоставила, может быть, последний шанс равным войти во всемирную семью народов. И мы должны этот шанс использовать. Вы же, Александр Исаевич, пытаетесь надеть Украине на шею новое ярмо в виде так называемого "Российского Союза".

Мы не русские, и в Российском Союзе Украине нечего делать. ●

проф. Г.УМАНОВ (Алма-Ата)

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АЛЕКСАНДРУ ИСАЕВИЧУ СОЛЖЕНИЦЫНУ

Уважаемый Александр Исаевич!

Прочитал вашу статью "Как нам обустроить Россию?". Не могу не разделить ваше острейшее чувство обеспокоенности за судьбу, будущность русского народа. Считаю и считаю вас величайшим правдолюбом, человеком большого гуманизма. Нет и не может быть сомнения в вашей очевидной искренности, и тем не менее далеко не все постулаты, содержащиеся в вашей статье, могу разделить безоговорочно. Именно по этой причине и решил обратиться к вам с письмом, вовсе не будучи уверен, что оно тотчас найдет глубокочтимого мною адресата. Вот почему совсем не без колебаний решил передать письмо редакции нашей республиканской газеты, надеясь, что, может быть, оно окажется в поле вашего зрения.

Теперь по существу. Я совершенно не согласен с вашей оценкой одной из причин бедственного положения русского народа. Вам представляется, что эта бедственность есть закономерный результат излишней заботливости об окраинных народах и забывчивости россиян о собственных нуждах. Поверьте, это ваше глубочайшее заблуждение. Я много поездил по стране, хорошо знаю жизнь, быт и сегодняшних россиян, и жителей других республик. Не вижу особой разницы. Разве лишь в том, что предельно близкая мне, не казаху, казахская земля стала ужасающим объектом безудержного грабежа ее богатейших недр, полигоном ядерных испытаний на выживаемость казахов и других народов, населяющих эту землю, земель, в которую ежегодно уходит самое большое (в процентном отношении) число детей, погибающих, в буквальном смысле этого слова, от всяческих инфекций, отсутствия необходимой медицинской помощи, нормальной еды.

Да, путешествуя недавно по Нечерноземью, я увидел умирающие русские деревни с 20—30 оставшимися чудом в живых стариками. Но разве лучше моим землякам-аральцам, которые ведь тоже, удивляюсь, как еще существуют. Если бы вы, Александр Исаевич, увидели своими глазами, что происходит с семипалатинцами, живущими уже десятилетия (вы слышите, Александр Исаевич, — десятилетия!) в условиях казахстанской Хиросимы, у вас, как и у всякого честного и непредубежденного человека, сжалось бы от боли сердце, а я знаю, оно у вас доброе. Так что же нам считаться, кому живется хуже? Думаю, что всем не очень ладно. Где выход? Вы видите его в нашем всеобщем разделении. Цитирую: "Держать великую Империю — значит вымертвлять свой собственный народ. Зачем этот разнопестрый сплав?". Зачем вам понадобилось, дорогой Александр Исаевич, столь пренебрежительно называть наше далеко не мнимое содружество?

Мне могут возразить: Сумгаит, Баку, Фергана, Ош — это тоже ваше содружество? Страшный аргумент. И тем не менее категорически не верю, что все это, все эти трагедии объективно, неминуемо характерны для нашего содружества. Они плод действия или преступного бездействия той самой системы, которую мы сейчас называем командно-бюрократической.

Не верю, что нельзя было все это предотвратить, не загонять эти беды в тупик. Разве не было альтернатив в решении карабахских проблем? Были, но позиция бездумного выжидания наших центральных ведомств, думаю, что и Президента, которому нужно взять долю вины и на свой счет, когда явное запаздывание им с принятием необходимых решений тоже было вполне очевидно, не способствовали развязыванию спорных узлов.

Разве не очевидна конкретная вина узбекских, киргизских больших и малых руководителей, доведших свои народы до смертоубийственных стычек? Что, все это неизбежно? Что, в генах наших народов тяга к бандитизму? Чудовищно даже думать так. Я понимаю, что мои рассуждения носят в известной степени умозрительный характер. Но хотел бы я видеть хоть одного моего согражданина, кто думал бы о межнациональных кровавых стычках как о хронически неизбежном зле. Более того, думаю, что есть силы, которым выгодны эти распри, на их гребне они и держатся на плаву.

Но возвращаясь к вашей статье, Александр Исаевич. Выбраться из того, чуть было не сказал омота, нет, пока еще не омота, а около него, куда мы все попали, можно только сообща, только вместе. Так уже распорядилась история, что наши народы, наши республики уж больно тесно спаяны воедино, и это не "разнопестрый сплав", как изволили вы выразиться, а сплав, спаянный общностью истории, экономики, культуры, если хотите, и кровью межнациональных семей, кровью, пролитой за общую свободу и жизнь, кровью, пролитой и нашими "отечественными" сталинскими мракобесами, которые тоже не миловали во имя своих бредовых классовых целей ни малые, ни большие народы. И не только, как вы пишете, "Россия эти десятилетия отдавала свои жизненные соки республикам", но и республики не жалели ни сил, ни крови своей для России и нашего общего блага. Мой старый и, увы, уже покойный друг — Герой Советского Союза Малик Габдуллин не раз вспоминал, сколько подмосковной земли было полито казахской кровью. Не вина народов, не вина простых людей, что для наших прошлых власть предержащих эта людская кровь оказалась водицы дешевле.

Кстати, он же мне рассказывал, что в недолгое время затишья боев их часть была отделена от немецкой лишь несколькими километрами, а между ними, на так называемой "нейтралке", был колодец. За водой ходили и наши, и немцы, нередко были и встречи у воды. Не было случая ни убийств, ни пленения пришедшего за водой, ни нашего, ни их солдата. Но звучала команда "к бою" — и все, мигом рухнуло это столь хрупкое примирение у воды. Вы сами, Александр Исаевич, прошли войну. И вам разве неизвестно нечто подобное?

Скажу, что особенно меня волнует в вашей статье, — это рассуждения о судьбах моей родной республики, Казахстана. Не хочу цитировать, желающие прочтут, как вы безоглядно отказываете казахскому народу, да и другим народам, населяющим Казахстан, в праве на свою территорию, свою землю. Ну что это за довод, когда вы безапелляционно уверяете читателя в том, что, где стада степняков раз в год проходили, то и называлось Казахстаном. Александр Исаевич, но ведь кочевье — это тоже образ жизни, образ жизнедеятельности. Да, если для землепашца его земля та, где он хлеб растит, то для скотовода-кочевника его земля там, где он кочует из года в год, из века в век. Стоит ли ему отказывать в этом безусловном праве? Не знаю, какими историческими документами вы руководствовались, идя к такому опасному выводу. В данном случае я больше склонен доверять выводам моего однокашника, историка М.Козыбаева, который на основе громадного числа документальных данных доказал историческую правоту существования Казахстана в

ныне имеющих границах. Кстати, с чего вы взяли, что "пустынные центральные просторы" моей республики преобразены исключительно русскими, эсками да ссыльными народами? Я хорошо знаю те в прошлом целинные края, там дружно сожительствоуют и поныне казахи, русские, украинцы, немцы. Поверьте, их вовсе не волнуют территориальные проблемы. И по поводу великого вклада эсков в преобразование этих земель у вас явное преувеличение.

Но отбросим исторические доказательства, закроем глаза на факты и на минуту согласимся с вами, Александр Исаевич, назовем восточные, южноуральские области нашей республики владением России. Убежден, ничего доброго это, кроме нового Карабаха, нам не сулит. Из своего далекого Вермонта вы, как мне кажется, не очень ясно представляете себе всю остроту той ситуации, в которой сегодня мы живем. Любой передел территорий, любая смена границ не обходится без крови. А во имя чего? Какие несметные блага ждут восточноказахстанца в случае, если кусок земли, где он обитает, будет переименован в российский? Кстати, я не понимаю и наших, благо их не столь уж много, которые тоже ратуют за переход в соседнюю Россию. Моя жизнь прошла бок о бок с казахами, я смею утверждать, что это доброжелательный, незлобивый народ. Веками кочуя, он общался, контактировал с людьми многих других национальностей, он всегда был лишен национальной спесивости, ограниченности.

Те немногие, отчаянно вопящие сегодня националисты погоды не делают и народа не представляют. С казахами, как, кстати, с любым другим народом, можно жить, работать. Нужно только уважать его самобытность, язык, культуру. Но разве это столь уж сложно для современного, не отягощенного шовинистическими предрассудками человека?

Написал последнюю фразу и подумал: а разве есть народы, с которыми нельзя было бы мирно сожительствовать? Абсурд, конечно. Правители подобные есть, народов — нет. Но моя жизненная судьба так уж сложилась, что всегда в ее добрые и злые периоды я неизменно ощущал крепкое плечо друга-казаха, его помощь, заботу и всегда старался платить тем же. Тем более меня удивляет предельно искусственное деление моих республиканских сограждан на коренных, некоренных, участвовавшие поиски злонамеренности одних по отношению к другим только потому, что они иной национальности. Вообще, меня предельно удивляет резко обострившееся в последние годы внимание к национальным, территориальным проблемам. Не хочется так думать, но все-таки, не разжигают ли страсти некоторые из сильных мира сего, дабы отвлечь нас от других, не менее, а по-моему, намного более важных жизненных проблем?

Нет, не может быть счастлив народ, стеной каменной отгородившийся от своих соседей, с которыми десятилетия делил он кров и стол. Не спастись ни русскому, ни казаху в одиночку. Не в разделении судьба наша, а в соединении. И нынешняя жизнь, скажем, европейцев, тому весьма веский, доказательный аргумент. Вы возглавили свою статью "Как нам обустроить Россию?". Уверен, только не в гордом одиночестве.

Не хочу затрагивать иные аспекты статьи вашей — многое в ней справедливо, немало спорного. Я высказал лишь то, что обеспокоило меня в наибольшей степени. Жаль, что из своего далека вы взялись давать нам столь сомнительные советы. Было бы хорошо, если бы в этот трудный для России час вы, истинный, как мне кажется, русский патриот, разделили бы бремя жизни вашего народа, вернулись к нему. Уверен, многие ваши взгляды претерпели бы серьезные изменения. Во всяком случае, мне хочется думать, что это было бы так. ●

”КАЖДЫЙ НАРОД ВНОСИТ СВОЮ ЛЕПТУ В КУЛЬТУРУ”

Беседа с Евдокией Гаер

Евдокия Александровна Гаер – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнографии Дальневосточного филиала АН СССР, народный депутат СССР. Своей общественной деятельностью снискала широкую известность в нашей стране. С Е.Гаер беседовал наш специальный корреспондент Кронид Любарский.

Я хочу с вами поговорить о том, чем вы живете, и как общественный деятель, и как ученый: о малых, или малочисленных, как вы говорите, народах. Какова тенденция развития в этой области? Ухудшается или улучшается сейчас положение малых народов или оно как-то стабилизировалось?

Во время своей предвыборной кампании я очень много говорила о том, каково положение наших малочисленных народов. Я старалась раскрыть, что привело к этому, но в тоже время очень хотелось, конечно, найти механизмы, которые могли бы разрешить этот узел проблем. Я считаю, что прошло то время, когда можно было только говорить о том, что все у нас плохо. Надо искать пути, как выйти из этого положения. Вопрос этот возник не сегодня и не вчера, он складывался все последние десятилетия, когда под лозунгом ”большой дружбы народов” происходили необратимые явления: потеря языка для многих народов, потеря традиционной культуры. В этом виновата система, сложившаяся у нас в стране. Действительно, правительство выделяло не один миллиард рублей для того, чтобы сохранить и развивать малочисленные народы. Но при той системе, какая у нас была и пока есть, эти деньги не доходили до адресата, они где-то оседали: в союзных республиках, в крайисполкомах, облысполкомах и т.д. И поэтому лозунг, что у нас все делается для того, чтобы малочисленные народы развивались, не соответствует действительности.

Какие основные болевые точки вы бы выделили? Что больше всего угрожает малым народам: потеря языка, потеря территории, потеря хозяйственного комплекса?

Да, это все болевые точки, и самая большая – это, наверное, отношение к земле. Землю малые, малочисленные народы потеряли, хозяевами земли оказались ведомства, министерства. А для наших дальневосточных малочисленных народов – это пастбища диких оленей, других крупных зверей, сохатых, изюбров и т.д. Люди питались в основном мясом диких зверей, рыбой и плодами собирательства. Земля была для наших народов наиважнейшим делом. Нашествие на землю ведомств для них гибельно.

Я хотела еще сказать несколько слов о потере языка. Для любого человека знание языка – один из важнейших признаков принадлежности к определенной этнической группе, к народу. Не зная родного языка, я не могла бы сказать, что я нанайка. Знание языка дает возможность изучить культуру, историю своего народа. Это особенно важно для малочисленных народов, у которых не было письменности. Вся история народа сохранялась в преданиях, мифах, сказках, которые передавались из поколения в поколение. Чтобы знать эти предания, знать обряды, нужен язык. Все нюансы культуры передаются языком.

Могли бы вы привести примеры народов, которые находятся в особо тяжелом положении? Можно ли назвать народы, которые практически перестали существовать?

У нас была перепись 1979 г., потом перепись 1989 г. Хотя материалы переписи 1989 г. еще пока широко не обнародованы, но мы знаем, что с каждой переписью

мы теряем какое-то количество народов. В 1979 г. на Алтае был записан народ, который назвался телеуты. Мне очень нравится название этого народа – телеуты, слышится переключка с индейскими племенами Канады, Америки: глинкиты, телеуты... А по последней переписи 1989 г. этот народ уже не числится. Я считаю, что такое отношение, когда можно сверху решать, какой народ записать, а какой можно игнорировать, – это преступление. В 1979 г. в переписи почему-то не оказалось также ороков сахалинских, негидальцев. Ороки сахалинские – их всего 190 человек. И ороки, и орочи относятся к тунгусо-манчжурской группе, но тем не менее это разные народы, каждый со своим языком, со своей культурой, со своей историей. Для таких малочисленных народов сегодня вопрос стоит уже о том, чтобы они вообще сохранились. О знании языка подрастающим поколением уж говорить нечего. А для того, чтобы культура, традиции, традиционное искусство сохранились, опять же нужно знание языка. Возьмите, например, плетение посуды из тальниковых прутьев (тальник – это разновидность ивы). Чтобы сделать так, как делали наши бабушки и прабабушки, надо знать технологию заготовки прутьев, их обработки, сдирания коры и т.д. Кто же расскажет о секретах мастерства, если не бабушка!

Вы упомянули о роли ведомств в разрушении культуры малых народов. Какие именно это ведомства?

У нас на Дальнем Востоке малочисленные народы живут в тайге, на берегу рек и речек. Для нас очень важно, чтобы сохранились тайга, кедровый лес. Плодами кедровых деревьев питаются мелкие грызуны – белки и др. Эти зверюшки нужны для того, чтобы ими питался соболь. Больше кедровых орехов – и пушных зверей будет больше. Где пушные звери, там и жизнь. А министерство лесного хозяйства ринулось туда, рубят лес, как им хочется. И самое обидное: все то, что там уничтожается этим министерством, на 100% уходит госзаказом. Ничего не остается. Люди, живущие в дремучем лесу, не имеют возможности даже построить дом, подготовить материалы для ремонта школы, построенной еще в 30-е гг., которая сейчас разрушается, других общественных зданий, которые уже лет десять ждут капитального ремонта. Продукты министерства лесного хозяйства уходят в Европейскую часть страны и за рубеж. Это богатство уходит за рубеж сырьем, значит очень дешево. Мы не имеем представления, как дешево мы продаем свое природное богатство.

А потом возьмите министерство рыбного хозяйства. То же самое происходит у нас и с рыбой. За год своего депутатства я встречалась и с министром рыбного хозяйства, и министром лесного хозяйства. Они понимают, что работать так безхозяйственно, как раньше, они уже не могут, но в то же время не хотят лишаться своих прав. Я расскажу один случай. Вы спрашивали, какие народы находятся на грани вымирания. Один из них – удегейцы, народ, которого и двух тысяч не наберется на сегодня. Они разделены на два края: Хабаровский и Приморский, на 4 района. Их охотничьи угодья захвачены министерством лесного хозяйства. Самаргинские удегейцы отчаялись и прислали мне на съезд телеграмму: если только люди министерства нарушат территорию, где живут удегейцы, их охотничьи угодья, они с ружьями встанут на их защиту. Я связываю проблемы малочисленных народов с экологическими проблемами, которые остро стоят у нас в стране. Для наших народов природа – это дом, который их поил, кормил, одевал, поэтому разрушение природы разрушительно и для народов.

С ними никто не считается, но мы сегодня стараемся заставить, чтобы с ними считались. Наша страна родилась под девизом, что все народы равны, а оказывается, что далеко не все равны. Получается, что народы союзных республик выше сортом, если так можно выразиться, а в автономных республиках – люди низшего сорта, не говоря уже об автономных округах и областях. А о малых народах кое-кто говорит: "Что вы путаетесь под ногами?"

Говорят иногда, что все беды — от русских. Это неправильно. Вот возьмем ведомства — там сидят и русские, и украинцы, кто угодно, есть даже представители малочисленных народов. Мы прекрасно знаем, что в крайисполкомах, обл-исполкомах, райисполкомах, отделах, которые ведали проблемами малочисленных народов, были представители и самих этих народов. Но они по-настоящему не представляли свой народ. Они исполняли указания пресловутой командно-административной системы, и никогда не были подотчетны своему народу.

На территории, где проживают малочисленные народы, в свое время располагались гигантские лагерные комплексы. Какое влияние оказали они на жизнь малых народов на Дальнем Востоке?

Я вспоминаю детство. Заключенные постоянно посещали наши национальные села. Они имели возможность свободно передвигаться, например, возить сено из лугов в какие-то другие районы. Когда их заставляла ночь, они оставались ночевать в селах. Я помню, они часто останавливались в нашем доме. Для нас они всегда рассказывали сказки. Например, впервые о книге Майн Рида "Всадник без головы" я узнала от этих заключенных. Они обещали, что в следующий раз продолжат, ведь вечер-то не бесконечный. Мы все время ждали, когда они опять придут, продолжат рассказ. Для нас это была такая сказка!

Близ нашего села Подорим на острове находился лагерь. Дальлаг нанайцы называли "Далаг". Смутно помню, что говорили: "Там сидят чолдоны, то есть заключенные". Политические и не политические — все были вместе. Наше село с разных сторон было окружено лагерями. И сегодня во время этнографических экспедиций я встречалась с людьми, которые рассказывали о том, что был, например, лагерь на мысе Лазарева в пос. Лазарева. Заключенные рыли туннель через Татарский пролив на Сахалин¹. Там очень много людей работало. Рассказывали, какие при этом были страшные случаи: некоторых заключенных даже затопило в туннеле.

Недавно была принята декларация о суверенитете России. Думаете ли вы, что это окажет влияние на жизнь малых народов?

Это очень важно, чтобы Россия была самостоятельной. С самого рождения нашего государства российская федерация была каким-то придатком центра. Российская федерация — самая большая, самая богатая республика по природным ресурсам, но самая, наверное, и обиженная, растерзанная, растасканная по министерствам. Самостоятельность для республики, я думаю, очень нужна. Я ожидаю многого в деле разрешения проблем малочисленных народов с получением суверенитета Российской федерации. Но как дальше дело пойдет, пока неясно. Последние выборы проходили под нажимом той же командно-административной системы. И партия наша приложила руку к тому, чтобы туда попали люди старого склада, которые участвовали в разрушении нашего Союза, повинны во многих бедах нашей страны, в том числе — бедах малочисленных народов. Эти люди опять проходят в Верховный совет, опять пытаются диктовать. То, что победил Ельцин, это хорошо, но наш народ не конкретно с личностью Бориса Николаевича связывает свои надежды, а с идеей, которую несут Ельцин и его друзья по политической работе.

Скажите, какие наиболее срочные законодательные меры необходимо принять в Верховном совете России, чтобы улучшить положение малых народов?

¹ Постановление о строительстве железной дороги Комсомольск-на-Амуре—Победино на Сахалине с туннельным переходом под Татарским проливом было принято СМ СССР 5 мая 1950 г. Строительство велось силами заключенных системы ГУЛЖДС (Главного управления лагерей железнодорожного строительства) и сопровождалось многочисленными человеческими жертвами. Со смертью И.Сталина строительство было прекращено. — *Ред.*

Во-первых, — закон о земле, затем законы о собственности, о налогообложении. Это все законы, которые затрагивают интересы малочисленных народов. Я думаю, что на очереди много и других законов. Мне удалось в Верховном Совете при Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям создать подкомиссию по развитию малочисленных народов. У нас шел спор о том, как ее назвать. Если назвать подкомиссией по развитию малочисленных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока, то как же быть с другими народами, в других регионах? Решили, что подкомиссией будет заниматься проблемами малочисленных народов, которые не имеют государственных образований. Имеются в виду коренные, аборигенные народы: те же телеуты, шорцы, вепсы, удегейцы, нанайцы, ульчи и др. В нашей подкомиссии работает большая рабочая группа из юристов, экономистов, социологов.

Я думаю, что нужно принять отдельный закон о малочисленных народах. Я много приложила усилий для того, чтобы люди как-то привыкли к тому, что есть законы, по которым аборигенные народы живут в других государствах: в Канаде, Австралии, Соединенных Штатах. В них разрешаются проблемы земли, собственности, традиционной культуры этих народов. Такой закон должен быть принят и у нас в стране.

20–30-е гг. у нас в стране были созданы комитеты народов Севера¹. Карл Янович Лукс² разработал для них прекрасную программу. Ее пункты легли в основу Женевской конвенции МОТ о малых народах³. А когда я была в Канаде, во Франции, я с болью отмечала, что за своим опытом нам теперь приходится выезжать за рубеж, где эта программа уже осуществлена. А у нас программа комитетов народов севера перестала работать, о ней вообще забыли. Сегодня, я думаю, надо к ним возвращаться. При создании Закона о малочисленных народах надо учесть все то, что наработано у нас в стране и за рубежом. Все последние годы мы говорили, что мы самые-самые, а оказалось, что нет. Мы, может быть, действительно самые-самые, но с хвоста.

У нас сложилась, к сожалению, такая ситуация, что можно принять какие угодно законы, даже самые замечательные, но нет механизма проведения этих законов в жизнь. Это мертвые законы.

Я хотела сказать то же самое. Иногда я задумываюсь, как же так: не работают те законы, что мы принимаем. С таким трудом мы все это делаем, а законы не работают. Мы говорим, что малочисленные народы не имеют своей государственности, но ведь есть же сельсоветы. Но если этот сельсовет не имеет статуса

¹ Комитет содействия народностям Северных окраин при Президиуме ВЦИК РСФСР (сокращенно: Комитет Севера) был создан 20 июня 1924 г. Его возглавил зам. председателя ЦИК СССР П.Г.Смидович. На первом пленарном заседании Комитета Севера было принято решение об организации местных Комитетов Севера. Такие комитеты были созданы при Архангельском, Иркутском и Томском губисполкомах, исполкоме области Коми, Уральском облисполкоме, Дальневосточном и Сибирском крайисполкомах, Красноярском и Тобольском окрисполкомах, ЦИК ЯАССР. На первых порах комитеты провели серьезную работу по развитию малочисленных народов Севера, однако с течением времени интересы этих народов все более и более отодвигались в сторону, в угоду хищническому разорению природных ресурсов региона. — *Ред.*

² Карл Лукс (1888–1932) — член Латышской СДРП, активный участник гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, министр по национальным делам ДВР. С 1926 г. — член Комитета Севера, в 1929–1930 гг. — ректор Ленинградского института народов Севера. Участник ряда экспедиций в северные районы Дальнего Востока (во время последней экспедиции погиб). — *Ред.*

³ Конвенция о коренных и ведущих племенной образ жизни народах независимых стран была принята в июне 1989 г. на ежегодной конференции Международной организации труда в Женеве. Цель конвенции — улучшение положения этих народов. Конвенция, в частности, признает право собственности и владения землями, которые эти народы традиционно занимают. — *Ред.*

национального сельсовета, если он не имеет материальной базы, как же ему решать свои проблемы? Я говорила, что надо бы отдать удегейцам кедровый лес, но посмотрите, какое издевательство происходит в местных советах, в крайисполкомах. Они говорят: "Хорошо, мы отдадим вам землю, но браконьеров будете ловить сами, пожары будете тушить сами" (а пожары у нас бывают очень большие)". Где же народу, который насчитывает всего 1600 человек, где ему найти силы, чтобы защищаться от браконьеров, защищаться от пожара, когда этот народ не компактно живет, а разбросан по двум краям? Я считаю, что местные советы, крайисполкомы, которые так отвечают, просто издеваются над нами. Я об этом говорила на Верховном Совете, говорила в крайисполкоме, когда создавалась Ассоциация малочисленных народов в Хабаровском крае. Говорила, что хватит дурака валять: грабить можно было всем, а когда нужно восстанавливать все это — оказывается, забирайте и делайте что хотите. Вертолетов у нас нет, пожарников нет. Естественно, у нас нет и вооруженной охраны, которая бы браконьеров ловила, нет инспекторов по рыбному хозяйству. Такое отношение, видимо, будет существовать очень долго. Надо ломать старые устои. Должна быть разработана государственная программа на уровне Верховного Совета СССР.

У вас есть надежда, что это будет сделано, или вы чувствуете, что бьетесь о глухую стенку?

Иногда бывает такое чувство, что бьешься о глухую стенку. Но если бы я была пессимистом, я бы просто жить не могла.

Очень радуется, что у меня много друзей. Вот была предвыборная кампания. Я была выдвинута кандидатом двумя нанайскими колхозами и организацией Дальгеология, которая охватывает весь Дальний Восток. Дальгеология меня выдвинула, хотя я там никого не знала. Я была в экспедиции, меня разыскивали по Хабаровскому краю, и в последний день регистрации кандидатов нашли. Я планировала только провести предвыборную, кампанию, использовать высокую трибуну, чтобы людям раскрыть глаза. В срочном порядке, за полдня мне нужно было назвать своих доверенных лиц — 10 человек. В первую очередь я стала обзванивать друзей в Хабаровске. Набрала я 10 человек. Самое тяжелое они взяли на себя. У нас не было средств, чтобы выпускать листовки, напечатать мою биографию, программу. У моего соперника была целая типография, редакция газеты "Суворовский натиск". Он — командующий армией на Дальнем Востоке. И все же мы победили. А когда после победы собрались вместе, то у нас за столом оказались русские, украинцы, евреи, эвенки, нивха, нанайка — 8 народов среди 10 доверенных лиц. Вот так и оказалось, что все они — мои друзья, а кто, какой национальности, это не важно. Просто люди, друзья мои.

В свое время, года полтора назад, русский писатель Владимир Личутин высказал мысль, которая вызвала взрыв негодования и возмущения, о том, что нужно предоставить малым народам резервации. Каково ваше отношение к этой идее?

Идея резервации возникла и среди наших народов. Все годы в нашей стране были слова, которые носили исключительно ругательный характер. Например, резервация. Нам внушали, что это территория, которая окружена колючей проволокой, откуда выглядывают изможденные, хилые дети. Другое слово — колонизация. С колонизацией у нас связаны только отвратительные ассоциации. А в энциклопедии говорится, что колонизация — это заселение территории аборигенного народа другими народами. Ведь это же происходило и на Дальнем Востоке, и повсюду в нашей стране. Много ли мы знали о резервациях? Когда я была в Канаде, мне очень хотелось побывать в резервации индейцев, чтобы посмотреть, что это такое. В душе я думала: вот будем подъезжать, пойдут столбы, изгородь из колю-

чей проволоки. Попасть в резервацию было трудно, ибо индейцы и эскимосы не пускают посторонних к себе на территорию. Я была в резервации индейского племени могавков¹. Въехали мы в поселок. На одном доме написано: "1716 г." – в этом году был построен дом. В поселке одноэтажные, двухэтажные коттеджи, при них участки земли, очень ухоженное, чистое селение. Более трех часов я разговаривала с великим вождем племени могавков. Я хотела узнать, как они сумели сохранить родной язык при таком давлении со стороны цивилизации. Мне рассказали, что они провели очень большую работу, добивались у правительства, чтобы преподавание в школах было только на языке племени. Для того, чтобы такое преподавание шло, они бросили клич, чтобы вся интеллигенция, которая получила образование, вернулась на территорию племени. Вот уже много лет у них работает школа, так называемая "Школа выживания". Как это здорово звучит! Выжить не просто физически, а как индивидуум, как представитель этноса, с языком, традиционной культурой – это очень сложно, особенно сегодня. Я думаю, резервация сделала очень многое. И конечно, они ведут борьбу за экологическую чистоту своей территории. Если каждый сделает по маленькому кусочку, я думаю, что планета будет экологически чистой.

То есть создания такой резервации вы бы пожелали своему народу?

Да. Дело ведь не в названии. Дело в том, как живет людям в том или ином месте земного шара. Как бы мы ни назвали: резервация или же национальный парк, этнический национальный парк, заказник, заповедник... Главное, чтобы человеку в этом месте жилось хорошо, чтобы этнос сохранился для общечеловеческого содружества.

В этой связи я хотел бы вам задать более общий вопрос. Сейчас конец XX века – век космоса, компьютеров, телекоммуникаций. Возможно ли совместить бурное вторжение современной технологии с сохранением малых этносов? Не получится ли, что небольшие группы населения останутся жить как бы в музее, чтобы туда приезжали смотреть, как индейцы пляшут национальные танцы, а в то же самое время кто-то другой будет сидеть за компьютерами, строить электростанции и т.д. Тут явно существует противоречие: необходимость прогресса и желательность сохранения национальных традиций. Как одно и другое может быть совмещено?

Это действительно вопрос, на который не так легко ответить. Лично я, как этнограф, очень надеюсь на то, что найдется очень мудрое решение этого вопроса. Нельзя изолировать народ, да и практически это невозможно. У нас на Дальнем Востоке мы не найдем ни одного села, когда можно было бы сказать, что это, допустим, чисто нивхское, или чисто удегейское село. Такого нет. Иногда в селе даже меньше половины аборигенного населения. Но несмотря на такое соотношение, при мудром решении этой проблемы можно сохранить у народа традиционную культуру, духовный мир, и одновременно приобщать к цивилизации. Сегодня наших учителей, которые получили образование, не заставили поселиться в резервации, отгородиться от всего мира. Для таких больших народов, как индейцы в Канаде, наверное, есть резон в создании резервации, и в то же время даже в резервации племени могавков многие, если не все, работают в муниципальных предприятиях. Это единственное племя у индейцев, которое удивительно умеет работать на высоте. Люди не боятся высоты, и их используют на строительстве высотных зданий, мостов, башен. Это приобщение к общечеловеческой цивилизации. Но в то же время после работы они живут в резервации, стараются воспитать своих детей так, чтобы они говорили на родном языке, не забыли историю предков.

¹ Племя североамериканских индейцев, относящееся к ирокезской языковой группе. – *Ред.*

Вот мы будем создавать Закон о малочисленных народах. Исключать из участия в этой большой работе сами эти народы нельзя. Кто бы ни был мудрый, хороший наверху, он никогда не сможет запрограммировать жизнь человека без его согласия, без его участия. Национальное самосознание наших народов сегодня растет. Его тоже надо направлять по-мудрому, чтобы оно не превратилось в сознание националистическое, чтобы каждый из представителей малочисленного народа хорошо понимал свое место в жизни, не только место в нашей стране, как представителя малочисленного народа, но свое место на земном шаре. Как бы ни был мал, как бы ни был велик народ, он вносит свою лепту в историю общечеловеческой культуры. ●

Борис ШИШЛО (Париж)

ПЕРВАЯ ПОБЕДА "МАЛЫХ НАРОДОВ"

Съезд малых этнических групп Сибири, так давно ожидавшийся многими, наконец состоялся в Москве 30—31 марта 1990 г. Дорога делегатов в Кремль не была ни близкой, ни легкой, она была вымощена их собственной активностью, разбухенной национальными движениями в западных и южных районах СССР. Даже по скудным сообщениям центральной прессы (эпохи гласности!) можно было понять, что уже два года назад, не дожидаясь разрешения Москвы на создание Всесоюзной ассоциации, отдельные народы Севера начали формировать свои собственные организации, чтобы придать им со временем функции самоуправления. Пока же местные ассоциации возникали как необходимые средства защиты от "советских конквистадоров", по выражению представителя чуванцев, "народа-призрака", чье имя не фигурировало ни в одной из переписей населения СССР после 1926 года.

Не случайно первые местные ассоциации возникли в Тюменской области — этом гигантском советском нефтяном эмирате. Доведенные до отчаяния диким разорением их родных земель, ханты и манси, ненцы и селькупы должны были вступить за самих себя, как только к этому представилась первая возможность. Вскоре множество ассоциаций с подобными целями дали о себе знать на Кольском полуострове, на Чукотке и Камчатке, так же как на Таймыре, в районах Саяно-Алтая и в бассейне Амура.

Тактика Гулливера

Функционеры на местах и в центре несомненно сначала смотрели снисходительно на "лилипотов" тундры и тайги, уверенные, что их копошение не сможет остановить государство—Гулливер, подкованное марксизмом и гусеницами вездеходов и шагающее напролом по головам поселков и стойбищ к вождельным кладовым голубого и черного золота. Однако активность малых этнических групп скоро вызвала серьезное беспокойство, особенно после того, как жители полуострова Ямал решительно воспротивились индустриальной экспансии министерств, направленную на дальнейшую эксплуатацию газовых месторождений. "Эта земля принадлежит нам", — впервые решительно заявили ненцы-оленьеводы конквистадорам Министерства газовой промышленности. На противоположном конце Сибири коряки села Парень на Камчатке не дали местной администрации закрыть их "неперспективное" село. Такого раньше не бывало!

После того как стало ясно, что остановить разбухенную национальную активность уже нельзя, административный аппарат решил, что следует направить ее в желаемое искусственное русло с помощью послушной туземной номенклатуры. Для

этого нужно было выиграть время. Вот почему Всесоюзная ассоциация малочисленных народов Севера была создана только сейчас, хотя ТАСС сообщил о ее создании еще 8 августа, назвав даже имя ее президента Владимира Санги, нивхского писателя.

Победа аппарата?

Владимир Санги, которого изберут президентом лишь поздно вечером 31 марта 1990 г., после долгой борьбы скажет в одном из своих интервью в коридорах Кремля так: "Я считаю, что съезд малочисленных народов Севера заорганизован аппаратом, поэтому его можно считать победой аппаратного стиля работы. Проводить съезд должна была общественность. Два года назад, когда я выступил с предложением организовать ассоциацию народов Севера, оно было встречено неоднозначно, особенно центральными органами, в частности отделом народов Севера Совмина РСФСР".¹

Да, съезд безусловно тщательно готовился; консервативный аппарат подбирал делегатов, которые послушно проголосовали бы за все, что будет предложено сверху. Об этом мне говорили разные специалисты, с которыми я встречался в Москве до начала съезда, и прежде всего те, кто больше всего сделал для народов Севера за последние годы своими смелыми профессиональными выступлениями: географ Б.Прохоров, социолог А.Пика, биолог Л.Богословская, этнолог И.Крупник, главный редактор журнала "Северные просторы" Голубичкова. Об этом же сказал и Алексей Томтосев, партийный работник из Якутии: "То, как проводилась подготовка к съезду, настораживает. Его организаторы максимально ограничили привлечение специалистов по северным проблемам к разработке документов съезда и будущей ассоциации, всячески уходили от предложений проведения научных проблемных семинаров, "круглых столов" и творческих встреч".²

Не случайно, очевидно, ни одному из этих специалистов не предложили выступить перед делегатами, хотя время нашлось для представителя газового концерна, столь ненавидимого жителями Севера.

В соответствии с логикой событий казалось, что съезд в Кремле должен был стать заключительным этапом процесса формирования местных ассоциаций, которые уже выдвинули свои программы деятельности, однако организаторы съезда в действительности игнорировали их. Об этом с больши неудовольствием говорил охотник Семен Купчик, представитель инганасан из Долгано-Ненецкого округа: "В феврале этого года прошло совещание пяти автономных округов и были выработаны определенные предложения для настоящего съезда, но, к сожалению, они не нашли отражения в проектах документов, розданных делегатам". Когда в Новосибирске я обменивался впечатлениями о съезде с В.Бойко, председателем комиссии по проблемам развития народностей Севера, он также говорил, что причиной поражения Чунера Таксами, готовившего съезд в Кремле, было то, что он открыто игнорировал инициативы местных ассоциаций. Итак, в подготовке и проведении съезда были хорошо заметны приемы, идущие из так называемого "застойного времени". Именно тактика той эпохи помогла изменить название этого съезда, ограничив его понятием "малочисленные народы Севера".

Кто такие "малочисленные народы Севера"?

Еще незадолго до съезда и в прессе, и в специальной литературе коренные народы Севера называли "малые народы", и никто не находил в этом причин обижаться или возмущаться. Национальные волнения в СССР привлекли внимание и к этому термину, в котором стали находить признаки очевидной сегрегации. "У нас все народы равны, и среди них нет ни больших, на малых", — заключили взбудо-

¹ "Аргументы и факты" № 14 (495), 1990.

² Алексей Томтосев "Нет малых народов", "Союз", № 13, март 1990.

раженные сторонники перестройки. Итак, прилагательное "малые", переведенное самодельными лингвистами из количественной категории в качественную, было заменено другим, более сложным — "малочисленные", в котором появилось точное указание на место народа в статистической иерархии. Однако, если подумать, то новый термин вызывает немало вопросов, всплывших в какой-то мере и на съезде в Кремле.

В самом деле, как определить количественные критерии для народов многонационального государства, имеющего сложную административную структуру, элементами которой являются и федеральные (союзные) республики, и разного вида "автономии"? Взглянем на Сибирь. Здесь среди коренных народов считаются "многочисленными" буряты — 352,6 тыс., якуты (328 тыс.), тувинцы (166 тыс.), хакасы (70,7 тыс.), алтайцы (60 тыс.) — по переписи населения СССР 1979 г., но в своих автономных территориях они составляют соответственно 23% (Бурятская АССР); 37%; 60,5%; 11,5%; 29%, то есть все они, кроме тувинцев, являются этническими меньшинствами на своих территориях. Конечно, каждый из этих народов превосходит по численности ненцев (34 тыс.) или эвенков 30 тыс., не говоря уже об энцах (198 человек) или об ороках (179 человек).¹ Но как объяснить, что шорцы, живущие рядом с хакасами и насчитывавшие в 1979 г. 16 тыс. человек, не считаются этническим меньшинством? Уже эти примеры показывают, что термин "малочисленные народы" является в СССР расплывчатым и неопределенным.

Но еще более странным представляется употребление термина "народы Севера" в политико-административных документах и в этнологической литературе. В недавно изданной брошюре Института этнографии АН СССР читаем: "Народностями Севера в нашей стране принято считать 26 народностей Севера европейской и азиатской частей СССР, выделенных в особую группу так называемых "малых народов Севера" в 1925 г. специальным постановлением ВЦИК и СНК. Это саамы, ненцы, ханты, манси, энцы, нганасаны, селькупы, кеты, эвенки, долганы, юкагиры, эвены, чукчи, коряки, эскимосы, алеуты, ительмены, тофалары, ульчи, нанайцы, нивхи, удегейцы, негидальцы, ороки, орочи, чуванцы.² Из перечисленных здесь народов девять последних живут вовсе не на Севере. Тофалары — соседи тувинцев Тоджи помещаются на той же широте, что и шорцы, то есть на 53, и в исследованиях по региональной этнографии упоминаются среди народов Южной Сибири, а удегейцы, живущие между Хабаровском и Владивостоком, находятся на широте Женевского озера в Швейцарии. В то же время значительные группы якутов, занимающихся оленеводством и кочующих вблизи от Ледовитого океана, так же как и Коми Севера европейской части СССР, не имеют статуса малочисленных народов Севера. Не имеют этого статуса и русские Индигирки, образовавшие с середины XXVII века особый культурный изолят, сохранившие язык и фольклор допетровской метрополии и потому-то не считающиеся

¹ Энцы и ороки, так же как и чуванцы, впервые после 1926 г. появились лишь в переписи 1989 г. (См. "Основные показатели развития экономики и культуры малочисленных народов Севера (1980—1989 гг.). Делегату малочисленных народов Севера". Госкомстат РСФСР, М., 1990.) Что там еще за ороки такие, говорили, конечно, великодержавные демографы, стоит ли считать такую мелюзгу? И ороков вычернули из статистики и из культурной жизни. Знали ли советские ороки, что их 30 (тридцать!) братьев, проживающих в Японии, на Хоккайдо, продолжали успешно сопротивляться ассимиляции и, организовав собственную ассоциацию, проводили с 1950 г. свои фестивали, пользующиеся поддержкой и симпатией местных властей. См. (Alfred F. Majewicz. The Oroks past and present, in: *Sibirica III*, Ed. by A. Wood, University of Lancaster, 1987).

² З.П.Соколова (ред.) "Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 года (концепция развития)", Институт этнографии АН СССР, М. 1989. Я хотел бы сделать единственное замечание по поводу этого труда: невозможно представить себе в наше время, чтобы где-либо в Северной или Южной Америке, Гренландии, Канаде, Австралии или Новой Каледонии концепции развития автохтонных народов составлялись бы не самими этими народами, а приезжими антропологами. Если бы такое где-то случилось, средства массовой информации Запада немедленно объявили бы авторов подобного труда новыми колонизаторами.

коренными народами Севера. Итак, в названии съезда, пожалуй, только слово "народы" не вызывает никаких возражений.

Но это еще не все. Надо было слышать телеута Николая Тодышева, с трудом пробившегося к трибуне и обратившегося к своим "собратьям по несчастью". "Мы, — сказал этот учитель истории из Кемерово, — не приняты во внимание статистикой и тем не менее мы существуем как малый народ, который нас выбрал и послал сюда на съезд представить наши проблемы. Они такие же, как и ваши. Но мы, — продолжал Тодышев, — являемся здесь только гостями, так как не включены в официальный список "малочисленных народов". Мы знаем, что съезд первоначально собирался, чтобы объединить все малые народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, но потом кому-то понадобилось укоротить название. Дорогие братья, — закончил Тодышев, — я прошу вас дайте нам, двум телеутам, присутствующим на съезде, как и представителям шорцев, права полномочных делегатов, чтобы мы также могли участвовать в выработке документов, важных для всех нас!"

То что произошло вслед за этим и постыдно, и уму непостижимо. Председатель Оргкомитета съезда, доктор исторических наук Чунер Михайлович Таксами, даже не поставил на голосование эту законную просьбу. И поспешил поставить на голосование свое предложение: дать мандаты полномочных делегатов съезда 35 членам его Оргкомитета, которые, оказывается, не были выбраны на местах местными ассоциациями, но назначены сверху, Москвой. И делегаты списком поспешили проголосовать "за", не прислушавшись к отдельным возгласам протеста, раздававшимся из зала. Это было настолько невероятно, что в перерыве я спросил Евдокию Гаер: "Почему съезд почти единогласно проголосовал за предоставление мандата делегатов 35 членам организационного комитета, который был назначен сверху, и не настоял на том, чтобы дать такие же полномочия своим "собратьям по несчастью", посланным на съезд их народами? И почему ни вы и никто другой не обратили на это внимания в своих выступлениях?" "Да, — растерянно ответила она, — мы как-то об этом не подумали". И в свою очередь упрекнула меня: "Почему же вы никому не подсказали?" "Послушайте, Евдокия Александровна, разве я на это имею право? Я же гость, к тому же иностранный. С моей стороны это было бы вмешательством в ваши внутренние дела".

Почему же Ч.М.Таксами не захотел включить двух телеутов в число делегатов съезда? Боялся, что их голоса повлияют на принятие запланированных заранее решений? Может быть. Но прежде всего он побоялся лично исправить "ошибку" официальной этнографии, исключившей телеутов из числа народов Южной Сибири. Еще в 1940—1950 гг. советская этнография, повинувшись теории "ускоренной консолидации народов при социализме", провозгласила, что "практическое осуществление ленинско-сталинской национальной политики, братская помощь русского народа создали реальные условия для возникновения единой культуры алтайских племен и объединения этих племен в "единую народность" под названием алтайцы".¹ Волюнтаристское решение об образовании из нескольких малых народов одного "большого" преследовало, вероятно, не только идеологическую, но и экономическую цель. Государство лишало таким образом этнические группы Южной Сибири той поддержки, которую обязалось оказывать 26 "малым народам Севера".

Знаки победы

Тем не менее, размышляя о том, что я увидел и услышал в Кремле, я бы назвал состоявшийся съезд первой победой "малых народов", особенно если иметь в виду отсутствие опыта и те немногие силы, которыми располагают сегодня коренные жители Сибири и Севера СССР.

¹ А.П.Потапов. "Очерки по истории алтайцев". М.—Л., 1953. За эту книгу автор удостоен Сталинской премии. В то время, когда он был директором Ленинградского отделения Института этнографии, многие прекрасные специалисты отправлялись для "полевой работы" в ГУЛАГ. Некоторые из них остались живы (Е.А.Крейнович и Н.И.Гаген-Торн) и вернулись в институт под то же руководство.

Знаков этой победы было немало. Надо было видеть, как недовольно встретил зал появление на трибуне Рафикова, руководителя газового министерства, надо было слышать, как речь его прерывалась возмущенными возгласами недоверия и как даже последние слова его: "Наша задача — создать нормальные социальные и экологические условия для коренных народов Севера" не вызвали признательности зала. Надо было слышать резкую критику программы развития, предложенной А.Хомяковым, председателем Госплана РСФСР, в которой многие выступавшие увидели копию прежних программ и обещаний, никогда не выполнявшихся правительством. Надо было видеть, как делегаты большинством отвергли лукавое предложение председателя оргкомитета избрать открытым голосованием Совет Ассоциации, который затем изберет президента. Нет, ответили делегаты, мы должны избрать президента сами, тайным голосованием, на альтернативной основе. И они избрали Президентом после долгих дискуссий не того, кого наметил партийный аппарат министерств, а того, кого они выдвинули сами, Владимира Санги. Надо также было видеть, как делегаты согнали с трибуны Ювана Шесталова, писателя манси, живущего в Ленинграде, занимающегося, по его словам, "проблемами Севера более, чем когда-либо и где-либо". Делегатов не подкупили заявления Шесталова: "Я — последний коммунист" и его апелляции к духам шаманских предков. Многие из присутствующих помнили, как еще совсем недавно он воспевал другой, "голубой дух" — газ и его добытчиков—"интернационалистов", прибывших в Сибирь, чтобы "разбудить сонную тундру".

Надо было видеть, как вопреки сопротивлению организаторов съезда, зал настоял на том, чтобы дать слово вне очереди популярной Евдокии Гаер, маленькой нанайке, завоевавшей авторитет у народов Союза своей смелостью и честностью. Наконец, нельзя не вспомнить поток компетентных дополнений к текстам документов, исходивших от делегатов. Одно из дополнений, встреченное аплодисментами, гласило: "Мы требуем по опыту зарубежных стран — США и Канады (подчеркнул выступавший) денежных компенсаций за использование природных богатств и ресурсов территорий проживания малочисленных народов начиная с 1990 г." Предложил это дополнение Ивтэк Березкин председатель совета старейшин Ассоциации малочисленных народов Чукотки и Колымы. И я подумал тогда, глядя на сидящего в президиуме Юрия Рытхэу, как он чувствует себя сейчас, еще недавно рассказывавший, с одной стороны, своим соотечественникам о вымирании эскимосов и индейцев США и Канады, а с другой, жителям Запада о процветании всех народов Сибири. Нет, подумал я, слушая старейшину, чукии совсем не такие наивные дураки, какими представляют их советские анекдоты. И в этот момент я понял, что затянув столь ожидавшийся съезд на два года, административный аппарат проиграл. За две долгие полярные зимы сибирские народы сумели многое подвергнуть сомнению, понять и переоценить.

Мне кажется, что собравшись вместе на свой первый съезд, представители этнических меньшинств Севера и Сибири впервые ощущали свои возможности и поверили в них. Тем более, что они были не одиноки. Они слушали впервые выступления представителей Циркумпольной организации эскимосов, представителей саамов Финляндии и Скандинавии, имеющих опыт борьбы за свои права, и ощутили их солидарность. Съезд был в достаточной степени открытый, на нем присутствовало несколько специалистов из западных стран, которые смогли убедиться в серьезности и сложности проблем этнических меньшинств в СССР и, надо думать, сделают их достойным общественности.

На съезде в Москве стало ясно, насколько нуждаются народы Сибири и Севера в нашей солидарности и нашей помощи. Сегодня, когда западные промышленные компании получают возможность эксплуатации ресурсов Сибири, проблема охраны прав народов этой части замного шара становится еще более актуальной. Вот почему нами было принято решение о создании ассоциации "За возрождение народов Сибири", которая возьмет на себя те же задачи, что и уже существующие на Западе организации: защитить этнические меньшинства от варварства современных идеологий и индустрий. Сообщение о создании во Франции этой Ассоциации было с большим удовлетворением принято всеми, с кем встречался автор этой статьи на съезде в Москве, а затем в городах Сибири. ●

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ
(Москва)

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ДОШЛИ ДО «1984»?

Написанная в 1949 г. антиутопия Орвелла «1984» до сих пор считается непревзойденным эталоном антитоталитаристской литературы. Правильно ли, однако, называть эту вещь «антиутопией»? Обстановку того периода в нашей стране она описывала достаточно точно (если не считать, конечно, второстепенных футуролого-технических подробностей). Любому читателю ясно (или, как любил говорить товарищ Сталин, «даже слепые видят»), что внутренняя партия «1984»-го – номенклатура; министерство любви – система государственной безопасности; Голдстейн – Троцкий (Бронштейн); мыслепреступление – инакомыслие; молодежный антиполовой союз – комсомол... И уж совсем очевидно, кто таков Старший Брат, какая улыбка таится в замечательных черных усах. Словом, Океания – наша страна. Перед нами достаточно точный (хотя, понятно, и с элементами карикатуры) портрет нашего государства, каким оно было в 1949 г. Дальше, однако, происходит интересная вещь. Орвелл не зря назвал свою книгу «1984». Именно к этому времени, по его прогнозу, система приобретет окончательную стройность и – завоюет весь мир.

Орвелл ошибся. Грубо ошибся. Кризис системы начался через четыре года после написания книги, продолжается по сей день, и как раз с 1985 г. (странная все-таки вещь – история!) идет окончательный, по-видимому, демонтаж самих основ системы. Отсюда вопрос, вынесенный в заголовок статьи.

I.

Первое, что поражает в «1984», – как это автор, сидя «там», в Англии, ни разу не побывав «здесь», сумел так точно все разглядеть через «железный занавес»? Господи, неужто и впрямь этот занавес непрозрачен только для нас, скрывает от нас и «их» жизнь, и нашу собственную, – но зато прозрачен для них? И как же мы-то сами себя не видели?

Собственно, на вопрос «как?» и отвечает книга прежде всего. Орвелл занимал идеальную позицию – наблюдая со стороны. Он сам – герой романа Уинстон Смит, англичанин, чудом попавший в сталинскую империю и оставшийся при этом англичанином с его практическим умом. Он – единственный зрячий между слепыми. Он видит то, чего не видят они, он не видит, не может видеть то, что видят «даже слепые» (точнее, только слепые).

Что же он видит и чего не видит? Видит тотальный контроль государства над человеком. Видит необходимость восторженного образа мыслей (если хочешь умереть своей смертью). Видит полное господство «полиции мыслей», когда инакомыслящих, «мыслепреступников» уничтожают, «распыляют» («превратить в лагерную пыль», – независимо от Орвелла писал Берия). Видит жесткую иерархию общества (пролы – внешняя партия – внутренняя партия – Старший Брат). Видит вечную холодную и «горячую» войну со всем миром, врагами внешними и внутренними. Видит патологический страх, фобию иностранцев, врагов, шпионов. Видит: «каждый квартал на бумаге производят астрономическое количество обуви, между тем как половина Океании ходит босиком». Видит: «еды никогда не было вдоволь, никогда не было целых носков и белья, мебель всегда была обшарпанной и шаткой, комнаты – нетопленными, поезда в метро – переполненными, дома – обветшалыми, хлеб – темным, кофе – гнусным, чай – редкостью, сигареты – считанными, – ничего дешевого и в достатке, кроме синтетического джина».

Чего же он не видит? Он не видит за деревьями леса. Он не видит гигантских успехов империи. Не видит избавления от эксплуатации. Не видит: все, о чем говорится, это – отдельные недостатки, временные трудности. А главное – он не любит того, что его окружает, не любит партию, не любит Старшего Брата. Все остальные – «любят». Они видят то же (почти то же), что видит он, но видят иными глазами: «верящими» глазами, «любящими» глазами. Они видят, что половина Океании – «большая половина!» – ходит обутая, что еда есть (и скоро будет больше), необходимая мебель есть, в комнате прохладный, свежий воздух, нужный для здоровья, в метро стоят все вместе, плечом к плечу, самая низкая квартплата, хлеб есть, кофе есть, чай – радость, сигареты – радость, джин – большая радость. А кроме того, страна отражает удары коварных врагов (если бы не необходимость защищаться от них, мы бы сейчас ого-го как жили!).

Друг Орвелла, писатель Кестлер, в своем романе «Слепящая тьма» обмолвился: «Подданные Первого (Старший Брат Орвелла. – Л.Р.) по указке мыслили». Орвелл подробно описал эту «указку».

Во-первых, жесткая селекция всей информации, изоляция «социализма в одной стране» от всего мира¹, мира врагов, подделка статистики.

Во-вторых, изменение прошлого: все документы переделываются и подчищаются. Тот же Кестлер писал, что «скоро они, вероятно, получат старые газеты в новом издании», а Орвелл подробно описывает эту технику подгонки прошлого под настоящее. В обстановке же полного произвола во всем, что касается фактов, возникают, развиваются и незаметно отцветают любые мифы и легенды.

В-третьих, переделка языка. Систематически меняется словарь – из него выбрасываются «ненужные» слова, и он медленно, но верно сближается со словарем людоедки Эллочки. В языке всячески глушатся две «высшие» функции: объективно описывать окружающую действительность и логически аргументировать свои идеи. Зато резко усиливаются две другие функции: выражать (вернее, выплескивать) свои эмоции и командовать другими (а также заражать их своими эмоциями). Поэтому язык «расчеловечивается», сближаясь с языком животных, у которых как раз главными являются именно эти функции. Орвелл и называет этот «новый язык» («новояз») системой «речекряков».

Из таких блоков и складывается общая картина нового сознания, «новомысла», «благомысла» – полностью контролируемого мышления. В принципе здесь открывается возможность для любых «умственных извращений» – в отсутствие фактов и логики, не говоря уж о критике, возможны любые массовые галлюцинации, спущенные сверху. Здесь уже не просто «общественное бытие определяет общественное сознание», тут общественное бытие полностью подминает, растворяет в себе общественное (и индивидуальное) сознание. В свою очередь, общественное бытие подчиняется сознанию Старшего Брата, его желаниям и фантазиям. Орвелл называет это системой «коллективного солипсизма».

Вместе с тем это, понятно, не полный, не «абсолютный» солипсизм. Прежде всего, складывавшуюся в процессе длительной эволюции природу мышления человека, его здравый смысл невозможно уничтожить полностью. Он останется и в «новом», «перековавшемся» человеке.

Но даже если бы это и было возможно, то делать этого не стоило бы. Управлять страной сумасшедших, совершенно оторванных от реальности, –

¹ Место действия Утопии часто относилось на острова, куда-то вне обычного мира. «Социализм в одной стране», отгороженной от остального мира, в этом смысле очень типичен. Так, один литературный герой прямо говорил: «Все это выдумка, нет никакого Рио-де-Жанейро, и Америки нет, и Европы нет, ничего нет. И вообще последний город – это Шепетовка, о которую разбиваются волны Атлантического океана». А Сталин как-то выразился так: «...они со всех сторон окружены советскими республиками и областями и им, собственно говоря, некуда выходить из состава СССР». Он имел в виду автономные республики. Но это было справедливо – психологически – и по отношению к каждому советскому человеку.

тоже радость небольшая, возникнет всеобщий хаос. Если при программировании «до конца» такой грубой, в общем-то, штуки, как экономика, возникает экономический развал, то и вообразить трудно, какой тотальный развал пошел бы, если бы и впрямь удалось полностью запрограммировать мышление всех людей – исключить из него все спонтанное, автоматически действующее, не предписанное сверху. Поэтому на самом деле необходимо какое-то тонкое соотношение, «управляемое безумие»: где надо – искренне сумасшедшие (видят идеологические галлюцинации наяву), где надо – вполне нормальные, трезвые, даже циничные (скажем, в области техники, обычных житейских отношений и т.д.).

Это соотношение Орвелл называет «самостопом». «Самостоп означает как бы инстинктивное умение остановиться на пороге опасной мысли. Сюда входит способность не видеть аналогии (скажем, между нашим и германским тоталитаризмом. – Л.Р.), не замечать логических ошибок (скажем, прибавочная стоимость у нас есть, но эксплуатации нет. – Л.Р.), неверно истолковывать даже простейший довод, если он враждебен ангоцу (скажем, большевики обещали дать крестьянам землю, а провели коллективизацию. – Л.Р.), испытывать скуку и отвращение от такого движения мысли, которое может привести к ереси (скажем, попробовали бы вы заинтересовать нормального человека разговором о том, чем отличается наш «социализм» от «государственного феодализма». – Л.Р.)».

Вот эту систему – соединение управляемого массового помешательства с неотменяемым здравым смыслом – Орвелл и назвал «двоемыслием». Суть двоемыслия: «учитывать действительность, которую отрицаешь».

Творчески развив Макиавелли, партия и Старший Брат поняли, что одного голого насилия, насилия, ясно осознаваемого народом именно как насилие над собой, для обеспечения покорности мало. Подчиняться, да, будут. Но подчиняться, боясь и ненавядя. А надо, чтобы подчинялись любя (явно) и боясь (скрыто). Только такое подчинение истинно прочно.

Но для чего нужно абсолютное подчинение народа? «Я понимаю как; не понимаю зачем?»

II.

Вот вопрос вопросов. На него есть три ответа.

Ответ первый, идущий от модели государства Платона и пронизывающий все утопии и антиутопии. «Партия ищет власти не ради нее самой, а ради блага большинства. Ищет власти потому, что люди в массе своей – слабые, трусливые создания, они не могут выносить свободу, они не могут смотреть в лицо правде, поэтому ими должны править и систематически их обманывать те, кто сильнее их».

В общем, благая цель построения Храма, земного рая оправдывает средства. Так говорили до Лойолы и после него, так писали все утописты, даже Замятин, даже Хаксли. Так говорит и Уинстон. И получает в ответ презрительное: «Глупо, Уинстон, глупо!» А ведь и вправду – глупо! (Наши лучшие публицисты и сегодня, через 40 лет после Орвелла все спорят с этой точкой зрения – доказывают, что цель не оправдывает все средства. А ведь этой «точки зрения» реально-то и нет – спорить не о чем. Есть только миф о том, что кто-то придерживался этой позиции и, так сказать, «правил нами для нашего блага, считая, что мы сами не способны». Да этот «кто-то» и не думал об этом вовсе! Если о чем-то и думал, то о том, чтобы убедить нас в том, что мы неспособны – без них...)

Верно, что критерий истины – практика. Если бы цель власти действительно была такова, то благодаря управлению (ценой этих «средств») должна была бы улучшаться жизнь – хотя бы материальная жизнь народа, – приближаться к этому Храму, достигаться «Цель». Примерно так и мыслили

Замятин, Хаксли. Они только одно показать хотели – да, под тоталитарной диктатурой жизнь-то будет сытая, люди будут довольны, но вот – свободы не будет. Масло – вместо мысли, чечевичная похлебка – вместо первородства. Вот что их страшило. Их – но не Орвелла.

Ответ второй. Это почти тот же самый, первый ответ, но с одной, вроде бы незаметной, поправкой. Да, конечно, «во имя народа», но... не забывая и о себе. «Они не такие святые, как изображают». «А вот батон хлеба – порядочного белого хлеба, не нашей дряни... и баночка джема... Вот моя главная гордость! ...Кофе для внутренней партии. Целый килограмм... Продукты для внутренней партии. У этих сволочей есть все на свете. Но, конечно, официанты и челядь воруют... и чай настоящий. Не черносмородинный лист». Что ж – каждому по труду. «Кесарю – кесарево» и не где-то в светлом будущем, а чуть пораньше, именно – сегодня. А уж потом и народу.

Но в общем-то от этого ведь суть дела не меняется, не так ли? Ну, допустим, светлое будущее немного отодвигается – просто из-за того, что народ входит в него не толпой, а в порядке живой очереди, гуськом: Старший Брат, внутренняя партия, официанты и челядь, внешняя партия, наконец, пролы. Вроде бы все в принципе так.

Так – да не так. Ведь при достижении этой полной свободы и равенства, при «отмирании государства» – куда же тогда денется, ну, хотя бы внутренняя партия со всеми своими привилегиями? Раз власть в руках внутренней партии, то, пожалуй, она и не станет особо-то поспешать к светлому будущему, которое ей не сулит ровно ничего «светлого», а несет ей, строго говоря, конец. Во всяком случае тут нужен разумный компромисс – и народ накормить и освободить, и свои привилегии и власть сохранить.

Но есть и третий – бескомпромиссный, поистине сильный ответ. Похоже, что во всей беспощадной силе его первым обрушил на головы читателей именно Орвелл.

Да, цель оправдывает средства. Только: что – цель, что – средство? Очевидно, что при тоталитаризме народ материально живет не лучше, а куда хуже, чем при экономической и политической свободе. Ценой свободы чечевичная похлебка не продается. Масло – вместо мысли? Черта с два! Пушки – вместо масла! Притом пушки, жерлом направленные против своего же народа.

Что ж это – вечная ошибка властей, системы? А может, цель-то... «Партия стремится к власти исключительно ради нее самой... Власть – не средство; она – цель. Диктатуру учреждают не для того, чтобы охранять революцию, революцию совершают для того, чтобы установить диктатуру. Цель репрессии – репрессия. Цель пытки – пытка. Цель власти – власть. Теперь вы меня понимаете?».

Не совсем. Надо еще уточнить, что же, собственно, есть сама – власть? «Власть – это власть над людьми. Над телом, но, самое главное, – над разумом... Скажите, Уинстон, как человек утверждает свою власть над другими?»

Уинстон подумал.

– Заставляя его страдать, – сказал он.

– Совершенно верно. Заставляя его страдать. Послушания недостаточно. Если человек не страдает, как вы можете быть уверены, что он исполняет вашу волю, а не свою собственную?¹ Власть состоит в том, чтобы причинять боль и унижать. ...Теперь вам понятно, какой мир мы создаем? Он будет про-

¹ Эта безумная апология безумной воли, ставящей себе задачу «доказать», что дважды два – пять, является, в каком-то смысле, вариацией на темы Шопенгауэра, утверждавшего, как известно, что воля первична, независима от познания, познание же вторично, зависимо от воли. Шпенглер по этому поводу писал: «...воля к власти есть воля к безусловному мировому господству в военном, экономическом, интеллектуальном смысле... обуреваемый волей к власти фаустовский человек стремится навязать свою волю всем и каждому: то, во что он верит, должно стать верой для всех, то, чего он хочет, должны хотеть все, все должны следовать его политическому, социальному, экономическому идеалу либо погибнуть». А на новоязе нашего Старшего Брата, нашего «фаустовского человека» с его волей к власти, это, как известно, звучало так: «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять... И мы это сделаем, если захотим этого по-настоящему!»

тивоположностью тем глупым гедонистическим утопиям, которыми тешились прежние реформаторы. Мир страха, предательства и мучений, мир топчущих и растоптанных, мир, который, совершенствуясь, будет становиться не менее, а более безжалостным; прогресс в нашем мире будет направлен к росту страданий. ...С разнообразием удовольствий мы покончим. Но всегда – запомните, Уинстон, – всегда будет опьянение властью, и чем дальше, тем сильнее, тем острее. Всегда, каждый миг, будет пронзительная радость победы, наслаждение оттого, что наступил на беспомощного врага. Если вам нужен образ будущего, вообразите сапог, топчущий лицо человека – вечно. И помните, что это – навечно. Лицо для растаптывания всегда найдется. ...Вот какой мир мы построим, Уинстон. От победы к победе, за триумфом триумф и новый триумф – шекотать нерв власти».

До сих пор речь шла о политическом насилии, терроре, диктатуре. Но та же логика работает и в области экономических отношений. Цель экономики, разумеется, не «удовлетворение растущих материальных потребностей населения» – ишь чего захотели! Цель экономики все та же – власть, усиление власти Старшего Брата. Власть – а значит, насилия.

Тут же Орвелл дает совершенно неожиданную экономическую модель тоталитарного общества (или, как его ласково стали у нас почему-то называть, «Административной системы»). Он как бы всерьез хочет ответить на вопрос известного анекдота, когда старушка приходит в магазин и спрашивает: где икорка, балычок, устрицы? И услышав естественный ответ – ты что, рехнулась?, спрашивает: и куда все это дели, кому это помешало? Это помешало Старшему Брату, отвечает Орвелл.

«...Общий рост благосостояния угрожает иерархическому обществу гибелью, а в каком-то смысле и есть уже его гибель. В мире, где рабочий день короток, где каждый сыт и живет в доме с ванной и холодильником, владеет автомобилем или даже самолетом, самая очевидная, а может быть, и самая важная форма неравенства уже исчезла». Тем самым исчезает власть сытого над голодным, буквально, а не фигурально, голодным. Да, «иерархическое общество жиднется только на нищете». Но как ее обеспечивать и постоянно поддерживать в условиях современного технического прогресса, делающего массовую нищету (хотя бы в ее классических формах – нечего есть, надеть и т.д.) почти что невозможной? «Задача состояла в том, чтобы промышленность работала на полных оборотах, не увеличивая количество материальных ценностей. Товары надо производить, но не надо распределять. На практике единственный путь к этому – непрерывная война». Тут Орвелл, конечно, ошибается. Война не нужна – вполне достаточно «холодной войны» и гонки вооружений, «проектов века» – от Беломора до БАМа, обыкновенного расточительства и бесхозяйственности.

Итак, власть, власть, власть. Вот смысл и содержание всех общественных отношений и институтов. Воля к власти, мания власти, магия власти. «Бог – это власть». Буквально. Я, Старший Брат, как творец, демиург, своей волей творю мир. Весь социальный мир – а другого нет, другой – это «вещь в себе» как моя «воля и представление». Почему такой мир? А вот именно потому, что только так могу полнее всего выразить свою власть – через насилие, унижение, страдание. Они должны окружать человека везде – в автобусе, в магазине, в кафе, в газете, на работе, в школе и дома. Но, конечно, главное насилие, его хребет – в министерстве любви, где с человеком делают все самое худшее, что он только может себе вообразить. «Вообразите сапог, топчущий человеческое лицо».

Похоже, что в ответе на вопрос «зачем?» Орвелл сказал даже больше неожиданного, чем при ответе на вопрос: «как?» Принять объяснение Орвелла почти невозможно – оно кажется не просто страшным, но нелепым, искусственным. Подумаем, однако, спокойно: где здесь литературные фантазии, а где историческая правда?

III.

Многие пытались дать объективный социально-экономический и исторический анализ того необычайного монстра, который известен как «сталинизм» и который неторопливо вылуплялся на свет в 20–30-е годы. Где в сталинизме попытка буквального воплощения марксистской утопии, в форме «грубого», уравнилельного коммунизма, а где – продолжение старой русской, от Ивана Грозного (любимец Сталина!) идущей самодержавной традиции? Где тут «русский революционный размах», где «американская деловитость», где «марксистская теория»? Так, Х.Ортега-и-Гассет писал: «Россия настолько же марксистская, насколько германцы Священной Римской Империи были римлянами... Я ожидаю появления книги, которая переведет сталинский марксизм на язык русской истории («Все течет» В.Гроссмана, например? – Л.Р.). Ибо то, что составляет его силу, кроется не в коммунизме, но в русской истории». Однако Орвелл весь этот историко-национальный аспект абсолютно не волнует. Он рассматривает сталинизм вне времени и пространства – «ангсоц»! Он рассматривает сталинизм не диахронически, а синхронически, рассматривает предельно абстрактную общую социальную структуру тоталитарной диктатуры. В чем недостаток этого подхода, что Орвелл теряет, – ясно. А в чем сила? Отбив все «лишнее», «случайное», какую статую Орвелл высечает?

Непосредственно Орвелл опирался, по-видимому, на работы Троцкого, прежде всего, на его книгу «Преданная революция» и работу Б.Рицци «Бюрократизация мира», во многом спорившую с Троцким и развивавшую его идеи (из нее берут начало такие книги, как «Новый класс» М.Джиласа или «Нomenclатура» М.Восленского). Так, книга в книге – «Э.Голдштейн. Теория и практика олигархического коллективизма», включенная в «1984», – явно написана под влиянием Троцкого и Рицци, с его «бюрократическим коллективизмом». Но Орвелл не просто «популяризатор» Троцкого и Рицци. Он совершенно по-иному расставляет акценты.

Там, где Троцкий и Рицци искали законы социально-экономические, там Орвелл ищет законы социально-психологические. Соответственно элемент паранойи, провокации, входящей в насилие, который Троцкий и Рицци считали не обязательным, Орвелл выводит на первый план, делает решающим, центральным элементом, «несущей конструкцией» всей системы¹.

Сила и слабость Орвелла в последовательном отстаивании одного тезиса: в основе сталинизма – голая, абсолютно деидеологизированная воля к власти. При этом сама власть понимается как голое насилие, а стремление к власти – суть режима – скрывается за бесконечным лицемерием и провокациями.

В какой мере такое объяснение исторических фактов можно считать удовлетворительным? Здесь мы приходим к вечному: что вообще считать историческим объяснением? «Спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распоряжком на земле? – Сам человек и управляет», – это Булгаков. Или, как говорили классики: «История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» (Маркс). Однако, как резонно замечает тот же Булгаков: «...чтобы управлять, нужно как-никак иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок... как же может управлять человек, если он... не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?»

Иначе говоря: как же суммируются, интегрируются эти разнонаправленные действия людей, преследующих свои индивидуальные цели? Великая

¹ Другое отличие – Орвелл, в отличие от Троцкого, Рицци, Бернхема, не считал эту систему экономически более эффективной, чем свободный рынок. Вернее, не вдаваясь в экономические подробности, он доказывал – чисто психологически – почему эту систему необходимо сконструировать именно так, чтобы она была экономически неэффективной.

загадка истории в том и заключается, что хаоса не возникает, но образуется равнодействующая, не имеющая подчас ничего общего со своими составляющими, подчиняющаяся своей, достаточно строгой – хотя часто и недоступной нам – логике.

Орвелл фактически рассматривает лишь «видимого дирижера» – Старшего Брата, подчиненную ему внутреннюю партию и описывает их цели как движущие силы нашей истории. И, не умножая далее сущностей (бритва Оккама), останавливается в своем объяснении исторических фактов на этом. Можно, конечно, выйдя в «большое время» Истории, где счет не на длину жизни поколения, а на века, искать тайный, глубокий смысл и в этом, казалось бы, безумном периоде нашей истории. Но любое более общее философско-историческое объяснение сталинизма в общем контексте русской и мировой истории не может снять вопрос, поставленный Орвеллом: ну, а какова цель не «Мирового духа», а конкретных людей, руководивших массами? И здесь, надо сказать, почти неопровержимым является невыносимый ответ Орвелла: цель – желание голой власти, достигаемой через бесконечное садистское насилие, а метод – провокации. Вот и все. Никаких других целей (пусть ложно понятых, пусть «искаженных» и т.д.), никаких «невидимых миру слез» за видимой миру улыбкой в густые черные усы.

Простая схема, по которой разворачивались события тех лет: провокация – «великий перелом» – «головокружение от успехов» (она четко повторялась в 1928–30 и 1934–38 гг., явно готовилась и в начале 50–х, но уже и глаз стал не тот, и рука не та... В более же мелких предприятиях эта же дебютная комбинация срабатывала десятки раз). Эта схема хорошо объясняется с позиций Орвелла и очень плохо – с любых иных позиций. Зачем, в самом деле, вести геноцид, разорять народ, культуру, природу, убивать лучших, а остальных заставлять «на брюхе ползти» (любимое выражение Старшего Брата) в общее стойло – будь то крестьяне, писатели, партийные руководители? Из идейных соображений, ради верности догме? Полноте, каковы бы ни были создатели догм, но такое им не снилось и в страшном сне.

Однако, может быть, Старший Брат – тайный, но идейный антикоммунист, монархист? Он ведь почти полностью восстановил самодержавие – от золотых офицерских погон до крепостного права, от царской шовинистической пропаганды до ордена Александра Невского? На это надеялись русские фашисты и крайние монархисты, по этой причине до сих пор питают к нему симпатию некоторые патриоты с гипертрофированной памятью... Опять ошибка. Конечно, Иван Грозный был симпатичнее для Кобы, чем Маркс, а дворяне и золотопогонники куда приятнее, чем марксистские начетчики, но по сути ему были чужды и те, и эти. И тех, и этих он презирал, и тех, и этих ненавидел.

Так что «идейные объяснения» не проходят. На вопрос «зачем» остается простейший ответ, с лихвой покрывающий все реальные события: «чтобы щекотать нерв власти». Субстанция чистой власти – «властилин», суть же его – «насилие». Что же не укладывается в эту модель, какой факт?

Такая власть стремится пронизать все поры общества. Она не будет ограничивать себя никаким законом, закон ограничивает власть, закон – конец чистой власти. Такая власть стремится не упорядочить социальные отношения, искать баланс, консенсус между социальными группами – консенсус есть конец насилия, конец власти. Как раз наоборот – «разделяй и властвуй». Для такой власти очень удобна марксистская формула об отсутствии частной собственности. В данном случае эта формула понимается так: нет частной собственности – нет независимости, самостоятельности, все подданные – крепостные, рабы Хозяина. Для такой власти удобна и марксова формула бесклассового общества: наличие устойчивых классов со своими традициями также ограничивает произвол власти Хозяина. В этом смысле Сталин и был «марксистом».

Итак, общество, построенное на голом, самоценном (не средство, но цель), самовоспроизводящемся насилии, не подчиняющееся законам юридическим или экономическим. Общество, которое вообще не есть «общество» в обычном смысле слова, а есть нечто иное. Общество, представляющее собой совокупность «вечных маргиналов», огромные облака «лагерной пыли» (по обе стороны проволоки). Эти облака перемешивает, гоняет и организует Старший Брат. Ему принадлежит в стране единственное, что в ней есть, – власть (а уж затем такие мелочи, производные от власти, как собственность, идеология, культура и т.д.).

То есть система такова, что отдельный человеческий атом даже психологически не может восстать против нее, уж не говоря о том, что у восстания нет шансов на успех. Людей и разъединяет, и связывает только система – единственный носитель организующего начала в Океании. А верность системе и чувство сопричастности с ней – единственное начало, организующее сознание жителя Океании.

И когда О'Брайен говорит Уинстону: «Вы примете его (Старшего Брата и мир, им созданный. – Л.Р.), будете его приветствовать, станете его частью», – он знает, что говорит. Об этом, об этой парадоксальной, мазохистской любви жертвы к палачу писал еще Некрасов: «Люди холопского звания сущие псы иногда. Чем тяжелой наказанье, тем им милей господя». А других людей – не «холопского звания» – система в принципе не производит и не допускает.

Психологический секрет «тоталитарной личности» пытались разгадать десятки, сотни психологов. Кое-что тут очевидно. Например, то, что человек – социальное существо, а раз весь социум воплощен в системе, в Старшем Брате, то он почти неизбежно, даже против желания будет тянуться к Старшему Брату («Старший Брат глядит на тебя»), как растение к солнцу. У Старшего Брата – радость покорять; у человека – счастье покорности, слияния со Старшим Братом, растворения в нем. Есть у всякого человека и радость покорения, радость насилия – только она выступает в «сниженном» виде: в виде зависти к другому (главное социальное чувство в тоталитарном обществе). А того, кому завидуешь, ты можешь «покорить» лишь одним способом – донести на него, противопоставить его системе, напасть на него, опираясь опять-таки на систему. Отсюда – мания добровольного доноительства, миллионы стукачей-энтузиастов.

Известно, далее, что главная, неодолимая радость тоталитарной личности – утрата самой индивидуальности, с ее слабостью («Единица! Кому она нужна?! Голос единицы тоньше писка... Единица – вздор, единица – ноль...»).

С другой стороны, привлекательность тоталитарного общества – именно в его тяжести и противоестественности. То, чего добиваешься в таких условиях, ценишь по-настоящему. Если считать моделью сталинского тоталитарного общества казарму, то, известно, что новобранец, пройдя через унижения и дослужившись сам до «деда», обычно не только не протестует против этой системы, но, принимая ее правила, сам – в виде компенсации – с удовольствием мучает «молодых», выступает хранителем системы, носителем и защитником традиций. И так поколение за поколением... Вот и секрет (один из секретов) живучести системы.

Как бы то ни было (есть, разумеется, и множество других факторов). Уинстон «Если бы он мог пошевелиться, он протянул бы руку и тронул бы за руку О'Брайена. Никогда еще он не любил его так сильно, как сейчас... О'Брайен пытал его и почти свел с ума, а вскоре, несомненно, отправит его на смерть. Это не имело значения... Они были близки: было такое место, где они могли встретиться и поговорить, – пусть даже слова не будут произнесены вслух».

Поразительно – не литературный О'Брайен, а живой Зиновьев писал в своем тюремном дневнике, писал Старшему Брату с Лубянки: «В моей душе горит одно желание: доказать Вам, что я больше не враг. Нет того требова-

ния, которого бы я не исполнил бы, чтобы доказать это... Я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Ваши и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели же Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом, что я понял все, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение...»

Это также известный психологический феномен, который в просторечии называется просто – «сломался». Человек, которого «опустили» в лагере, начинает чувствовать презрение и ненависть не к палачам, а к себе, полностью «сдается на милость», более того – даже начинает ощущать свою вину, начинает «оргию самобичевания».

Но если все так, то возникает вопрос: отчего же эти режимы столь редки в истории и как же это мы ушли от «1984» года?

Кому выгодно такое государство? Чьи интересы оно представляет – Старшего Брата? Существует оно ради него, ради утоления больной жажды власти?! Я не стану здесь вдаваться в реальную историю того, как наш Старший Брат обманул «старую гвардию» и, используя ее революционный фанатизм, развернул ее в нужную ему сторону, истребил ее и создал свою «внутреннюю партию». Историки уже немало об этом сказали и еще скажут. Для нашей темы важны не исторические подробности, а их социально психологический смысл.

О'Брайен с его «тусклым безумным огоньком энтузиазма» в глазах, этакая смесь Великого Инквизитора и Петра Верховенского, – самое слабое место романа. А ведь он – его несущая конструкция. Именно он отвечает на вопрос «зачем?». В его сверхсильном, ошеломляющем ответе: «чтобы шекотать мой нерв власти» – ощущается пустота. О'Брайена по-настоящему нет. Лицо для растапывания – да, методы растапывания точны, а Сапог – реального Сапога нет. Более того, в О'Брайене мелькают какие-то черты «Уинстона наоборот» – он сам, кажется, в ужасе застыл на пороге 101-й комнаты, куда по его приказу тащат Уинстона...

Это не ошибка Орвелла. Это – его реализм. В торжествующем (не рвущемся к власти, заметьте!) идеальном диктаторе мы сталкиваемся с пределом человеческих возможностей. Дальше начинается сумасшествие и пустота. Пример нашего Старшего Брата это хорошо показывает. Его последние годы – полный аутизм, прекращение общения даже с близкими, социальная смерть прежде психологической, психологическая прежде физической, да и сама физическая уже как следствие смерти социальной и психологической. Отчего в самом деле он умер? Отравили? Черт унес?

Нет. Невозможно отделаться от впечатления: он самораспался, его съела его система. Сознание, человеческая психика так долго не выдерживают. Тут восстает что-то в человеческой природе угнетаемых, нет – в природе самого Угнетателя. В случае Сталина это был дикий, сумасшедший, все нарастающий страх убийцы перед своими жертвами – самая низкая, животная форма душевной муки (у других – скажем, Ивана Грозного – бывало раскаяние. Старший Брат на это не был способен). Страх толкал к новым убийствам, – а они – к новому страху... В конце концов непрерывно нараставшее напряжение разорвало замкнутый контур.

Гораздо важнее, однако, что система обречена социально. «Старший Брат» не может умереть», – говорил О'Брайен. Ошибка – он не только может умереть, саморазрушиться, он, напротив, не может оставить преемника.

Возьмем опять же нашу историю. 5 марта 1953 г. сопоставим для нас с 7 ноября или 22 июня! Факт, что в этот день система дрогнула и надломилась до самого фундамента – будто «горький хулиган» (определение А.Антонова-Овсеенко) был атлантом, державшим ее на каменных плечах. Да он и сам так горючил (по свидетельству Хрущева): без меня вы все погибнете!

Конечно, с его точки зрения все последующие годы – это и есть гибель. Верно – это медленная гибель его системы. Почему же так получилось? Это

тем более интересно, что Старший Брат вроде бы подготовил вполне достойного преемника – человека в пенсне. И что? Его, как известно, убрали практически мгновенно. Случайность? Нет. Логика. Логика самозащиты системы – логика самораспада системы. В том-то и состоял порок тоталитарной системы, что ее саморазвитие превратилось в ее саморазрушение.

На практике, разумеется, правит не один человек. Казалось бы, это лишь усиливает тоталитарное государство – возникает его стеновой хребет, номенклатура, «внутренняя партия». В отличие от Старшего Брата она бессмертна, ибо обновляется. Люди приходят и уходят, а номенклатура остается. «Прежде всего вы должны понять, что власть коллективна. Индивид обладает властью настолько, насколько он перестал быть индивидом... если он может отказаться от себя, если он может раствориться в партии так, что он станет партией, тогда он всемогущ и бессмертен». Вернее – тогда партия всемогуща и бессмертна: «Неужели вам непонятно, что смерть индивида – это не смерть? Партия бессмертна».

Да, О'Брайен прав: при таких условиях власть внутренней партии несокрушима, внутренняя партия бессмертна, тоталитарный режим непобедим. Что же для этого требуется? В общем-то лишь одно: наличие «критической массы» таких вот О'Брайенов, фанатиков власти, считающих себя лишь клетками партийного организма, готовых физически (не говоря уж – политически, социально) умереть ради выживания всего организма.

Это условие – решающее. И это условие – невыполнимое. Критический, переломный момент наступил, как раз когда система достигла высшей степени развития – в 1937 г. По логике системы ее высшее совершенство и состояло в высшей мере власти – высшей мере насилия – высшей мере террора. Этот террор перемолол «своих», перемолол фанатиков партии и власти. На смену им пришла новая, сталинская номенклатура.

И ситуация сразу же переменилась. Недаром, несмотря на все попытки (ленинградское дело, дело врачей, космополитов и т.д.) нового 37-го, нового «пика Сталина» достичь так и не удалось, не удалось до самой смерти Хозяина. Почему? Думаю, ответ один, и ясным он стал уже в 1953–56 гг.: новая номенклатура не хотела террора, боялась его, саботировала его, инстинктивно не допускала его.

И рука Хозяина, – которому, конечно, никто не смел перечить прямо – повисла в воздухе, очередной «великий перелом» все откладывался и откладывался, пока не подоспело «дыхание Чейн-Стокса»... Системе, чтобы функционировать идеально, требовались особые функционеры – такие, как Старший Брат: сочтающие бюрократическую тупость (сам он называл это «американской деловитостью») и нищенскую «волю к власти» (а это он называл «русским революционным размахом»).

Но такое сочетание противоестественно. Во всяком случае как массовое явление оно невозможно. И бюрократы остались бюрократами. У них нет (или слабы) мотивов параноического, провокационного, садистского насилия, насилия ради насилия. Нет, в дело идут уже иные, более «земные» мотивы.

«...путь, начавшийся с бессеребренников, босых апостолов и фанатиков коммуны, не так уж случайно привел в конце концов к людям, готовым на многие плутни ради богатой дачи, собственного автомобиля, кубышки с деньгами», – писал Гроссман. Конечно, Орвелл не описывает «бессеребренников и босых апостолов», но его О'Брайен – тоже фанатик, да еще какой: «Ни богатство, ни роскошь, ни долгая жизнь, ни счастье – только власть, чистая власть». Однако в новой, поднятой 37-м годом волне номенклатуры таких фанатиков практически не было. Разумеется, власть – прежде всего. Но не просто «власть ради власти». Нет, «из всех качеств у них до предела развито чувство биологического самосохранения и жевательный и хватательный рефлекс... Власть им нужна не для того, чтобы что-то свершить, а для того, чтобы есть, спать. И если взглянуть в их нутро, то там сидит крыса, выра-

шенная до размеров слона. Это-то и дает им силу насилловать людей, природу и верить в то, что они смогут изнасиловать весь мир».

Если из этой оценки, принадлежащей Э.Неизвестному, убрать эмоции, мы получим описание животного инстинкта самосохранения. Власть – ради богатства, роскоши, долгой жизни, счастья и, конечно, ради самой власти. Это и стало реальной программой брежневщины. И достигнув вожделенной цели, они не зря назвали свой золотой век «развитым социализмом», точно по известному анекдоту «партия поставила цель – все во имя человека, все для блага человека. И вот – этот человек (точнее – эти человеки)».

Старший Брат склепал свою систему на совесть, бескомпромиссно. В идеале она рассчитана именно на голое насилие, на голую власть. В центре системы – Гулаг, 101-я комната, всеобщее и тотальное насилие. Это – основа основ. Стремясь к богатству и роскоши, к безопасности и комфорту – для себя, номенклатура тем самым невольно разрушала прежнюю, совершенную систему. Вспомним доклад Хрущева на XX съезде. Осуждались лишь репрессии против высшего эшелона власти, против неприкасаемой номенклатуры. Но начав разрушать «101-ю комнату», разрушили фундамент системы. Определить меру компромисса – и власть сохранить без предела, и гарантировать себе безопасность – именно такую социальную задачу пыталась решить внутренняя партия в годы брежневщины.

Однако компромисс оказался «гнилым». Потеряв ядро – настоящее, кровавое, слепое и всеобщее насилие в 101 комнате – система начала терять страх, а значит, быстро разрушаться. Если воспользоваться метафорой Орвелла, организм и впрямь не может выжить, если каждая его клетка борется за свое личное выживание и расширение. Начинается гниение, застой организма. Начинается декаданс насилия – из классически-кровавых форм оно переходит в производные, косвенные – бесконечные унижения, дефициты и пр.

Именно страх создает питательную среду для двоемыслия, именно страх придает гипнотическую силу идеологическим заклинаниям: «Наш страх – их гипноз», – как заметил Ф.Искандер в «Кроliках и удавах». Уменьшение насилия – застой в идеологии.

Страх выступает и в роли решающего стимула. Как только страх и насилие слабеют, построенная на их основе экономика начинает хромать на обе ноги. Ввести же иные – собственно экономические, добровольно-экономические стимулы – значит окончательно развалить всю систему. Ведь если человек работает самостоятельно, сам на себя, то, простите – в чем же власть внутренней партии? Поэтому дать новые стимулы система не может, на полную мощность включить старые – боится. Итог? Постепенно нарастающий (по мере того, как забывается страх) застой в экономике.

Желание богатства, роскоши приводит к тому, что от общей для внутренней партии коллективной собственности начинают исподволь отколупывать кусочки в частную собственность, растаскивать их по дачам да квартирам. Они жалки эти кусочки, крупный номенклатурный чин по абсолютным показателям живет, как известно, хуже среднего инженера на Западе, куски эти ничтожны и по сравнению с громадой государственной собственности. Все так – но психологически эти мелкие куски важнее для их обладателей, чем вверенные им громадные ломти государственной собственности, чем заводы, министерства, края и области... С этой частной собственностью начинает срастаться и другая – теневая экономика.

Наконец, ослабление страха и погоня за удовольствиями приводят к тому, что возникает желание приподнять (для «своих», конечно) край железного занавеса. А это конец системы – она перестает быть герметической, исчезает аутизм, появляются критерии для сравнения.

Тоталитарное общество начинает перерождаться в авторитарное, в «административно-командную систему» – нестабильное, саморазрушающееся обра-

зование, переходное от тоталитаризма к гражданскому обществу. В нем уже складываются институты олигархического «псевдогражданского» общества – с его семьей, частной собственностью и государством, связанными какими ни на есть, а все же законами и традициями. Всякое общество несет в себе элементы саморазрушения. Особенность тоталитарного общества в том, что оно – лишенное обратных связей с низами – начало разрушаться сверху, благодаря неизбежному перерождению правящей олигархии.

Так Старший Брат разрушает – по мере усиления своей власти – себя как личность. Так режим Старшего Брата разрушает себя – по мере усиления власти – как социальный институт. Нового Старшего Брата внутренняя партия на свою (а значит, и нашу) шею не посадит. «Властилин» в системе еще есть. Властелина – нет. И сама система его уже не допустит. Это и есть то, чего недоучел Орвелл.

«...Не знаю... все равно. Вас ждет крах. Что-то вас победит. Жизнь победит.

– Жизнью мы управляем, Уинстон, на всех уровнях. Вы воображаете, будто существует нечто, называющееся человеческой натурой, и она возмутится тем, что мы творим, восстанет. Но человеческую природу создаем мы. Люди бесконечно податливы. А может быть, вы вернулись к своей прежней идее, что восстанут и свергнут нас пролетарии или рабы? Выбросьте это из головы. Они беспомощны, как скот. Человечество – это партия. Остальные – вне, ничего не значат. Так что за принцип нас победит?

– Не знаю. Человеческий дух.»

Они оба оказались правы – и О'Брайен, и Уинстон. Никто не восстал – О'Брайен тут прав. Но тоталитаризм был побежден человеческим духом – тут прав Уинстон. Просто это оказался дух самих носителей тоталитаризма. членов «внутренней партии»: «Они не такие святые, как изображают... Кто знает, может, партия внутри сгнила, ее культ усердия и самоотверженности – бутафория, скрывающая распад?» Да, если понимать под «распадом» отказ от массового террора, неспособность к нему, то все верно. Это и стало тем проявлением «человеческого духа», которое уберегло нас от окончательного «1984». Не слишком романтическое проявление? Пожалуй. Но зато реальное и вполне человеческое.

Виктория ЧАЛИКОВА (Москва)

МОДЕРНИЗАЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Все попытки сколько-нибудь систематически реформировать наше отечество оборачивалось революционной ситуацией, причем формы ее разрешения от века к веку становились все более грозными, масштабными и радикально-опустошительными. Не ставя оценочных баллов реформам и реформаторам (тут, как говорится, всякой твари по паре), вспомним однако: петровские реформы – стрелецкий бунт; екатерининские, гуманные по форме и глубоко либеральные – так зато уже не бунт, а крестьянская война-пугачевщина; великие реформы 60–70-х гг. XIX века развязали растущий по экспоненте революционный террор, закончившийся полу-революцией 1905 г.; наступившая после этого, наконец, либерализация и парламентская демократизация режима закончилась февральско-октябрьской катастрофой и возникновением фантастической, только в антиутопиях мыслимой геополитической реальности – Соцлага. Наконец, последняя “горбачевская” модернизация обернулась революцией и гражданской войной на юго-востоке страны.

Умозрительно-конъюнктурно эту закономерность принято объяснять "темной и невежеством масс". Но те, кто видел наши "массы" в деле, во время первых митингов, забастовок, избирательной борьбы, в годы "перестройки", должен по совести признать, что дисциплина, организованность, политический такт народа, прожившего почти сорок лет в сталинских бараках и еще тридцать – в брежневском бардаке, были поразительны. Везде – от Степанакерта до Прокопьевска – первой заботой организаторов забастовок и митингов были меры против доступа к водке; на период острых политических конфликтов при одобрении большинства фактически вводился "сухой закон". На грандиозном митинге в Лужниках перед Первым съездом народных депутатов СССР люди, не дыша, слушали длинную резолюцию, написанную известным литератором на уровне академической статьи. И – главное – народ, о котором принято думать, что он ненавидит "профессоров", буквально смотрел им в рот, верил каждому слову, голосовал за них, а не за своего брата-рабочего. Более того, население России, словно и нет в этой стране антисемитизма, под вопли "Памяти" голосовало за очевидных евреев на всех уровнях, где они выдвигались: от районного до республиканского. Я уж не говорю о феномене Сахарова, которого людей учили ненавидеть пятнадцать лет и которого они полюбили с первого взгляда, да так что в лютый мороз по десять часов мерзли в похоронной процессии.

И, тем не менее, стремительно – стремительнее, чем все прежние – модернизация обернулась революцией со всеми ее атрибутами: убитыми, ранеными, бездомными, оклеветанными, стертыми в пыль забвения и бесчестия за считанные месяцы одними и за считанные же месяцы взлетевшими к мировой славе другими. С застывшими на путях поездами; агрессивными очередями у хлебных и табачных киосков; паническим бегством из страны миллионов и внутренней миграцией сотен тысяч. С повисающими в воздухе Указами союзного Президента и мольбой республиканского о "500 днях".

Многие краски революционной живописи 1990 г. словно только что упали с кисти 1914–1917 годов: листовки и брошюры о жене президента, заполнившие Пушкинскую площадь и переходы в метро, жадно раскупаемые и развозимые по стране, буквально списаны с листовок о последней русской царице (вот только про грех с Распутиным там нет: не сообразили еще спроворить ей в любовники члена Президентского Совета с той же фамилией). В больнице сестра говорит врачу: "Делай укол сам, если хочешь: сейчас все равны"; больного обрабатывает грязным инструментом, а на просьбу хоть под краном помыть отвечает: "Все равно у нас неправоное государство", цитируя таким образом мемуары и романы о "незабываемом 1919-ом", которые она не читала. Эта сцена происходила у меня на глазах, и на моих же глазах мирные, разумные люди становились толпой, готовой ко всему. Сейчас все твердят, что это "от дефицита", – однако так же думали и о 1917 годе: породили-де революцию отсталость, голод, проигрыш в войне. Однако, с обнародованием документов, статистики и воспоминаний *разных* современников событий, становится очевидным, что и голод, и разруха, и отсталость были не столько причиной, сколько следствием революции (то есть разрушения общественных связей), которая только завершилась в 1917 г., а шла уже несколько лет в обличье модернизации – как переродившаяся модернизация.

Но почему у нас всегда модернизация оборачивается революцией? У исследователей "третьего мира" есть термин "квазимодернизация". Советские политики, особенно востоковеды, применяют его и к нашей ситуации. Но что же в нас – в России, Украине, Белоруссии, Молдавии, Армении, Грузии – такого уж "восточного", с нашей европейской художественной и научной культурой, с почти поголовной грамотностью населения, с нашими малодетными семьями? Конечно, определение СССР как "Верхней Волги с ракетами" остроумно и самокри-

тично, но, если говорить серьезно, какая же мы Верхняя Вольта? В Верхней Вольте нет не только ракет, нет и такого количества интеллектуалов.

Риску предположить, что в этом последнем, всегда сильно и активном в России слое, и кроется главный фактор превращения модернизации в революцию. По непревзойденному определению Орвелла, революция есть борьба среднего класса с высшим за власть при кратковременном — в момент переворота — участии низшего класса, впоследствии устраняемого и закабаляемого. Действительно, такова была тенденция всех европейских революций, но они этой тенденцией не исчерпывались, и квазимодернизация с фашистской диктатурой имела место в Европе лишь в небольших регионах и на короткое время. Средний класс в Европе в массе своей не был столь амбициозен в интеллектуальном отношении, как в России. Под интеллектуализированностью я имею в виду, разумеется, не образованность и не интеллигентность, а то, что Ирвин Хоу назвал "непереносимостью к чужой, в особенности государственной, власти", заметив, что "именно это свойство отличает интеллектуалов от всех остальных людей". Хоу отмечает, что западные интеллектуалы "стараятся держать себя в узде". (А когда срываются, — добавлю от себя — мы видим Ульрику Майнхофф и Ренато Курчо — интеллектуальных лидеров террористов). Это свойство провидчески уловил наш Пушкин: "Давай народ искусно волновать", — говорят бояре в "Борисе Годунове", а царь вздыхает: "Живая власть для черни ненавистна". Но мы понимаем: это и придворная чернь.

В России всегда был специфический слой *люмпен-интеллектуалов* — людей, поразительно сочетающих образованность с невежеством, современность облика и манер с архаичностью мышления. Поэтому бессмысленно анализировать сегодняшнюю ситуацию в терминах борьбы между "западниками" и "славянофилами". Мне уже приходилось писать об этом в горизонтальном срезе. Здесь меня интересует вертикально-иерархический срез проблемы. Модернизацию от революции отличает прежде всего *лояльность духовного авангарда общества к структурам власти*. Она не всегда возможна. Если правитель — воинствующий архаист, а актив общества — модернизаторский, компромисс нереален. Западническая, модернизаторская интеллигенция Ирака не может быть лояльна к Саддаму Хуссейну, как иранская не могла быть лояльна к Хомейни: бессильная бороться, она эмигрировала.

Но Горбачев — как бы к нему ни относиться — никак не Хомейни. Сказать, что ему "противно бывать в Америке и в Европе", что "он там не в своей тарелке", — ни у кого язык не повернется: очевидно обратное. И факт, что мы уже не безотказные друзья "Востока", и что именно при нем прекратился государственный официальный антисемитизм (отсюда и "Память", и ее неофициальная поддержка сверху). Люди, которых не брали на работу в научные учреждения из-за "пятого пункта", становятся руководителями (что, разумеется, не снижает уровня эмиграции: погибнуть от погромщиков можно в любом звании). И что же: русофил, антизападник и антисемит Распутин в высшей степени лоялен к этому "продавшему Россию" и "женатому на татарке" лидеру, в то время как многие люди, одетые в джинсы и свитера и считающие даже чисто ботаническую любовь к березам признаком "скрытого шовинизма", многие пламенные прибуны перестройки считают именно Горбачева главным тормозом движения по пути модернизации.

В данном случае — дело не в идейной ориентации, а в психологической. Как правило, личности, глубоко страдающие от тоталитарной власти, вполне спокойно переносят авторитарную. А всякая власть авторитарна, как всякое масло — масляно. Неслучайно многие вчерашние диссиденты и оппозиционеры работают в комиссиях парламента, а некоторые вчерашние ответработники идеологии, следователи по особо важным делам и генералы КГБ бунтуют. В прежние времена они были обязаны власть любить: обязанность любить всегда обнаруживает себя как ненависть, когда проходит страх. И они нашли *в народе* то агрессивно-непослушное меньшинство, которое ненавидит *всякую* власть. Вчера обожавшее Попова и

Собачка, это *меньшинство* возненавидело их, когда те стали мэрами, а Ельцина оно уже называет "предателем".

Зовут ли сегодняшние крайние страну к насильственному ниспровержению строя в той форме, как это делали большевики? Нет, не зовут: кроме Николая Иванова, ни у кого в речах "залп Авроры" и "штурм Зимнего" в качестве положительного образца не фигурирует. А Валерия Новодворская в каждом выступлении подчеркивает: "Мы за революционно-демократический переворот, но без революционного насилия".

Но при этом она и некоторые другие утверждают две вещи:

1) Сегодня у власти стоят фашисты масштаба нацистских преступников, казненных по приговору Нюрнбергского трибунала.

2) Эти преступники ни за что не отдадут власть добровольно.

Но если это так — *революционное насилие неизбежно*, — хотя бы в силу естественной нетерпимости нормального человека к злодейству. Вспомним: даже исповедующий христианское смирение и непотворение злу Алеша Карамазов *готов убить* помещика, затравившего малого ребенка собаками. Как же нормальным людям не захотеть уничтожить тех, кто приказал зверски убить не одного ребенка, а 16 женщин и девушек в Тбилиси и сотни в Баку, тысячи в Средней Азии? Поэтому одно дело назвать трагедию в Тбилиси преступлением и совсем другое — указать на наличную власть как на *сознательных* палачей.

Мне не раз в последние годы приходилось видеть, как плачут люди, слушая рассказ о подробностях убийства последнего царя, его жены и детей. Но во времена, когда этот ужас свершался, никакие подробности не выжали бы ни слезы у большинства. Ненависть к этой семье была так велика, убеждение, что она нарочно льет моря народной крови так прочно, что не оставалось места для жалости. Не жалко же никому сегодня Чаушеску с супругой! Я еще помню рассказы старших о том, как перед революцией маленькие гимназисточки шептались на переменах о проклятой царице и желали ей смерти. Это не снимает ответственности ни с тех, кто отдал приказ, ни с тех, кто его исполнил в Екатеринбурге, но это объясняет, почему тогда просто было отдать такой приказ...

Если есть море ненависти — поплывет и корабль насилия. Это уже не будет зависеть от желания капитанов: волна понесет. И нельзя будет сказать волне: остановись, хватит, мы учили ненавидеть старую власть, а теперь ведь новая. Волна не слышит, не видит, не понимает. Ее можно остановить только плотиной перманентного государственного террора, что и сделал в конце концов Сталин. И будет новая власть, и новый железный порядок, и новое поколение мятежных духом интеллектуалов будет проклинать "этот рабский народ", эту "проклятую восточную покорность" и думать: мы-то не рабы. Но разве *рабство перед собственным инстинктом* — не проклятие? Я с 15 лет искала жертвенник, на который можно было бы положить свою жизнь, — рассказывает Новодворская интервьюеру, и он, не будучи политически ее единомышленником, замечает, что все-таки это трогательно! В пятнадцать лет это трогательно, но взрослому человеку надо понимать, что поиск жертвенника *для себя* неизбежно означает желание нестабильной ситуации *для всех* иначе где и к чему жертва (если речь идет именно о политическом попрании — есть ведь и другие места для жертв: вот некому работать в больницах, где лежат больные СПИДОМ малыши)? Я знаю нескольких человек, *боявшихся* в первые спокойные годы, что перестроечный период быстро кончится созданием нормального общества, и "у меня снова начнется депрессия". Депрессия — страшная вещь, но представим: каково жить в семье, один из членов которой физиологически может существовать только при капитальном ремонте? Люди такого типа имеют право на самовыражение в определенных рамках, и уж, конечно, по отношению к ним должны строго соблюдаться права человека. Но мы, обычные люди, вполне способные жить без подвигов, не имеем права из страха показаться реакционными слепо поддерживать их призывы.

”Запад есть Запад, Восток есть Восток”, — сказал некогда поэт, откровенно служивший Западу, но любивший Восток. На самом деле, отрешившись от вестернистских предрассудков, мы должны признать, что история Запада была не менее кровава и иррациональна, чем история Востока. *Только после Второй мировой войны* можно говорить о *качественной* разнице между Западом и Востоком, потому что только с тех пор уже — не сглазить! — 45 лет западные страны не воюют друг с другом так, как воевали Иран с Ираком. Только 45 лет можно говорить о действительном приоритете Запада с точки зрения цивилизованности как иммунности к межгосударственной войне. Да и то относительной цивилизованности, поскольку дерутся-то западным оружием: даже когда оно из СССР, оно — западного качества, потому что оборонная промышленность у нас наиболее модернизирована технически, да и рабочий там ближе всего по квалификации к западному.

Так что дело не в нашей ”восточности”: этническая восточность ничему не мешает, как показывают примеры Японии, Сингапура и т.д., — ни рынку, ни плюрализму. Перестройки у нас оборачиваются революциями по другой причине — из-за непрочности, слабости, узости реформаторской базы. Безвременно ушедшему из жизни историку России и русского реформаторского и революционного движений Натану Эйдельману принадлежит четкая формула: залог успешной реформы — *союз реформаторских сил* наличной власти с экономическим и духовным авангардом общества, то есть с наиболее энергичными производителями материальных благ и наиболее способными к пропагандистской, просветительской и организаторской деятельности интеллектуалами.

Ряд наших выдающихся интеллектуалов использовал гласность для внедрения в массовое сознание идей и опыта рынка, демократии, для возрождения культурных ценностей — светских и христианских. Но многие вместо этого ”искали” вместе с Гдляном какой-то тайник с разоблачающими документами или считали платя в шкафу у Раисы Максимовны (признаваясь знакомым за чашкой кофе или рюмкой, как их от этого занятия тошнит, но — что поделаешь — политика!).

Слава Богу, получив какую-то власть, самые умные и ответственные из них бросили это дело и попытались заняться реформами. А в стране-то уже революция. И уже одна мысль: хоть Европейскую часть, славянские республики спасти от ужасов Оша, Ферганы, Сумгаита. Так мечтается Солженицыну: обустроить Россию. Но рушится и геополитическое единство России: Урало-Поволжья, Сибирь, Крайний Север с их золотом, нефтью и алмазами хотят государственного суверенитета; и Украина хочет быть самостоятельным государством. А там везде русских и русскоязычных — миллионы и, став беженцами, униженными и оскорбленными, эти люди от отчаяния сорвут самую прогрессивную экономическую программу. Правительство Рыжкова не хочет или не может проводить радикальные реформы — это ясно. Но всего два года назад Рыжков стоял на одном из первых мест по доверию к нему, а имя Абалкина — единственного, заявившего партийной конференции, что однопартийная система экономически обречена, — произносилось с благоговением. Ни горбачевско-ельцинское, ни ельцинско-травкинское, никакое другое правительство не сможет *проводить реформы во время революции*: это так же физически невозможно как загорать под проливным осенним дождем. Это понимает Ельцин: смена его тактики после избрания — не предательство, а результат этого понимания.

Будем же молить Бога, если он может, остановить революцию и помочь реформе. Будем помнить, что формула русской революции — союз мятежных интеллектуалов с агрессивно-непослушным меньшинством населения при злорадном торжестве реакционных сил.

О ЛЮБВИ, ЗАКОНЕ И ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Сначала нам все было понятно. У нас — не так, как у них. У нас все гораздо лучше, правильнее, социально-справедливее, демократичнее. У нас социализм, и все для блага человека. Для нас главное — это нравственность. Не какой-то там чистоган, какая-то буржуазная прибыль. Главное — это совесть. Совесть — лучший контролер. Она обеспечивает и современные поставки, и четкое выполнение обязанностей, и бережливость, и производительность. Совесть, рабочая честь, честь советского человека и разные другие виды чести. А еще порядочность, еще непримиримость к недостаткам, принципиальность, гордость, ответственность и другие прекрасные качества... У нас сначала всего этого было так много — и в абсолютных цифрах, и на душу населения, — что мы прекрасно обходились без товарно-денежных отношений. Производство и экономика у нас были подчинены нравственности.

Это уже потом выяснилось, что рабочая совесть, конечно, есть; и соревнования, и победители, и доски почета с рабочей честью и гордостью, и передовики с наградами и орденами — все это есть. Но есть еще и Чернобыль, и крушения поездов, и 80% брака, и неспособность конкурировать с Гонконгом, Тайванем, Южной Кореей — и уж конечно, с Японией, США, Англией, ФРГ и еще кое с кем. Еще есть хищения, или, если по-простому, поголовное воровство. Есть, конечно, "доверие народа оправдаем!", "план — закон", потому что интересы народа требуют... Но есть и огромные приписки. Причем не отдельными несознательными гражданами или какими-нибудь вконец разложившимися бригадами и участками — нет, целыми предприятиями, где директора утверждали на самом верху, а секретаря парткома настоятельно рекомендовали такие высокие руководители, пекущиеся о народных интересах, что даже подумать страшно. Приписки и целые мафии с присвоением в частную собственность районов, областей, а то и союзных республик. А экономика тем временем... Да что про нее говорить, вы и сами все знаете.

Теперь, однако, все переменялось. Мы поняли, что экономикой нельзя подчинять нравственности. У нее свои, экономические законы. Лучше мы нравственность, культуру и т.п. подчиним экономике.

Жить сразу стало необычайно интересно. На телевидении, в газетах, журналах и книгах появились захватывающие истории о наших согражданах, продающих свою любовь на экспорт и зарабатывающих валюту. Не только для себя, но "где-то" и для нашей страны, которая иначе была бы вынуждена зарабатывать валюту, нужную для покупки продуктов и товаров, продажей сырья и топлива. Если же эти ночные красавицы, эти жрицы любви иногда продают любовь и на внутреннем рынке, то и тут следует приветствовать их самоотверженную работу по удовлетворению постоянно растущих потребностей нашего народа. Естественно, что всем нам очень важно услышать их собственные суждения об особенностях их работы, о том, чем она привлекательна, какие в ней есть трудности и недочеты, а равно узнать их взгляды на жизнь... По-видимому, в ближайшее время удастся вырвать это большое и нужное дело из рук рэкетиров и других представителей организованной преступности. И тогда можно будет рассчитывать на создание под эгидой закона кооперативов "Любовь" и домов, где публика получит возможность после напряженного трудового дня...

Нет, не опасность импорта в нашу страну СПИДа или буржуазной идеологии волнует меня в данном случае, не социальная несправедливость, когда одни женщины почему-то "имеют все", а другие, ничуть их не хуже, таскаются по очередям, едят что попало, давятся в автобусах, горбатятся на работе и пр. Волнуют меня проблемы чистой лингвистики. Если это — любовь, вернее, если любовью называются именно эти производственные отношения, то какое слово применить к Татьяне Лариной, Анне Карениной, Джульетте и т.д.?

Думаю, не грех вспомнить, что любовь, включенная в сферу товарно-денежных отношений, называется "продажной". Что дамы, занимающиеся этой высокоприбыльной (да и высококорентабельной — прибыль на единицу фондов-то ого-го!) деятельностью, называются — при всем к ним уважении — "продажными женщинами". Что кооператив, если нам его вздумается организовать, лучше бы назвать "Шлюха". Или, если убрать негативные оттенки, — кооператив проституток, а помещение, где эти дамы трудятся, — просто публичным домом. Без всяких отрицательных эмоций. Просто такое название — вполне, кстати, литературное.

Почему мы перестали понимать элементарные вещи в области нравственности? Ведь проституция — древнейшая профессия. Проститутка, кокотка, содержанка, шлюха и должна зарабатывать, продавая свое тело. Не потому, что цена "обоснована" стоимостью "приклада" — интерьера, напитков и пр. Цена высока, потому что таков рынок. Ведь торгует она запретным плодом. Цена высока, пока не только официальная (официозная), но и просто общественная (общепринятая) мораль отвергает продажность; пока покров тайны необходим не только для постели (что понятно), но и для заключения сделки. Цена высока, пока предложение сравнительно невелико. И не из-за того, что нет у нас привлекательных женщин, а просто потому, что порядочность еще сохраняет для многих из них известную привлекательность. Цена высока, пока платежеспособный спрос (и валютный, и в неконвертируемых рублях) высок по сравнению с предложением. А высок он опять-таки потому, что к роли женщины в товарно-денежных отношениях общественное мнение относится (пока еще!) с брезгливостью, а к роли мужчины — вполне терпимо.

Но ничего! Мы уверенно идем к эмансипации, стараемся понизить порог нравственности и сделать "труд" женщины в этой сфере социально привлекательным. Зачем? Чтоб увеличить предложение и насытить рынок? Чтобы сбить цену и сделать более доступным данное благо? Там, где надо тревожиться о нравственности, мы глубокомысленно размышляем о рынке, о ценах. Цены, ценообразование вообще нас стали сильно волновать. Не только в этой, но и во всех других сферах потребления, предложения, спроса и производства.

Боюсь, нам только кажется, что нас волнует теория ценообразования. Нас даже и практика не очень волнует. Нам просто очень не нравится, что все дорожает и, похоже, будет и дальше дорожать. Нам цены не нравятся. Да что там "не нравятся", мы ими возмущены. Мы считаем, что цены бессовестные, грабительские и пр.

Я не буду сейчас обсуждать, откуда берутся цены, отражающие, кстати, реальность не менее объективную, чем долгота светового дня, осадки, скорость ветра или температура воздуха. Погодой, конечно, тоже можно возмущаться, требовать установления справедливой температуры или принимать декреты (разумеется, с привлечением самой широкой общественности) о том, когда именно должно всходить или заходить солнце. Не о ценообразовании я говорю, а о "бессовестности". Как только совесть включается в сферу товарно-денежных отношений, она сразу же приобретает цену, она немедленно начинает продаваться... И приобретает другое (но знакомое) название: продажность. Можно, конечно, говорить, что кто-то "продал свою совесть", "торгует совестью". Но, граждане, эта штука не продается; особенно — много раз. Или она есть, или ее нет.

А вот когда ее нет, тогда продается что-то другое: голос, подпись, должность, квартира или дефицит, который продающий взялся распределять в интересах справедливости, в интересах дела, в интересах общества, народа, — а распределяет в собственных интересах. То есть присваивает все это добро — должности, квартиры, справедливость, дефицит — в свою частную собственность и продает. Если же говорить о присвоении государства, государственной машины, то такой человек, по определению Маркса, бюрократ, а если о продаже, то, по определению уголовного кодекса, — взяточник. И совесть тут абсолютно ни при чем. А мы призываем к совести и там, где надо обращаться в суд, и там, где вообще никуда не надо обращаться, где вместо того, чтобы призывать и обвинять, надо разумно организовать производство.

Путаницу, неразбериху в манипулировании понятиями и словами из сфер нравственности, законности и экономики я сравнил бы с попыткой играть в игру, где участвуют игральные карты, костяшки домино и шахматные фигуры, да еще и требовать, чтобы все делалось на бильярдном столе с хорошими киями, и главное — по правилам!

Мы пользуемся лексиконом нравственности, когда речь идет о понятиях экономики и законности. И наоборот, приучаемся не пользоваться этим лексиконом, не думать даже о нравственности, когда речь-то должна идти только о ней, а уже потом о выгоде, рентабельности и т.п. Потом, когда мы будем убеждены, что с нравственностью все в порядке.

Самая показательная сфера здесь, конечно, журналистика. Если вспомните — "вторая древнейшая профессия". Раньше, давным-давно, когда мы были совсем маленькими, мы считали: правда — это то, что пишут в газетах и журналах. Теперь-то мы знаем, что в газетах второй половины 20-х годов, в газетах 30-х, 40-х, 50-х, второй (да и первой) половины 60-х, в газетах 70-х годов и первой половины 80-х не все и не всегда было правдой. Встречались "тенденциозные публикации", "предвзятость в освещении событий", "парадность, рапортомания, показуха" и проч. Да и сейчас еще кое-где порой некоторые авторы в отдельных публикациях кое-какие факты излагают не совсем точно, а иногда и несколько односторонне...

Но, помилуйте, если в газетах не публикуется правда, то, значит, публикуется ложь. Вранье, грубо говоря. Или клевета, если хотите. Клевета, оскорбления через газету — это диффамация. Это не взгляды и мнения, которые надо обсуждать, а деяние, предусмотренное уголовным кодексом, за которое по меньшей мере платится штраф.

Правда, у нас одни газеты помещают клеветнические или лживые сообщения, другие пишут о клеветниках, выводя их на чистую воду; иногда даже суды рассматривают эти дела. Рассматривают, рассматривают, а потом прекращают рассматривать — если только речь идет не о событиях сугубо бытового уровня.

Слово "клеветники" мы используем как ярлык, а не для квалификации преступной деятельности или обвинения в преступной деятельности. Вот, например, случай, описанный в журнале "Коммунист". Группа членов партии обратилась с письмом к пленуму Лужского горкома КПСС. В письме они призывали участников пленума не избирать коммуниста Гребнева на пост первого секретаря горкома, который он уже занимал 18 лет. И не потому, что он консерватор, утративший способность воспринимать новые идеи, и т.п. А потому, что он покрывал преступников в торговой сети и попустительствовал им. Авторы приводили конкретные факты, фамилии, ссылались на документы и все такое.

В своей резолюции пленум заклеил авторов письма, назвав их клеветниками, интриганам, демагогами и пр., объявив, что своему товарищу Гребневу коммунисты безгранично доверяют и будут доверять впредь. Об антипартийной подстрекательской деятельности этой группы узнала не только Луга, но и вся ленинградская область. Позже, после вмешательства журнала и высоких представителей центра, первый секретарь Гребнев почувствовал, что устал от напряженной работы, и согласовал с обкомом свой уход на пенсию.

А еще позже выяснилось — новый пленум горкома это признал, — что восемь авторов письма никакие не интриганы, не демагоги и не клеветники, потому что все в их письме чистая правда. Их не только признали честными коммунистами, но и объявили о том, что они не клеветники, во всех 156 парторганизациях, подчиненных горкому.

Все? Справедливость восторжествовала? Конечно. И все-таки впечатление такое, что мы никогда и не слышали о законности, а рассуждать умеем только о нравственности. В самом деле, если они не клеветники, то оплевывание их через зачитывание в первичных организациях документов и местную печать — диффамация, оскорбление чести и достоинства. Кто-то ответил за это по суду? Не партийным

порицанием, признанием ошибки, а штрафом или сроком (пусть даже условным)? А еще раньше, когда высокие лужские начальники утверждали, а газеты сообщали, что восемь авторов письма — клеветники... Но ведь клевета — подсудное дело. Почему же их ругали, а к уголовной ответственности не захотели привлечь?

Разумеется, судью, прокурора и еще кое-кого из судебных можно было вызвать на бюро горкома и убедительно "посоветовать". Однако испугались: мало ли что, вдруг центральная пресса дознается или как-то иначе просочится...

Дальше. Если выяснилось, что все, что они писали, — правда, если бывший первый секретарь впрямь сообщник воров, то при чем тут "усталость"? Ведется ли следствие по его делу? И, кстати, как с партийным билетом?

Чтобы торжествовала демократия — опора здоровой экономики и здоровой нравственности, — закон должен стать законом. И вот у нас возникла необычная идея: создать на нашей территории правовое государство. Для начала мы объявили борьбу против "телефонного" права. Ну, не то чтобы очень уж "борьбу", но стали об этом говорить и возмущаться. Фельетоны, плакаты, смелые разоблачения на тему о том, что "оттуда позвонили (ну, вы меня понимаете) и сказали..." А я слушаю, слушаю и не понимаю. В чем все-таки смысл этого "телефонного" права? Скажем, представитель райкома, исполкома, обкома — пусть даже секретарь — позвонил и просто поинтересовался. Почему? Потому ли, что беспокоился о деле или лично знал человека, судьба которого решалась? Или это его родственник, сын, например. Почему нельзя звонить? Незтично? Говорите, противоречит партийной этике? А где свод этой этики? Вы считаете — противоречит, а я, допустим, не считаю.

А вот человек на том конце провода обязался, может быть, даже поклялся подчиняться только закону. Так что у него обязанность есть, и законом подкрепленная. И если вопрос о том, нарушает ли закон тот, кто звонит, — дело спорное, то вот кто слушается, — нарушает бесспорно. Конечно, звонил начальник или "сам". И велел отпустить или, наоборот, посадить на 15 суток, или на год?! А послушаться нельзя, потому что...

Погодите. А если бы начальник велел пристрелить? Выполнили бы? А если бы он велел всю семью прирезать немедленно? Ничего? А если бы всех в вашем учреждении повесить? Очень бы огорчились, но выполнили бы, да? А что делать, говорите? Ну, а если бы он повелел вам лично выпрыгнуть из окна девятого этажа?

Тут-то бы вы отказались, ибо не имеет права! Да Господи, он с самого начала ни на какие указания права не имел. Это вы, вы лично, ему право дали — тем, что согласились слушаться.

Давайте же думать не почему он позвонил, а почему вы согласились, не решились послушаться. Как почему?! Не хотел неприятностей, с начальством не хотел ссориться. Вот причина. И не надо выдавать себя за слугу закона, если ты всего лишь лакей начальника. Не надо рассуждать о принципиальности, если ты лишен элементарной порядочности. Не стоит заменять правом нравственность — иначе у нас не будет ни того, ни другого.

Мы сейчас глубокомысленно рассуждаем о степени вины тех, кто во времена сталинских репрессий "закладывал" друзей и знакомых, кто просто называл любые имена, чтобы только перестали пытаться.

А сейчас-то что? Чем питается страх? Будут пытаться? Отправят в лагерь? Нет. Просто в должности не повысят, из избирательного списка вычеркнут, пропуск в спецраспределитель не продлят...

Об этом и давайте думать. О том, на что человек готов ради куска колбасы. Кстати, что он, с голоду боится помереть? Нет, просто боится перейти на другой уровень. А совесть? Со своей совестью всегда можно сговориться.

И снова лингвистическая проблема. Если правда — это то, что писали центральные газеты о событиях в Эстонии, Белоруссии, Азербайджане, Армении, как же тогда назвать "то, что соответствует действительности, что есть на самом деле"? (Толковый словарь под ред. Ушакова.)

Я не считаю имама Хомейни политическим деятелем, достойным подражания, но уж бескомпромиссности, неподкупности, наверное, у него стоит поучиться. Бовин писал о нем: "Директору газеты "Этгелаат", который извинялся перед Хомейни за то, что по указанию режима вынужден был опубликовать ложное сообщение, аятолла ответил: "Если действительно кто-то может тебе сказать, что нужно писать, то никто не может заставить тебя оставаться журналистом"."

И среди чиновников, и среди судейских, и среди газетчиков полно людей, которые поступают так, как скажут, велят, намекают. Их прекрасно описал когда-то Мопассан в своем маленьком эссе "Мужчина-проститутка". И вряд ли стоит во всем винить тех, кто платит. Не "телефонное право", а элементарная продажность в первую очередь виной тому, что мы так мучительно (и с переменным успехом) пытаемся делать первые шаги в гласности, демократизации, законности, в свободе слова.

В стремлении никого не обидеть, всех уважать, охранять честь и достоинство каждого (похоже, кроме честных и достойных людей, если судить по известным из газет судебным делам) мы не просто пользуемся, мы же друг другу головы задуриваем эвфемизмами. Мы, мы сами понижаем порог нравственности, когда в "Новостях" скорговоркой сообщается о трупе новорожденного в мусоропроводе, о кровавых убийствах. Это все происшествия, хроника...

Мы понижаем уровень нравственности, когда не просто рассказываем об определенном роде женщинах со всей возможной деликатностью, но и глубоко вникаем в их душевные переживания типа: "Как же я могла не пойти на панель (ой, простите, в компанию с иностранцами), если хочу хорошо одеваться и нормально есть?!"

Ну, хочется по телевидению, в газете, в книге поговорить не о любви (не найти нигде сюжета, который подошел бы публике, на который она бы "клюнула"), хочется о проститутках? На здоровье. Но хотите говорить о пороке, так и говорите о пороке, а не щекочите публике пятки. А то ведь не "отсутствие оппозиции" получается, не "журналистская объективность", а снова элементарнейшая продажность.

Экономика, нравственность, право — они, конечно, взаимосвязаны. Однако нам всегда необходимо ощущать, что они остаются сами собой. Мы все в глубоких раздумьях: что же нам делать? Как жить в эпоху перестройки? Пробовали подчинить экономику нравственности — экономика разваливается, нравственность перестают воспринимать всерьез, а под прикрытием замечательных лозунгов расцветает коррупция, и получается "застой". Пробуем наоборот: нравственность подчинить экономике, — нравственность в итоге исчезает вовсе, экономика вроде бы где-то улучшается (говорят, есть такие местности), но коррупция перестает нуждаться в лозунгах, организованная преступность нагнет, все более широкое хождение приобретают профашистские "идеи".

Что же чему подчинить? А не надо экономику и нравственность подчинять друг другу. Давайте подчинять и подчиняться только закону. Пусть экономика развивается сама — у нее достаточно внутренних стимулов: рынок, аренда, индикативное планирование, самоуправление, акции и пр.

И нравственность тоже имеет и свою основу, и свои традиции, и собственные ценности.

Нравственность без экономики жалка — когда зарабатывать хорошие деньги можно только продажностью. А экономика без нравственности нелепа. Это экономика, ориентированная на лозунг: "Рви!" Без соблюдения каких-либо экологических и прочих приличий. Вообще более или менее серьезные инвестиции рассчитаны на эффект в будущем, на будущие поколения. А с будущим в товарно-денежные отношения не вступишь. Тут важна нравственность.

Чтобы мы перестали глумиться над нравственностью из экономических соображений и над экономикой — из нравственных, нам надо научиться не только называть вещи своими именами, но и отделять одно от другого. ●

События последних лет доказали, что социалистическая система хозяйствования порочна в принципе, что ни одна из ее моделей – советская, венгерская или вьетнамская – не выдерживает сравнения с экономикой свободного рынка.

Конечно, в кубинском опыте есть немало специфического. Однако при всех отличиях – в условиях жизни, методах, лозунгах – советский читатель, несомненно, заметит поразительное сходство в главном. И это, может быть, позволит ему лучше понять некоторые важные аспекты собственной истории.

Характерная особенность кубинской революции – частые и многочисленные изменения экономического курса. За 30 лет страна прошла шесть стадий, каждая из которых заметно отличается от предшествующей. 1) 1959–60 гг. – ликвидация капиталистического хозяйства; 2) 1961–63 – неудачная попытка использовать централизованное планирование и командно-административную модель, характерную для советской экономики до 1965 г.; 3) 1964–66 – поиски альтернативных моделей социалистической экономики и их испытание. В частности, попытки внедрить «моральную экономику» Гевары, основанную на мобилизации народа, противопоставив ее нерешительным советским реформам 1965 г.; 4) 1966–70 – безуспешная попытка использовать коренным образом переработанные модели Гевары и другие нововведения Кастро; 5) 1971 – середина 80-х – сдвиг в направлении умеренного варианта догорбачевской реформы: создание Системы управления и планирования экономики (СУПЭ); 6) с середины 80-х – «Процесс исправления» (ПИ), заключающийся в полном изменении предшествующего курса, то есть в отказе от децентрализации и использования рыночных механизмов.

Легко заметить, что перемены в экономической политике Кубы происходили чаще, чем в большинстве других социалистических стран, за исключением Китая. Ученые спорят о темпах экономического роста в условиях революции, однако большинство сходится на том, что до последнего времени самые низкие показатели роста пришлось на период применения видоизмененной модели Гевары, тогда как наиболее высокие результаты были получены в 70-е годы, при использовании модели СУПЭ.

Некоторые специалисты считают, что курс ПИ представляет собой компромисс – попытку выработать промежуточную модель, исключающую как идеологические ошибки 1966–70 гг., так и чрезмерный «материализм» СУПЭ. Ясно, однако, что новая политика тяготеет к идеалистическому решению и прямо противоположна реформам, проводимым ныне в СССР, восточноевропейских странах и в Китае. Ключевым здесь является вопрос о том, приведет ли последняя контрреформа Кубы (ПИ) к замедлению роста экономики, что уже имело место и на самой Кубе в 1966–70 гг., и в других социалистических странах, проводивших аналогичные эксперименты.

Трудно с уверенностью назвать дату начала «процесса исправления». Некоторые относят его рождение к 1982 г., когда Кастро выступил с критикой

свободных крестьянских хозяйств и самостоятельной деятельности мелких собственников. Другие ведут отсчет с осени 1984 г., с момента создания из людей, пользовавшихся особым доверием Кастро, так называемой «Центральной группы». В результате всеильный прежде Центральный совет по планированию лишился многих своих важнейших полномочий и был отстранен от разработки пятилетнего плана 1986–90 и последующих лет. Стремясь подчеркнуть независимость нового курса Кубы от экономических реформ Горбачева, вице-президент страны Карлос Рафаэль Родригес заявил: «Точности ради скажем, что мы приступили к нашей программе реформ в конце 1984 г., когда о перестройке не было и речи». Для Кастро «процесс исправления» начался с Третьего съезда Компартии Кубы, когда реформы в других социалистических странах уже шли.

В настоящей статье дается анализ причин, побудивших кубинское руководство провозгласить новый курс, рассматриваются его цели и последствия как для самой Кубы, так и для окружающего мира.

1.

Выступления Кастро содержат многочисленные ссылки на идеологические и политические причины, побудившие его прибегнуть к такой мере, как «процесс исправления». Напомним, что за годы правления Кастро сосредоточил в своих руках огромную власть: он председатель Государственного совета и Совета Министров, первый секретарь ЦК партии и главнокомандующий вооруженными силами. Достаточно часто он брал на себя и прямой контроль над важнейшими экономическими органами страны. При этом он всегда выступал как убежденный сторонник политики трудовой мобилизации и морального стимулирования и противник свободной экономики. Так, в 1986 г., когда ему исполнилось 60 лет, он назвал ПИ средством, призванным спасти революцию от возврата к капитализму.

Тем не менее совсем не просто определить, какую роль тут играли соображения чистой идеологии, а какую – боязнь Кастро утратить хотя бы частицу его неограниченной власти.

Защищая собственный вариант перестройки, Кастро сослался на идеи Че Гевары: «Че был в корне против использования и развития экономических законов и категорий капитализма для построения социализма... В определенный период некоторые идеи Че были неверно истолкованы и применены. Конечно же, не было предпринято ни одной серьезной попытки осуществить эти идеи, и настал момент, когда идеи, совершенно чуждые экономической мысли Че, начали брать верх... Многие идеи Че абсолютно уместны и сегодня».

В действительности эти идеи в 1963–65 гг. были использованы самим Геварой в одном из секторов кубинской экономики, а позднее их пытался реанимировать (в 1966–70 гг.) Кастро. Однако ни к чему хорошему это не привело. Именно поэтому в начале 70-х годов Кастро от них отказался, объявив их левым уклоном и более десяти лет придерживался ортодоксальной советской модели, ставшей теперь объектом его критики.

Правда, поворот начался еще до Горбачева. В 1982 г. «Гранма» опубликовала серию статей, прославляющих коммунистическую созидательность и призывающих к воспитанию «нового человека», развитию идейного наследия Че Гевары. Но настоящее развитие эта кампания получила только в 1986–87, когда многие кубинские газеты и журналы напечатали статьи, посвященные Че.

Основной мишенью в борьбе против «поворота вправо» стал Умберто Перес. Этот экономист, прошедший обучение в СССР, в 1975 г. возглавил группу технических специалистов, занимавшихся разработкой и внедрением СУПЭ, затем стал председателем Центрального совета по планированию (ЦСП) и вице-председателем Совета Министров. Полное осуществление его идей привело бы к децентрализации процесса принятия экономических решений, перехо-

ду основных функций управления от Кастро и его группы к руководителям государственных предприятий. Перес практически был смещен со своего поста осенью 1984 г., когда была создана «Центральная группа», хотя номинально какое-то время сохранял свою должность.

Без восторга приняв идеи Кастро, Перес в марте 1985 г. заявил, что политика, проводимая его ведомством, была основана на руководящих указаниях Кастро и если поставленные им цели (приоритетный экспорт определенных товаров, замещение импорта внутренним производством, повышение эффективности и т.д.), не были достигнуты, то виной тому трудности подготовительной стадии и препятствия на пути их осуществления. При этом он решительно защищал саму систему.

В мае 1985 г. на четвертом общенациональном съезде, созванном специально для оценки СУПЭ, Перес продолжал отстаивать свою точку зрения, согласно которой осуществлению реформы мешали механизмы, «сообща действующие против необходимой и возможной децентрализации процесса принятия экономических и технических решений».

Выводы были сделаны незамедлительно. Уже через месяц Перес был уволен с должности председателя ЦСП, а в конце 1987 г. удален из Центрального Комитета партии, подвергся публичной критике со стороны Политбюро и был отдан на суд комиссии, возглавляемой Раулем Кастро. Обвинения были достаточно жесткими: «ошибочные взгляды, методы и отклонения, допущенные при планировании национальной экономики» и защита им своей позиции, «основанная на формальном признании и оправдании второстепенных ошибок и уклонении от ответственности за самые главные просчеты, допущенные при его прямом руководстве».

Вице-президент Карлос Рафаэль Родригес, лидер дореволюционной просоветской коммунистической партии Кубы и главный оппонент Гевары в экономических дебатах 60-х годов, чье имя обычно связывается со взглядами технократов-прагматиков, смог, однако, сохранить свое высокое положение, ибо ловко избегал любой конфронтации с Кастро. В речи на съезде писателей и художников в начале 1988 г. он сумел, одобрив на словах «процесс исправления», предупредить о его опасностях. Решение съезда призывает нас «отказаться от всякого рода политических и идеологических уклонов» и заявляет о стремлении к «недопущению догматизма и либерализма, нетерпимости и самодовольства... Мы не должны забывать, однако, что хотя либерализм опасен, а самодовольство неприемлемо, куда более опасны нетерпимость и догматизм».

На том же съезде, в присутствии Кастро, Родригес сказал, что конечная фаза коммунизма гораздо дальше, чем он думал 50 лет назад. Кастро немедленно ответил, что до коммунизма было бы еще дальше, если бы Куба пользовалась средствами капитализма.

Кастро не скрывал, что его не устраивает вполне конкретный аспект СУПЭ: децентрализация процесса принятия решений привела бы к снижению роли партии. Его возмущала сама идея подчинения политики каким-то экономическим механизмам. «Если эти механизмы будут все решать, то что останется делать партии?.. Подобные идеи равносильны отказу от партии». Он заявил, что в ходе «процесса исправления» партия усилится и решительно отверг всякую возможность появления на Кубе политического плюрализма восточноевропейского типа: «Мы должны сказать раз и навсегда, что нам нужна только одна партия. Я хочу сказать об этом, чтобы положить конец праздным домыслам тех, кто полагает, будто мы собираемся допустить существование мелких партий... У нас есть и будет КПК!»

2.

С позиций «моральной экономики» Кастро, материальные стимулы и рыночные механизмы ведут страну назад к капитализму, они развращают ра-

бочих и руководителей предприятий, подрывают революционный энтузиазм: «Материальные стимулы в какой-то степени необходимы... Но ошибочно думать, будто... социализм можно построить с помощью материальных стимулов... Социализм должен быть построен с помощью сознательности и моральных стимулов... В поисках экономической эффективности мы создали благоприятную почву для целой кучи пороков, уродств и коррупции».

По Кастро, рост индивидуальной деятельности (крестьяне, уличные торговцы, мелкие ремесленники, работники сферы бытовых услуг, строители) в первой половине 80-х годов привел к созданию на Кубе богатого класса, «такого же большого, как класс экспроприированной революцией буржуазии или даже большего». У этого «нового слоя богатых людей» было достаточно денег, чтобы все скупать, создавать неравенство и раздражать население. И в 1982-м, и в 1986 г. Кастро выступал с нападками на частную деятельность, приводя примеры индивидуальных доходов от 30 до 150 тысяч песо в год (по официальному курсу, кубинское песо стоит обычно выше американского доллара). Эта «новая буржуазия с капиталистическим складом ума», этот «испорченный люмпен-пролетариат... развращал массы».

Говоря об ошибочном использовании материальных стимулов, Кастро имел в виду слишком высокие ставки заработной платы в сравнении с реально выполненной работой, низкие нормы выработки, премии за перевыполнение таких норм и иные виды вознаграждения, которые можно получить без особых усилий. Он возмущался падением трудовой дисциплины и снижением роли «добровольного» труда, ростом прогулов, тенденцией руководителей государственных предприятий вести дела с частным сектором (естественно, наживаясь на этом) и даже воровать на своих собственных предприятиях. Все это привело к «настоящему хаосу и... анархии, к неуважительному отношению к закону...». Преступные элементы «начали брать под свой контроль улицы, они стали все меньше и меньше уважать власти, государство и революцию». Отсюда – общий рост преступности.

Уголовная статистика, которую удается получить из официальных кубинских источников, выборочна и притворчива. В январе 1988 г. были опубликованы данные за 1980–86 гг. Если им верить, то в этот период на Кубе совершалось ежегодно 250 тысяч преступлений, из которых лишь 10,2% можно было рассматривать как серьезные. В первой половине 1987 г. общее число правонарушений даже несколько снизилось, но зато резко возрос удельный вес серьезных преступлений. В дальнейшем, однако, эти сведения несколько раз корректировались. Это позволило властям заявить, что «преступность не представляет серьезной опасности для общества».

При отсутствии сколько-нибудь полной и объективной статистики крайне трудно судить об истинном положении дел. Все, чем мы располагаем, – это несколько анекдотических случаев, рассказанных самим Кастро, да получившие широкую огласку преступления некоторых руководителей государства. Многие утверждения Кастро выглядят сомнительно. Трудно, например, поверить, что в условиях жестких ограничений социализма мог возникнуть слой богатых людей таких же масштабов, как существовавший некогда класс кубинских капиталистов. Кроме того, если государство было в состоянии искоренить эти частные явления, то зачем ему было нужно менять экономический курс? Невольно напрашивается вопрос: представляли ли эти факты реальную угрозу революции или идеологи использовали их в своих интересах, в борьбе, направленной против сторонников экономических реформ?

По утверждениям Кастро, опасность этих явлений состояла в том, что они ослабляли готовность Кубы к защите революции у себя дома и социализма – за рубежом. Подобную мысль Кастро впервые высказал в 1968 г., в речи, посвященной советскому вторжению в Чехословакию. В этой речи он обвинил многие социалистические страны в намерении вернуться к капиталистической системе, в мягкотелости к «империализму», в отсутствии международной со-

лидарности. Все эти аргументы вождь повторил, объясняя необходимость «процесса исправления». «Если наш рабочий класс поддастся влиянию одних лишь денег... то плохо тогда наше дело, потому что такой тип человека не может быть идеальным защитником революции... Подобные ошибки – роскошь, которую мы не можем себе позволить, ибо граничим с самой мощной империалистической державой в мире».

Необходимо «следить за идеологической чистотой революции», говорит Кастро, поскольку в случае нападения на Кубу «никто из-за границы не придет нам на помощь... потому что (Кубу) отделяют от Советского Союза 10 тысяч километров».

Разрядка в отношениях между США и СССР только усилила страхи Кастро, о чем свидетельствует хотя бы интервью, данное им Марии Шрайвер в 1988 году. «Сегодня отношения США с Китаем и США с СССР отличные, и мы по-прежнему имеем честь быть одним из нескольких противников США... СССР, похоже, имеет честь быть другом США... Мы же имеем честь быть убежденным противником, который не сдастся... который не прекращает борьбу». Через несколько месяцев он добавил: «Мы искренне поддерживаем мирную политику Советского Союза. Но... разные страны понимают мир по-разному. Империалисты понимают мир как мир между сильными, как мир с Советским Союзом и войну с маленькими социалистическими революционными странами».

Революционный режим на Кубе стоит у власти уже тридцать лет, и пока что ему удавалось расстраивать все попытки США его уничтожить. Он обладает самыми мощными и наилучшим образом оснащенными вооруженными силами, самой суровой службой безопасности в Латинской Америке. Администрация Рейгана несколько раз угрожала Кубе. Однако все ограничилось риторикой да кое-какими экономическими санкциями. Почти невероятно, чтобы при Джордже Буше США вторглись на Кубу или провели какие-либо серьезные военные операции против острова.

Кастро, однако, упорно утверждает, что «империалисты не отказались от идеи ликвидации социализма, революционной идеологии на Кубе... Они могут перейти к тактике подрывной деятельности, разъеданию и разрушению изнутри... Есть люди, полагающие, будто... наша героическая эпоха завершилась; нам не следует оперировать подобными ложными критериями. Наша героическая эпоха не завершена и неизвестно, когда она завершится».

3.

Недавно двое американских ученых высказали мысль, что для стран, которым свойственны всякого рода дефициты, отказ от использования материальных стимулов часто обусловлен трудностями с иностранной валютой. На Кубе эти трудности особенно обострились с середины 80-х годов. Уже 1984 г. был не слишком удачным: за год внешнеторговый дефицит вырос в 1,5 раза, а валютные резервы существенно сократились. Видимо, эти обстоятельства и привели к созданию «Центральной группы» с ее политикой расширения экспорта и сокращения импорта.

Вроде бы тут все логично. Я, однако, полагаю, что именно в этих условиях особенно важно мобилизовать источники внешней помощи, то есть принять меры как раз противоположные тем, что использовали кубинские власти. Сузив сферу индивидуальной деятельности, Кастро попытался переложить ее функции на государство. При этом он рассчитывал, что государство выгадает, обратив в свою пользу доходы частного сектора. Предполагалось, что «процесс исправления» принесет казне сотни миллионов песо и докажет, что «это не просто политический и идеологический вопрос, но и в полном смысле слова экономический».

Думаю, что надежды эти призрачны. Сужение частной сферы вряд ли принесет казне доходы. Куда вероятнее, что государство проиграет: как

из-за своей неспособности эффективно заменить собой мелких производителей, так и потому, что подобная политика отрицательно скажется на стимулировании труда и инициативы.

С 1987 г. на Кубе проводится политика строгой экономии, направленная на сокращение внутреннего потребления (а следовательно, материальных стимулов). Цель этой политики – расширить экспорт и снизить импорт в надежде выправить таким образом диспропорции внешнеторгового баланса. Вместо этого разумнее было бы урезать военные расходы и даже затраты на социальный сектор – область, где Куба действительно добилась впечатляющих успехов. Это тем более верно, что «процесс исправления» заметно ухудшил советско-кубинские отношения. Советский Союз оказался в парадоксальном положении: он вынужден помогать кубинцам идти по пути, прямо противоположному его собственному...

Кажется, сам Кастро не очень уверен в успехе новой политики. В своих выступлениях он оговаривается, что «процесс исправления» не является «поворотом на 180°», а всего лишь «важным изменением направления... это исторический поворот... мы меняем курс». В процессе разработки новой методики (она еще не завершена) вождь неоднократно предупреждал, что «исправляя ошибки (в копировании советской модели), мы должны остерегаться других ошибок и чрезмерного идеализма... избегать крайностей... мы должны быть осторожны, рассудительны, предусмотрительны и мудры и не делать ничего такого, что может повредить производству».

Похоже, Кастро не забыл уроков прошлого. Поэтому он не хотел бы вводить модель Гевары 1966–70 гг., а пытается найти нечто среднее между этой моделью и системой СУПЭ.

В октябре 1987 г. Кастро призвал партийные кадры искать «новые идеи, инициативы и революционные рецепты». Средства массовой информации тут же подхватили этот призыв, охотно сообщая о всякой деятельности, направленной на реализацию идеи президента, создании «лаборатории творческих рецептов», которые со временем будут распространены на всю страну. В феврале 1988 г. Кастро заявил: «Мы откроем пути совершенствования социализма», в июле он сказал: «Теперь мы продолжим поиски своего собственного пути, своих собственных рецептов». В то же время вождь признал, что «это очень серьезные, сложные дела, и мы не можем позволить себе стрелять наугад... Тут нет места для авантюры».

В одной из речей Кастро заметил, что ему нужны «высококвалифицированные, умные экономисты, которые могли бы найти рецепты и ответы на очень сложные вопросы, а не люди, которые говорят нам, что мы должны сделать»; в другом выступлении он призвал рабочих и профсоюзам не оставлять эту задачу «умникам и технократам». Характерно, однако, что к маю 1989 г., когда прошло уже больше трех лет с момента провозглашения «процесса исправления», не удалось разработать ни проекта новой модели, ни исчерпывающих рекомендаций. Видимо, их и не будет – по крайней мере до очередного съезда партии.

4.

В 1985 г. мелкие фермеры составляли на Кубе всего лишь 3,2% рабочей силы, кооперативы – 2,1%, работники государственного сектора – свыше 93%. При этом на долю частных хозяйств и мелких семейных ферм приходилось 8% сельскохозяйственных угодий, 12 – принадлежало кооперативам, 80 – государственным фермам. Кубинские экономисты отмечали, что в снабжении страны крохотный частный сектор играл непропорционально большую роль: до введения новой политики он давал 85% всего производства бобов, 74 – табака, 67 – овощей, 52% – бананов и т.д. Очевидно, что производительность на частных фермах выше, чем на государственных.

«Процесс исправления» ускорил превращение частных хозяйств в кооперативы. К концу 1987 г. переводу в этот сектор подлежал 71% частных ферм, не занятых выращиванием сахарного тростника. Действительно, в 1987 г. доля мелких частных фермеров сократилась на 0,3% и оказалась ниже уровня 1985 г., тогда как удельный вес кооперативов вырос. «Недалек тот день, — заявил Кастро, — когда мы сможем сказать, что все 100 процентов фермеров вошли в кооперативы».

Для ускорения процесса он предложил конфисковывать земли частников, пользующихся ими неправильно, занимающихся издолейшиной или сдающих свои участки в аренду, ликвидировать в деревне все формы собственности, приносящей прибыль владельцу, непосредственно с ней не связанному, поднять налоги. Свободный крестьянский рынок был ликвидирован в мае 1986 г., а фермеров предупредили, что они обязаны продавать излишки не на рынке, а государственным организациям. Эти меры официально оправдывались тем, что частники не выполняли планов и не платили налоги, что свою продукцию они продавали по слишком высоким ценам (недоступным малоимущим слоям населения), получали огромную прибыль и тем самым показывали «плохой пример» работникам кооперативов, создавали неравенство. Тратя свои деньги на покупку машин и мотоциклов, на гостиницы и дома отдыха, частники лишали рабочих этих товаров и услуг, вызывая «раздражение».

Интересно, что до введения новой политики многие кубинские экономисты (как и западные) утверждали, что частные хозяйства и свободный рынок полезны для экономики страны, ибо способствуют росту производства; что они отличаются большей стабильностью, обеспечивают широкий ассортимент и высокое качество продукции; что они гарантируют интенсивную обработку почвы и быструю доставку продукции на рынок; что они заинтересованы в повышении квалификации; наконец, что они извлекают денежные излишки населения, ликвидируют черный рынок и карточную систему распределения. Что касается высоких цен на крестьянских рынках, то кубинские экономисты объясняли их слабостью государственно-кооперативного сектора и чрезмерно сложной системой государственного контроля за деятельностью частников.

Социалистическое сельское хозяйство Кубы оказалось малоэффективным. Исключение составляли те производства, которые удалось механизировать (например, сбор сахарного тростника). Для большинства культур, выращиваемых в частных хозяйствах (табак, бобы, картофель, кофе), средства механизации не очень эффективны. А главное, фермеры давно уже не работают с прежним пылом, и объем их производства всякий раз сокращается, как только государство лишает их стимулов (так было, скажем, в 1966–70 гг.). Для поддержания прежнего уровня производства государству пришлось бы скупать у крестьян излишки по ценам, близким к тем, что существовали на свободных рынках. Но это вряд ли возможно, поскольку субсидии даже на нормированные товары уже и без того огромны.

Надежды на окончательное решение всех этих проблем правительство возлагает на кооперативы, в них оно инвестировало значительные средства и даже создало стимулы, чтобы привлечь туда фермеров. Однако с 1981 по 1985 г. себестоимость продукции сельскохозяйственных кооперативов выросла на 28%. Оно и понятно: члены кооперативов работали всего по 4–5 часов в день.

В период 81–83 гг. количество кооперативов и их состав достигли пика (1472 кооператива с общим числом членов 82 611), но в 1986 г. они понесли значительные потери из-за массового выхода на пенсию. Напомню, что именно плачевные результаты деятельности совхозов и колхозов вынудили Китай, Советский Союз и страны Восточной Европы пойти на реформы и расширить частный сектор в сельском хозяйстве. Иными словами, проводить политику, прямо противоположную нынешней политике Кубы.

5.

Удельный вес частного сектора в экономике революционной Кубы никогда не был значительным. Однако именно здесь наблюдался наиболее интенсивный рост. Этот сектор продолжал развиваться вопреки обвинениям Кастро, арестам, постоянным угрозам повысить налоги.

В 1986 г. вождь говорил о силе и живучести частного сектора с тревогой. Необозначенное число мелких производителей продавали свои изделия растущему числу государственных предприятий и кооперативов, которые превращались в агентов по сбыту для частных предпринимателей. Последние открывали собственные магазины, использовали машины и оборудование, приобретали сырье и материалы (порой из государственно-кооперативного сектора), расширяли производство и сбыт. Почти 10 тысяч владельцев грузовиков были заняты перевозкой продукции частных производителей, фермеров и даже пассажиров (например, по воскресеньям на пляж). Группы квалифицированных бухгалтеров и других специалистов продавали свои услуги государственным предприятиям. Учителя частным образом готовили учеников к вступительным экзаменам; широко практиковались частные услуги парикмахеров, портных, ремонтных рабочих. Ремесленники продавали изделия ручной работы на свободных городских рынках; художники сбывали свои произведения государственным организациям и предприятиям; частники торговали пивом на пляжах...

В первой половине 80-х гг. были смягчены правила строительства и продажи жилых домов. Эта мера, в сочетании с разрешением самому искать себе работу и допуском к строительным материалам, привела к сильнейшему за всю историю революции строительному буму. Из 398 тысяч квартир, построенных в 81–86 гг., 252 тысячи, или 63% построены частным образом.

Одним из первых действий «процесса исправления» стала ликвидация частных производителей и уличных торговцев. Новые правила предусматривали жесткие санкции за всякого рода незаконную экономическую деятельность. С тех пор любая «самодельность» подвергается публичной критике и осуждению. Официально объявлено, что эти меры вызваны огромными доходами частников и их не всегда законными связями с государственными предприятиями.

Кастро уверяет, что возникшую в результате этого брешь в производстве и сфере услуг заполнит государство, которое к 1988 г. произведет в десять раз больше продукции и снизит цены на 300 видов товаров, получив при этом от 250 до 300 миллионов песо чистой прибыли.

Между тем все это уже было. В 1968 г. государство национализировало около 58 тысяч мелких частных фирм – эта акция шла под лозунгом «революционного наступления». Позднее было признано, что частные производители, изготавливавшие свои изделия вручную, торговцы и работники сферы услуг вполне успешно конкурировали с государством. Более того, в некоторых случаях даже государственный сектор явно отдавал предпочтение их продукции. Проведя национализацию, государство сразу же столкнулось с трудностями в управлении бесчисленными мелкими фирмами, а не всегда умелое ведение дел привело к снижению уровня производства и качества услуг.

Я полагаю, что все это полностью приложимо и к новому этапу перестройки. Сам Кастро признал, что частная инициатива процветала потому, что государство не производило соответствующих товаров и не предлагало населению определенных услуг. К сожалению, вождь не объяснил, каким образом государство предполагает справиться с этой задачей теперь, как ему удастся хозяйствовать более эффективно, чем частный сектор, ведь нас уверяют, что будет продавать свои товары по сниженным ценам да еще получит доход в 250–300 миллионов песо!

В 1986 г. Кастро осудил частное строительство и продажу жилья, назвав такую деятельность средством извлечения прибыли. В конце того же года были введены ограничения: строителям запрещалось брать частные заказы, были созданы препятствия для продажи домов и сдачи их в наем, ограничена передача имущества по наследству. Журналы прекратили публикацию объявлений о продаже и обмене. В конце 1988 г. Национальная ассамблея внесла изменения в жилищное законодательство, чтобы окончательно обуздать спекуляцию жильем. Отныне государство стало неизменным партнером при любой операции купли и продажи дома. В попытке заполнить бреши, связанные с ликвидацией частного сектора в жилищном строительстве, Кастро возродил строительные минибригады.

Начиная с 1986 г. Кастро часто (хотя и не слишком последовательно) критикует прежнюю систему СУПЭ. Однако в его речах трудно найти новые идеи. Уверая, что новая политика не ослабит роль планирования (план – синоним социализма), он тут же добавляет, что планы должны быть гибкими, а не превращаться в «смирительную рубашку» для экономистов. В чем он последователен, так это в отрицании прежнего курса на децентрализацию. Централизованное принятие решений, снова и снова повторяет Кастро, позволит полностью контролировать инвестиции, использование иностранной валюты и других экономических средств. Решительно отметались и идеи, получающие широкое распространение в Восточной Европе. В частности, Кастро предупредил, что на Кубе государственным предприятиям не будет позволено конкурировать друг с другом, ибо «это не имеет ничего общего с социализмом, с марксизмом-ленинизмом».

Говоря о так называемых директивных показателях, Кастро подчеркнул, что «Прибыль – вовсе не верх мечтаний для предприятия... Экономические механизмы являются вспомогательными средствами политической и революционной работы, а не самоцелью». Главное для него – интересы страны и общества. Правда, практика покрытия дефицита убыточных предприятий тоже была осуждена. В середине 1986 г. было объявлено, что «бюджетное финансирование» будет вскоре отменено. Однако за этим последовали почти два года споров (в основном тайных) о том, как же быть с финансированием. Лишь в феврале 1988 г. Политбюро ЦК одобрило документ о «самофинансировании».

Эта система, бывшая первоначально частью общей модели СУПЭ, предполагает финансирование через кредиты и закрытие убыточных предприятий. Есть сведения, что сейчас эта система испытывается на ряде предприятий (в том числе на оружейном заводе) с тем, чтобы постепенно распространить ее на такие отрасли, как гражданская промышленность, сельское хозяйство, туризм.

Многие трудности кубинской экономики обусловлены искажением оптовых цен. Позиция Кастро в этом вопросе не отличается последовательностью. В начале 1985 г. он объявил о подготовке к пересмотру оптовых цен, созданию новой системы и внедрению ее к 1990 г. Однако позднее было сказано, что рентабельность будет определяться на основе «цен, которые мы имеем». В июле 1987 г. он сделал два противоречивых заявления: «Мы пытались решить производственные проблемы путем изменения цен, но при таком регулировании производства товары исчезли с рынка»; и затем: «Нам следует лучше приспособиться к принципу колебания цен (как оптовых, так и розничных)... Розничные цены должны использоваться для регулирования распределения, иначе товары исчезают с полок сразу, как только поступают в продажу». В июле 1988 г. Кастро сказал, что расчет издержек производства важен для определения стоимости товара и назначения цены и что тут надо избегать произвола. «Временами нам следует использовать мировые цены, приняв их за точку отсчета».

Кубинская печать вместо анализа этой действительно ключевой проблемы обычно лишь повторяет очередные заявления Кастро. Статьи по этим вопро-

сам, опубликованные в ведущем экономическом журнале страны в 1988 г., носили сугубо теоретический характер. В них щедро цитировались классики марксизма и сам Кастро.

Один автор полемизировал с теоретиками «старой школы», другой – призывал повысить роль планирования, но настаивал на передаче предприятиям оперативных функций, выступал за перевод предприятий на хозяйственный расчет (самофинансирование), расширение роли банковского кредита, реформу цен, поощрение участия потребителей в улучшении ассортимента и качества товаров.

Третья статья сообщала, что руководящие органы заняты «совершенствованием» основных инструментов планирования. Далее автор излагал собственную позицию, основанную на «нормальных» тенденциях социалистической экономики: а) план должен быть ключевым элементом системы, остальные элементы должны быть ему подчинены; б) план должен носить интегральный характер, его разработке должно предшествовать широкое обсуждение; в) в план следует закладывать важнейшие экономические показатели (темпы роста, отраслевая структура, инвестиции и пр.), решение же остальных вопросов должно быть предоставлено низшим эшелонам.

6.

Одна из основных задач «процесса исправления» состояла в том, чтобы снизить избыток рабочей силы в государственном секторе. По свидетельству самого Кастро, избыточность штатов в государственном секторе достигла огромных размеров. На плантациях сахарного тростника полезное использование рабочего времени не превышало 37–50%, в строительстве – 25–30%. Для государственных ферм характерны «раздутые платёжные ведомости» и «конторы, полные людей». Только на заводах насчитывалось 50 тысяч «лишних» рабочих, хотя машинное оборудование использовалось при этом всего на 50–60%, что побудило ввести вторую смену.

В табачной и некоторых других отраслях промышленности из-за нехватки сырья, оборудования и запасных частей решено было временно освободить от работы десятки тысяч людей. Им, однако, продолжали выплачивать 70% заработной платы.

В начале 1987 г. Кастро предупредил, что невозможно повышать производительность труда в условиях, когда план не выполняется из-за недостатка ресурсов, а число рабочих в платёжных ведомостях остается прежним. Для преодоления этих трудностей он рекомендовал выявлять излишки рабочей силы и перемещать их в другие отрасли.

С этой целью на многих предприятиях были созданы комиссии. Позже для поглощения этих излишков стали использоваться строительные минибригады. Система временного увольнения с сохранением 70% заработной платы была публично осуждена. Рабочие стали «добровольно» отказываться от премий, а Кастро и руководители профсоюзов пропагандировали подобную практику как достойную подражания. Начал возрождаться и добровольный труд. Были проведены и кое-какие сокращения: 6500 человек – на атомной электростанции в Сьенфуэгос, 2800 – на никелевых заводах, 21400 – в Гаване.

Метод, однако, не получил развития. При общем избытке рабочей силы (в 1987 г. 20 тысяч выпускников вузов не нашли работы) найти работу для уволенных было практически невозможно. По данным Государственного комитета по труду и социальному обеспечению, прямая безработица в 1988 г. была близка к 6%. Ожидают, что эта проблема еще более обострится к 1991 г., после возвращения из Анголы 50 тысяч солдат. С учетом этих обстоятельств Кастро в 1988 г. высказался более осторожно: «Мы найдем более рациональную, умную формулу для достижения высокого уровня производительности... В этой области мы осуществляем революцию».

Важным этапом этой «революции» стал пересмотр установленных норм выработки и корректировка ставок заработной платы. Процесс этот начался в 1986 г. и проводился по типовой схеме. На предприятие приходил инспектор, составлял перечень всех «нарушений» и вместе с руководителем предприятия подписывал протокол, где последний давал обязательство устранить эти нарушения в течение месяца. В случае отказа от этой процедуры инспектор был вправе рекомендовать применение к руководителю дисциплинарных мер.

Ситуация в самом деле была нелепая. Если в 1980 г. нормы выработки в масштабах страны выполнялись на 110%, то через шесть лет – уже на 117,6%. С 1987 г. выполнение норм выработки на 130% считалось свидетельством того, что нормы явно занижены, и значит, их следует повысить, а выплату премиальных – прекратить.

На практике, однако, к 1987 г. было пересмотрено только 7% норм. Но даже эта скромная мера вызвала сопротивление. Чтобы сохранить прежний уровень, предприятия стали больше платить за сверхурочные часы. Многие же вообще утверждали, что не могут провести пересмотр норм из-за сложности правил. Наконец, рабочие предупредили, что если нормы выработки будут постоянно повышаться, это приведет к падению производительности труда.

По времени снижение заработной платы совпало с общей тенденцией сокращения потребления – в частности, с повышением цен на некоторые товары широкого потребления. Чтобы как-то компенсировать ущерб, оплата труда работников с самыми низкими доходами была поднята на 10% – со 107 до 118 песо в месяц. Пенсионерам, получавшим менее 100 песо в месяц (а их было свыше 725 тысяч человек – то есть явное большинство) пенсии подняли на пять песо.

Снова вспыхнули дебаты о стимулах – хотя и менее острые, чем в 60-е годы. В то время, как издание Союза коммунистической молодежи восхваляло моральные стимулы и предостерегало от увлечения материальными, более солидный журнал обвинил своих оппонентов в идеализме и доказывал законность системы материальных стимулов, которая соответствует социалистическому принципу оплаты по труду.

К середине 1988 г. Кастро как будто стал склоняться к умеренной позиции. Он сказал, что поиски новых систем оплаты труда следует продолжить. Охарактеризовав создавшуюся ситуацию как «раковую», он добавил, однако, что оснований для беспокойства нет, поскольку ситуация находится под контролем.

С 1984 г. Куба страдает от серьезных экономических диспропорций, особенно во внешней торговле. Только за один этот год ее внешнеторговый дефицит возрос на 173%: с 642 миллионов песо¹ в 1982–83 до 1751 миллиона в 1984 г. Заметно (на 43%) увеличился и дефицит в торговле с СССР. В этих условиях Кубе становилось все труднее погашать свой долг в твердой валюте – 3 миллиарда песо. Бюджет страны в 1984 г. также был сведен с дефицитом, и это после солидного активного сальдо в 1983 г.

На протяжении трех последующих лет власти приняли ряд мер, направленных на сокращение импорта (особенно в твердой валюте). В их числе – стимулирование экспорта и замещение ввозимых из-за рубежа товаров внутренним производством, сокращение закупок советской нефти (за счет роста добычи дома и режима экономии), более эффективное использование помощи СССР и СЭВ и т.д.

В конце 1986 г. были одобрены дополнительные меры, включавшие повышение цен и сокращение поставок товаров на внутренний рынок. Цель очевидна – снизить потребление внутри страны, чтобы сэкономить ресурсы для

¹ Кубинское песо – неконвертируемая валюта. Правительство, в основном для внутренних нужд, определяло обменный курс (североамериканского доллара на песо) следующим образом: 1981 (1.28), 1982 (1.20), 1983 (1.16), 1984 (1.16), 1985 (1.09), 1986 (1.21), 1987 (1.00).

экспорта. Особенно больно ударили по населению четыре категории мер. Во-первых, увеличение стоимости проезда на транспорте, повышение тарифов за пользование электроэнергией и цен на товары, реализуемые на государственном рынке. Во-вторых, сокращение норм выдачи керосина, бутылочного молока и текстиля, говядины для диетического питания и сахара. В-третьих, отмена системы бесплатного питания в рабочих столовых и полдников в государственных учреждениях, замена ужина легкой закуской в детсадах и в группах продленного дня. В-четвертых, отказ от всякого «расточительства» в оснащении рабочих центров, сокращение субсидий на народные празднества и телевидение, на спортивные и оздоровительные мероприятия. Были урезаны лимиты горючего для автомобилей государственных чиновников, сокращена выдача валюты на заграничные поездки, мелкие расходы и командировочные.

Анализ бюджетов 1985 и 1988 гг. свидетельствует, что сокращения затронули преимущественно сферу производства. Что касается расходов на оборону и социальные услуги, то они даже увеличились. Вряд ли подобную политику можно считать разумной. Скажем, в 1988 г. удельный вес затрат на социальные услуги был самым большим за весь послереволюционный период. Особенно велики были расходы на здравоохранение, образование и социальное страхование.

Между тем Куба и без того имела самые высокие социальные стандарты в регионе и была способна удовлетворить потребности своего населения на несколько лет вперед. При самом большом (на душу населения) числе врачей страна выделяет все больше средств на их подготовку. При самой высокой в Латинской Америке продолжительности жизни (73 года) пенсионный возраст здесь ниже среднего по региону: 55 лет для женщин и 60 – для мужчин.

Еще нагляднее положение с военными расходами. Куба обладает самыми мощными в регионе военными и разведывательными ресурсами, хотя даже советские экспортеры считают, что не существует серьезной опасности нападения на страну со стороны США. Щедро выделялись средства и на государственное жилищное строительство. При этом, однако, объем вводимого в строй жилья снижался. Это было обусловлено как ущемлением частного строительства, так и низким уровнем работы пресловутых минибригад.

Все это можно было бы оправдать при иной ситуации. Но экономическое положение Кубы было достаточно трудным и продолжало ухудшаться. В этих условиях чрезмерная щедрость властей выглядела по крайней мере странно.

7.

В 1986–87 гг. обвинения в коррупции были предъявлены целому ряду политических лидеров страны. Многие из них были смещены с занимаемых должностей или даже приговорены к тюремному заключению. Увольнения распространились и на руководителей государственных предприятий. Их обвиняли в совершении «действий, достойных негодяев... антиобщественной преступной деятельности». В одной только Гаване были наказаны 268 политических лидеров и администраторов. В суд было передано около двух тысяч дел о правонарушениях в торговле. Стало известно, что 40% всех государственных магазинов завывшали цены; в нарушении законов были обвинены некоторые работники строительства, оптовой торговли и других секторов экономики.

В апреле 1988 г. в Уголовный кодекс были внесены поправки. Из него исключили 65 видов правонарушений, признанных «менее опасными» (это было необходимо, чтобы разгрузить переполненные тюрьмы) и одновременно кодекс был дополнен восемью новыми составами, обозначенными как «преступления против национальной экономики». К числу этих преступлений

отнесены такие действия, как ущерб государственному экономическому плану, искажение отчетных данных, злоупотребление служебным положением, незаконное обогащение, использование государственных средств в личных целях, растрата и присвоение общественных фондов, спекуляция и тайное накопление запасов, обман потребителей, падеж скота, фальсификация медицинских документов, фаворитизм.

8.

Впервые строительные минибригады стали использоваться на Кубе в 1970 г. Затем они были ликвидированы – видимо, потому, что их деятельность оказалась малоэффективной. Особенность этих бригад состояла в том, что зарплату они получали от предприятий, на которых числились, но были заняты строительством жилищ, так что их показатели в счет предприятий не включались. Ясно, как это отражалось на выполнении планов и рентабельности...

В начале 1986 г. Кастро объявил, что минибригады будут восстановлены. Правда, практически это было осуществлено только в 1987 г., причем их деятельность была ограничена пределами Гаваны. Кастро детально разъяснил суть этой системы. Власти просят заводы (а также другие предприятия и учреждения) откомандировать часть своих работников в минибригады. С учетом же того, что всегда имеются излишки кадров, остающиеся работники должны сохранять производство на прежнем уровне и выполнять план без сверхурочных работ. Рекомендуются мобилизовать одного работника из каждого восьми, не поднимая при этом ни на единый цент заработную плату остающимся. Кастро назвал это чудом. Смысл этого «чуда» понятен: если расчет вождя верен, то избыток работников на предприятиях Гаваны достигает примерно 12,5%.

Каждая бригада должна состоять из 40 человек. Часть из них работает полный день (60–70 часов в неделю), другие – после рабочего дня или по выходным. Предприятие выплачивает бригадам обычную зарплату, но государство возвращает предприятию эти деньги (в этом отличие новой системы от практики 70-х годов). Государство предоставляет бригадам и все остальное – землю, механизмы, строительные материалы, услуги проектных организаций.

Минибригады строят в основном жилые дома, детские сады и ясли, кабинеты для семейных врачей и т.п. Половина построенного ими жилья передается предприятию, остальной частью распоряжается государство.

Понятно, что рабочие бригады не являются профессиональными строителями и не имеют нужного опыта. Некоторыми бригадами вообще руководят гаванские чиновники. Все это вызывает серьезные сомнения в эффективности таких бригад. Кастро, однако, утверждает, что они формируют «новый дух»: бригады работают в две смены по десять часов (вторая заканчивает работу в 3 часа ночи); некоторые работники трудятся в отпускное время, есть женская бригада, работающая по 14 часов в день без выходных, еще одна начинает работу в 10 часов вечера, после полного рабочего дня.

В середине 1987 г. Кастро объявил, что на работу в минибригады будет направлено 30 тысяч человек, но уверял, что может мобилизовать и миллион. Однако в октябре он объявил, что фактически работало 20 тысяч. Впрочем, позднее эта цифра была увеличена сначала до 31, а затем и до 35 тысяч человек.

Первоначально на 1987 г. было запланировано строительство 20 тысяч единиц, потом план был сокращен до 10 и 5 тысяч. Наконец, Кастро объявил следующие задания: 5 тысяч в 1987 г., 10 тысяч (1988), 15 тысяч (1989) и 20 тысяч (1990 и последующие годы). Всего – 250 тысяч единиц жилья за 1987–2000 гг. Это позволило вождю заявить, что «дают о себе знать эконо-

мические чудеса, исключительные показатели»: 30 тысяч рабочих строительных бригад дадут в 1988 г. 300 миллионов песо (не требуя ни единого дополнительного цента на зарплату), а 80 тысяч могут дать не менее 800 миллионов песо. Если, далее, распространить опыт минибригад на всю экономику, то они произведут «миллиарды песо» (точнее, если руководствоваться этой арифметикой, – 22,8 миллиарда): «Здесь дело не просто в идеях или сознательности, а в идеях и сознательности, которые становятся реальностью и дают значительные конкретные результаты». Кастро легко отменил возможные возражения. За людскими ресурсами дело не станет, так как у Кубы достаточно сил, чтобы «построить новую Гавану, новый Париж, новый Лондон».

Увы, положение дел в жилищном строительстве оставляет гнетущее впечатление. В 1985 г. состояние более чем трети всего жилищного фонда оценивалось как плохое, еще 35% – как посредственное. Что касается потребностей в жилье, то дефицит достиг 34%.

Кастро уверял, что все трудности преодолимы. Так, с нехваткой строительных материалов и горючего можно покончить, призвав рабочих экономить и производить больше: «Если мы сэкономим 10% цемента, то сможем построить 25 тысяч домов». Однако мэр Гаваны резонно заметил, что для выполнения программы при таком количестве людей бригадам придется работать по десять часов, а также сверхурочно и по выходным. Кроме того, нужно будет построить 38 заводов по производству строительных материалов.

В дополнение к минибригадам созданы так называемые «строительные контингенты», напоминающие движение передовых рабочих периода Гевары. Как и минибригады они были созданы в 1987 г. и к концу 1989-го насчитывали от 10 до 15 тысяч человек. Стимулы у них в основном моральные, хотя есть и материальные. Рабочим платят по труду, но Кастро уверяет, что это не самое главное. Рабочий день здесь длится 12 часов, а чаще 14–15, включая субботу.

Трудовое законодательство на эти «контингенты» не распространяется. «Они сами себя судят и наказывают, потому что нетерпимы к лени, прогулам и опозданиям на работу... Они всегда ищут повод для работы», – объясняет Кастро. Что касается материальных благ, то считают, что рабочие строительных контингентов питаются лучше всех на Кубе. В общежитиях, где они живут, установлены кондиционеры и одежду они получают бесплатно.

9.

Об эффективности «процесса исправления» можно судить по меняющемуся от выступления к выступлению настроению Кастро. Начало 1987 г.: «Я думаю, что к концу года мы назовем его лучшим годом революции». В ноябре: «Мы должны быть более реалистичны и сейчас, когда близится конец года, мы должны проанализировать наши ошибки и не повторять их при осуществлении еще более реалистичного плана 1988 г.». В январе 1988-го: «1987-й – первый из трех-четырёх трудных лет... В 1988 и 1989-м, а может быть, и в 1990 году от нас потребуется больше усилий».

Составить объективное представление о положении кубинской экономики трудно. Вместо обычной системы расчетов здесь предпочитают пользоваться системой материального баланса, самым общим показателем которой является совокупный общественный продукт (СОП). В СОП не включается стоимость непродуцированной сферы услуг, но зато здесь велик удельный вес двойного счета. По этой причине, а также из-за постоянных методологических изменений цифры реального экономического роста страны вызывают острые споры.

По официальным данным, в 1981–85 гг. ежегодный прирост СОП (в неизменных ценах) составлял 7,3% – то есть был едва ли не самым высоким за

годы революции. Рост замедлился в 1985 г. и практически прекратился в 1986-м. За резким спадом 1987 г. в следующем году как будто последовал подъем, хотя СОП в 1988 г. был ниже уровня 1985-го.

В 1981–87 гг. 75% всего кубинского экспорта давал сахар. В 1984–85 гг. его производство превышало восемь миллионов тонн, но в течение трех последующих лет сократилось на миллион тонн. Это вынудило Кубу, чтобы выполнить свои экспортные обязательства перед социалистическими странами, закупить за границей около двух миллионов тонн. Хотя задания по производству сахара постоянно повышались, особых достижений тут не видно.

Известно, что самое большое за всю историю Кубы количество сахара – 8,5 миллиона тонн – было произведено в 1970 г. Однако этот рекорд нанес серьезный ущерб всем другим отраслям экономики. Запланированный на 1990 г. объем производства – 9 миллионов тонн – вряд ли реален. Для этого нет ни земли, ни людских ресурсов, ни техники. Столь же очевидно, что такой «скачок», если его и удастся осуществить, отрицательно скажется на остальных секторах и приведет к спаду мировых цен на сахар.

В 1986 г. из 117 видов продукции, данные о которых приводятся в кратком статистическом справочнике и отчетах Национального банка Кубы, объем производства по большинству увеличился, но по многим другим остался на том же уровне или даже снизился. Уже в следующем году положение изменилось к худшему – сократилось производство основной массы продукции.

В сельскохозяйственном секторе производство составило лишь около половины объема 1986 г. Это произошло прежде всего за счет культур, выращиваемых в частном секторе: овощей, бобов, бананов, клубнеплодов. поголовье скота сокращалось как в 1986-м, так и в 1987 г. Снизилось производство яиц, хотя раньше оно постоянно росло.

Улов рыбы в 1986 г. поднялся, но уже в 1987 г. вновь упал до уровня 1978 г. В промышленном секторе 1987 г. был отмечен некоторым ростом производства нефти, электроэнергии, цемента, текстиля и никеля. Зато заметно сократился объем выплавки стали, производства удобрений, сигар и сигарет, холодильников, телевизоров, радиоприемников.

Хуже всего, однако, обстояло дело с производительностью труда. Если в начале 80-х годов производительность ежегодно повышалась на 5%, то в 1985 г. рост замедлился, а в 1986 и 1987-м начался резкий спад (по некоторым данным, 7–9%).

Как я уже отмечал, программа сокращения избытка рабочей силы, принятая в 1988 г., столкнулась с большими трудностями. Серьезной проблемой стали прогулы. В провинции Матансас за первые 5 месяцев 1988 г. они выросли на 0,4%, в провинции Ольгин постоянно прогуливало 2% всех рабочих; на ведущем рыбоконсервном заводе прогулы достигли 18%, на предприятии, выпускающем мужское белье, отсутствовало на работе 20%. Всем ясно, что большинство прогулов – обычная симуляция, которая поощряется необычайно мягким трудовым законодательством, позволяющим выдавать больничные листы без особых оснований.

Низкая организация труда и бесхозяйственность привели к тому, что издержки производства растут быстрее, чем производительность. В 1988 г. власти направили на предприятия 1500 экономистов в надежде как-то решить эту проблему.

Сельскохозяйственные кооперативы, которые с провозглашением новой политики были призваны заменить частные фермы, уже в 1987 г. столкнулись с серьезными проблемами. Видимо, с этим связано освобождение от должности Хосе Рамиреса Круса, президента Национальной ассоциации мелких фермеров, занимавшего этот пост с момента основания ассоциации в 1961 г. Свыше 500 кооперативов (более трети всего количества) были изначально нерентабельными. С 1983 г. 35 тысяч кооператоров вышли на пенсию. Это привело к разорению пенсионного фонда и увеличило число нерентабельных

кооперативов еще на 19%. Любопытно, что прежние кооператоры, получая пенсию, продолжали работать полный рабочий день. Производство кооперативов всегда отличалось неустойчивостью, чутко реагируя на государственную политику цен.

Все это вызвало резкую критику Кастро. «Ваша задача, – заявил он на общенациональном съезде сельскохозяйственных кооперативов, – не в том, чтобы делать деньги или думать о том, в какие месяцы можно заработать больше. Думать следует о том, в какие месяцы народ должен получить продукты. Вот это социализм, другое – дешевый низкопробный капитализм».

В период 1981–85 гг. заработная плата в среднем росла на 5% в год. В 1985 г. этот рост замедлился, в 1986-м – остановился, в 1987-м – зарплата снизилась на 2%. Таким образом, меры, принятые в 1986–87 гг., в общем достигли цели. В том же году доходы фермеров и кооперативов упали на 9% – это был результат отказа от свободных крестьянских рынков. Соответственно снизились и потребление. И это – в условиях, когда 436 тысяч рабочих (около 12% всего трудоспособного населения) безвозмездно отработали по 40 часов каждый, то есть 2000 человеко-лет.

Несмотря на эти ограничения и другие жесткие меры, дефицит государственного бюджета, который в 1986 г. удалось сократить на 26%, затем подскочил на 279%. Дефицит 1987 г. был во многом обусловлен государственными субсидиями предприятиям и дотациями на нормированные потребительские товары (в основном продукты). Сократились и доходы казны от налогов.

Не слишком убедительны заявления Кастро об экономических чудесах, совершенных строительными минибригадами. Официальные данные на этот счет скудны и противоречивы. Анализ статистических ежегодников за 1985–87 гг. показывает, что вопреки предсказаниям государственное жилищное строительство в Гаване сократилось в 1987 г. на 1,5% (по сравнению с 1986 г.) и на 8,5% – к уровню 1985-го.

Общий дефицит внешней торговли Кубы в 1984–86 гг. возрастал, хотя темпы его роста постепенно снижались. Отрицательный баланс сохранялся и в торговле с СССР, главным партнером Кубы. Скажем, в 1987 г. этот дефицит был почти вдвое больше, чем в 1984 г. Не помогло даже сокращение импорта, потому что одновременно падал и кубинский экспорт.

Ухудшение ситуации внутри страны, дефицит во внешней торговле и недостаток иностранных кредитов привели к тому, что валютные резервы страны в 1986–87 гг. заметно сократились (в 1987 г. они были на 44% меньше, чем в 1985-м). Соответственно долг Кубы в твердой валюте вырос более чем в два раза. У правительства не осталось другого выхода, как объявить мораторий на выплату долгов. Поскольку, однако, Куба нуждается в средствах, пришлось прибегнуть к краткосрочным займам у частных банков, где проценты заметно выше.

В январе 1988 г. Национальный банк сообщил, что выплаты страны по долговым обязательствам (основные суммы и проценты) составят в этом году 4200 миллионов песо, доходы же в твердой валюте планируются в размере 478 миллионов. Как удалось выйти из этого положения, банк не сообщил.

10.

Видимо, самая слабая сторона сопоставительного анализа различных систем – оценка общих результатов экономической деятельности, ибо конечный результат обусловлен не только особенностями системы, но и влиянием побочных факторов – таких, как погода, размеры иностранной помощи, внешнеполитические трудности. В случае Кубы разграничить эти факторы особенно сложно в виду отсутствия необходимой информации.

В официальных кубинских документах экономический спад 1986–88 гг. объясняется влиянием факторов, не связанных с «процессом исправления».

Среди них: засуха 1986 и 1987 гг., падение мировых цен на сахар, снижение цен на нефть (что привело к сокращению доходов Кубы от реэкспорта советской нефти), девальвация американского доллара, сокращение иностранных ссуд в 1981–88 гг.

Конечно, в какой-то мере эти аргументы справедливы, хотя нетрудно доказать, что в ряде случаев они противоречат фактам. Важнее, однако, другое. Опыт показывает, что внешние трудности обычно усугубляются неэффективностью внутреннего сектора экономики, а нередко именно эта неэффективность и является первопричиной отрицательных последствий.

К примеру, Кастро объяснял сокращение импорта многими факторами. Однако основная причина проста – нехватка складских помещений. В 1988 г. создалось даже чрезвычайное положение; из-за того, что порты были переполнены, иностранные торговые суда с 700 тысячами тонн груза не смогли разгрузиться; в портовых складах и на площадках скопилось более 300 тысяч тонн товаров, что значительно превышало допустимый лимит; сотни тонн запасных частей годами лежали под открытым небом; тонны легкопортящихся пищевых продуктов были свалены у Центра оптовой торговли. При этом имевшиеся в распоряжении Центра складские помещения не использовались, ибо своевременно не было закуплено противопожарное оборудование.

Понятно, что власти расценивают «процесс исправления» сугубо положительно, утверждая, что новая политика в какой-то мере смягчает действие неблагоприятных обстоятельств. Но факты говорят об обратном. Именно «процесс исправления» вызвал целый ряд нежелательных последствий.

1. Вакуум, созданный закрытием крестьянских рынков и сокращением числа частных хозяйств, не удалось заполнить деятельностью производственных кооперативов, состав которых уменьшается, а нерентабельность растет. Те же действия нанесли ущерб и производству культур, не поддающихся механизации.
2. Государственный сектор не смог справиться с проблемами, возникшими при упразднении мелких фирм в сфере производства и услуг.
3. Ограничение частного жилищного строительства в сочетании с неэффективностью минибригад привело к обострению жилищного кризиса.
4. Отсутствие четкой модели новой системы, неясность методологии и критериев вызвали неразбериху и путаницу.
5. Возросло число нерентабельных предприятий, а значит и объем государственных субсидий, что обострило экономическое неравновесие.
6. Такие дестимулирующие меры, как сокращение заработной платы и потребления, способствовали росту прогулов и общему падению производительности труда.

Недавно один из кубинских лидеров публично признал важность субъективного фактора: «Даже принимая в расчет наши трудности, связанные с импортом из капиталистических стран, надо сказать, что субъективный фактор по-прежнему остается фундаментальной проблемой нашей экономики». Речи Кастро в 1986–88 гг. также свидетельствуют, что «процесс исправления» вызывает оппозицию: «Мы должны быть начеку, чтобы подавить мелкобуржуазный дух, для которого строгая экономия представляется чрезмерной». Он назвал «капитулянтами» тех, «кто из-за нынешнего трудного положения впадает в уныние».

«Скептики говорят, – сокрушался вождь, – что энтузиазм угасает, что в первые годы революции он был не таким, каким стал через десять и тридцать лет, что дух со временем иссякает, теряются былой энтузиазм и оптимизм... Если исчезает энтузиазм, это свидетельствует лишь о том, что не все ладно... что, значит, где-то революционный процесс перестал быть революционным... Есть люди... умы, которые потеряли веру в себя, в свой народ, в свою революцию. Кто спешит сказать, что мы должны копировать то, что ныне делают другие».

Последняя фраза дает представление об еще одном отрицательном последствии новой политики – нарастающем конфликте с СССР. ●

Станислав РАССАДИН (Москва)

...И БАРСКИЙ ГНЕВ, И БАРСКАЯ ЛЮБОВЬ

Национальное самосознание прекрасно, когда оно самосознание культуры, и отвратительно, когда оно самосознание крови.

...Национальное самосознание крови всегда бездарно, всегда бесплодно, национальное самосознание культуры всегда талантливо, всегда плодотворно. Национальное самосознание крови есть бессмысленный и жестокий бунт бездарности против национального самосознания культуры.

Семен Липкин. «Декада»

Вспоминаю свой давний разговор с прозаиком В.Л., ныне покойным; и отношения-то у нас с ним были шапочные, и восприятие друг друга колебалось на зыбкой точке перехода от безразличия к антипатии, – как вдруг:

– Слушай, Стаськ! Ты к Айтматову как относишься?

Я сдержанно ответил, что мне понравился «Белый пароход», в ту пору айтматовский последыш. Собеседник мой возмутился:

– То есть как? Там же мальчик гибнет!

– Гибнет. И что из того?

– Это же не в традициях русской литературы!

Я:

– Ну, во-первых, Айтматов вроде и не подражался следовать именно нашим традициям. Во-вторых; а Достоевский? Его Илюшечка? Девочка, которую растлил Ставрогин?..

– Достоевский – исключение!

– Знаешь, если начнем делать такие исключения, с чем останемся?

– А, ладно... – Ему надоел отвлеченный разговор, и он вдруг успокоился.

– Я вчера в ЦК был, говорил там с одним... Вот такой парень! Наш парень! Так он мне сказал: ну, бля, если бы это ты нашего, русского мальчика утопил, мы б тебе показали! А киргизский – да ... с ним!

И дружба народов, слегка споткнувшись на этом малозначительном ухабе, продолжила свой плавный путь к дальнейшему укреплению...

Как пассивный и вполне случайный участник этой беседы, без малейших попыток самоутверждения и, кажется, находясь вне подозрения на сей счет, считаю беседу редкостно содержательной. Символической даже. Сама державная доброта, разрешающая «чучмеку» то, чего – ни-ни! – не позволила бы «своему», «старшему брату», есть ядовитейшая пародия и на свободу творчества, и на самое себя, на доброту. «Барская любовь» – не только оборотная сторона «барского гнева», но его – как бы – моральное оправдание, придающее ему респектабельное обличье некоей объективности («суров, но справедлив»). Разрушительный гнев и снисходительно поглаживающая любовь здесь – пусть и крайности, но одного, целостного имперского сознания.

Оно может вульгарно выплеснуться в таких, скажем, сентенциях:

«...Совсем недавно русских называли старшими братьями. В семье народов нашей страны старшие отдавали младшим много сил и средств, часто сами недоедая. Как говорится, вывели их в люди. А теперь – убирайтесь, больше не нужны! Не так ли некоторые хамы сдают своих родителей в дом престарелых?»

Это – неизвестный граду и миру прозаик Николай Кузьмин («Молодая гвардия», 1989, №№ 7 и 8), реализующий таким незатейливым образом свое призрачное превосходство «старшего брата» (даже – «родителя»!). Но дер-

жавная снисходительность, державное высокомерие, державный эгоцентризм – все это заразительно и доступно не только «парню из ЦК» или душе графомана, зашедшей в тоскливой шовинистической судороге, но многим из нас, этого греха, как водится, за собою не признающим. В качестве безобидного (впрочем, как знать?) теста предлагаю вспомнить знаменитую, столь многим понравившуюся «ориентальную» кинокомедию «Белое солнце пустыни». И спрашиваю русского зрителя, наделенного русской памятью, русской болью: так ли весело и благодушно он следил бы за погонями и перестрелками, в которых, как мухи, гибнут «бандиты» и «басмачи», если б на месте среднеазиатов были повстанцы Антонова? Или участники кронштадтского восстания?

Бр-р-р?..

То-то.

Когда думаю о том, что сделали, что произошло с нашим, русским, российским сознанием, неотвязно вспоминаю такой малозначительный эпизод. Иду зимней Прибалтикой, любуюсь белкой – тогда еще непуганой и невыбитой, – которая скачет по штакетнику в двух шагах от меня, и вдруг к ней с искренней яростью кидается мой, увы, земляк:

– У-у, сволочи! Обнаглели!

То, что слабость не воспринимает соседствующую силу как непременную угрозу себе, воспринимается этой силой как вызов и оскорбление, – и может ли быть хоть что-то горше и противоестественней, чем это сознание собственной сверхполноценности, пытающееся возместить неполноценность, обделенность, ограбленность? Особая, специфическая драма русского народа, обворованного, как все, а распыленного и обезличенного больше всех прочих, в том, что ему вдобавок постарались внушить калечащую и бессмысленную гордость «первого среди равных», «старшего брата», – хотя бывают ли среди равных наипервейшие и перед кем отстаивать старшинство? Перед армянами? Перед литовцами? Перед потомками даков?..

Это – мы, скопом и хором, которые кто больше, кто меньше, кто с охотой, кто незаметно для себя самого, но усвоили барскую повадку... Хотя, если вспомнить начало статьи, может, стоит порою махнуть рукой на отвлеченности и со здравым прагматизмом обрадоваться «любви», неожиданно принесшей вполне реальный плод? Что ж, резон тут сыскать очень даже возможно: разве оскорбительная снисходительность все того же «парня из ЦК» не способна дать послабление нерусским писателям, хоть им? Между прочим, я совершенно уверен, что, напиши мой любимый Фазиль Искандер своего изумительного «Козлотура» с таким же свободным ироническим блеском, но о деревне Нечерноземья, судьба его повести вышла б иной. Может, стараниями влюбившегося в повесть Твардовского ее и напечатали бы, как напечатали можаевского «Кузькина», но что после прошлись бы по нежному телу искандеровской прозы гусеницами государственной критики, это уж без сомнения.

Так-то оно так. Однако...

*

Прочитую произведение, из которого выдрал несколько строк для эпиграфа; то место, где речь о живом классике гушанского народа (кто не помнит, поясню: не то чтоб совсем вымышленного Липкиным, но, так сказать, синтезированного им). «Ни разу Чека не тронула Хакима Азадаева, и вместе с тем он жил в постоянном страхе перед властью. Этот страх странно слился с чувством благодарности к власти, простившей его и хорошо кормившей его...» – шутка сказать, бывшего муллу и, по-нашенски выражаясь, сепаратиста. Вот только что ж странного в этом слиянии? Так и должно быть перед непроницаемым лицом абсолютной власти, не связанной никаким моральным и юридическим законом. Здесь благодарность тем сильнее, чем сильнее

страх: еще бы, такая власть – и на тебе, не убивает, даже кормит! Ее и не полюбить-то нельзя – самым искренним позывом смертельно дрожащего тела, во всяком случае, трудно противостоят своей извращенной любви и ее, власти, неотразимому обаянию. Обаянию абсолютного воплощения зла, Воланда, тайну которого – имею в виду: обаяния – толком не объяснил никто из писавших о Булгакове. Обаянию абсолютного злодея Сталина, которое тоже еще подлежит исследованию и которое Липкин попробовал полу-объяснить в эпизоде нечаянного столкновения вышеупомянутого Хакима с вождем – во время правительственного банкета по случаю «декады»:

«– Я поднимаю тост, – начал не очень грамотно вождь, – за гушанскую интеллигенцию. Ни для кого не являются секретом заслуги гушанской интеллигенции в прошлом. ...Именно в ту далекую пору сложились знаменитые во всем мире гушанские сказания...

И вдруг... случилось нечто невероятное: Хаким Азадаев прервал речь вождя. Он встал и крикнул:

– Бирав, бирав! (Браво, браво!) Литературоведения умерла! Да здравствует наш отец товарищ Сталин! Нам не нужна свет ламп с потолка, у нас есть Сталин, он наш свет!»

Кстати сказать, вторжение художественной прозы в эту статью, посвященную, в общем, далеко не литературным проблемам, тем более естественно, что цитируемый эпизод – документален. Только на месте Станислава Бодорского, героя повести «Декада» и очевидца всего выше и ниже описанного, был молодой переводчик Семен Липкин, на месте Хакима Азадаева – Садриддин Айни, на месте гушанских сказаний – поэзия Алишера Навои, на месте «литературоведения» – «востоковедения», которая (ое?), вопреки усилиям Айни, порочила (о?) произведения этого «феодално-байского поэта», не допуская их к читателю солнечного Таджикистана, – и только Иосиф Виссарионович Сталин как был, так и остался на своем месте.

Но – дальше:

«Звериные лапы с удесятеренной свирепостью сжали кисти писателя, быстрым рывком прикрепили его к столу, но произошло такое, чего синие не могли предвидеть. Сталин встал... Ну, и т.д., кто читал, помнит: встав, проществовал с рюмочкой к столу Азадаева, спросил, как фамилия – не псевдоним, а настоящая (у Азадаева оказалась – Шарматов, у реального Айни – Рахимов), и так заключил свой ошеломляющий трюк: «Джугашвили, будем знакомы».

Они тут оба выглядят, как шуты. Один, Хаким Азадаев, жалок и раболепен, другой раскрепощенно, а значит (повторяю), обаятельно подыгрывает всеочевидному шуту. На деле же – не совсем так. Старый гушан (или таджик) поглощен одним: вождь, сам того не сознавая, сокрушил подхалимов-невежд, объявлявших драгоценное древнее слово феодальным отжитком. «Сам Сталин, движущий семь планет мира, Каусар – райский источник мудрости и знания, утвердил, освятил своим нерушимым, подобным Каабе словом важность гушанских сказаний, их право на первородство». А благодарность, вылившаяся в нечаянно шутовскую и осознанную льстивую форму, да Бог с ней, что все это в сравнение с подобным благодеянием?

А Сталин? Что значит его поступок? Липкин, автор и очевидец, предполагает и то, и это, в частности, будто «Сталин играл, желая всех озадачить загадочным поступком, тем более загадочным, что никакого намека в нем не таилось». Однако в любом случае это игра тем, что для партнера – жизнь, дороже жизни; в гигантском масштабе идет извращение истинного, ломка неподдающегося, но – ломающегося, а в поголовной ломке случается ведь и так, что кому-то обламывается долгожданный (и, казалось бы, честно заслуженный) кусок, среди тотальной несправедливости нет-нет да блеснет для кого-то его, частная справедливость, зло ненароком или от скуки сотворит добро. Опять-таки – как Воланд, как Сатана...

Но это – для пересказываемых шепотом легенд (все-таки лучше шептаться, ибо легенды, даже лживые, не завизированы), а в целом игра извращенца-тирана, понимаемая ширококомашно, на редкость целенаправленна, что и дает поразительные результаты по производству «прожженных душ» (слова Ланцелота из шварцевского «Дракона»), по созиданию «качественно нового» типа мышления и поведения. Ужас, однако, еще и в том, что противодействующие усилия Азадаева-Айни и ему подобных, старающихся – в таких-то условиях – сохранить целостность народа, рода, культуры, мало того, что внешне непривлекательны. Они как бы соучаствуют в создании «прожженных душ». Спасая традицию и культуру собственного народа или собственных детей, они – бывает – детьми и расплачиваются. Вот трагический парадокс, вот безнадежно тупиковая ситуация...

«Отцы ели виноград, а у детей – оскомины». Если бы еще так! Но нет. Отцы, принявшие условия преступной игры – о, разумеется, всего лишь вынужденно, ради спасения национальной культуры, – рожают детей, которые прототипично усваивают не то, ради чего их родители решились идти на унижение и на подлость, а самое подлость и всегдашнюю, радостную готовность к унижению. Понимая сыновнюю преемственность не метафорически, а буквально, вот вам – просветитель-аварец Гамзат Цадаца, заключивший сделку со сталинской «национальной политикой», но умудрившийся хранить достоинство (можно, впрочем, переиначить: хранивший достоинство, но заключивший сделку), и его сын Расул Гамзатов, завсегдай всех президиумов, хрущевского, брежневского, горбачевского (какие там будут еще?), когда-то предавший кумира своего отца Шамиля, потом среди первых поносивший и Солженицына (снова – кто там следующий на очереди?)...

*

Малочисленный народ (звучит коряво, но «малый» – еще хуже, к тому ж это слово осквернено Шафаревичем не меньше, чем прекрасное понятие «память» – «Памятью»), обороняясь от имперских притязаний, тем самым сохраняет себя как общность – в отличие от русского, к несчастью, насильственно лишаемого инстинкта самосохранения. Но (вот он, упомянутый парадокс, вот злосчастный тупик!) и сама эта общность, воспитываемая в противостоянии, подозрительности и ненависти, – к чему она тяготеет? К общности культуры (см. эпиграф), *народа?* Или к общности крови, *рода?*

«Мы одной крови...» – совсем как персонажи киплинговой «Книги джунглей», говорят друг другу горцы в повести «Декада» (которую я, напомним, использую скорее как документ, как одно из самых кристальных исследований советского «национального вопроса»). Говорят, напоминая о долге верности, единения, братства, о прекрасных, необходимых понятиях. И когда один из героев повести, арестованный, скажет то же другу-энкаведешнику, а тот, услышав древнее заклятие, придет в ярость (за собой меня тянешь, падла?) и зверски избьет земляка, для того особенным горем будет, что бьет его – единокровный.

Но ежели так, отчего в другом произведении того же Липкина, в поэме «Техник-интендант», этот клич, эта клятва будет доступна не кому-нибудь, а чему-нибудь, бездушному, бездуховному – и, главное, ради чего доступна? Там герою поэмы, выбирающемуся к своим из немецкого окружения, померещится, будто песчинка с песчинкой вступают в заговор против него, заключают родовой договор: «Мы одной крови – я и ты, а все иное – не я и не ты, не нашей крови... задушим все, растущее на земле... пусть останется только то, что я и ты, – песок, песок!»

Отчего так? Ведь то же словосочетание встретим – и, повторю, не однажды – как синоним нерушимости братства вопреки разъединению, страху; например, когда в высокогорном ауле соседи безбоязненно, даже восторженно

чувствуют воротившегося зэка: все они «одного рода, одной крови, а, по их понятиям, общность рода выше государства, важнее государства, прочнее государства...» «Выше... важнее... прочнее...» – то есть в данном-то случае справедливее, человечнее, и что может быть лучше? Но нет. Потому что общность крови, равняющей не только вчерашнего заключенного с теми, кто не нюхал тюрьмы, но и, скажем, честного человека с разбойником и убийцей; общность, для которой личные свойства сочлена важны, однако второстепенны по сравнению с тем, что он – это «я и ты», уже по одной этой причине предпочтительнее тому, кто «не я и не ты», – такая общность обладает весьма ограниченной нравственной стойкостью.

Замечу, немного опередив свою же мысль и оттого, может быть, удивив неожиданной ассоциацией: это как в блатном мире, который горд своим кодексом, разумеется, действующим строго внутри того круга, что есть «я и ты», и вовсе не распространяющимся на того, кто «не я и не ты», на фрайеров. «Любая кровавая подлость в отношении фрайера, – утверждает Варлам Шаламов, написавший поистине социологическое исследование «жульнической крови», – оправдана и освящена законами блатного мира. Но в отношении к своим товарищам вор, казалось бы, должен быть честен. К этому зовут его блатные скрижали, и жестокая расплата ждет нарушителей «товарищества».

Но, продолжая Шаламов, это до первых трудностей. До того момента, когда дележка доступных благ начнется – за неимением неограбленных фрайеров – в своей среде. «Грозная поговорка «умри ты сегодня, а я завтра» начинает повторяться все чаще и чаще во всей своей кровавой реальности». Точь в точь как случилось с прекраснодушным героем «Декады», единокровному другу которого отнюдь не помешало совершить предательство закон рода, закон племени.

«Такая связь, – комментирует и развивает свою мысль автор «Декады», – как и связь в среде партийно-государственной верхушки восточных республик, имеет в своей основе кровь, а не любовь. Сталин ни с одним существом никогда не был связан любовью. Даже с матерью...»

Хотя уточнение «восточных республик», тут же опровергнутое обращением к верховному владыке с его наднациональным, вненациональным, имперским сознанием, вообще-то излишне.

В мемуарах Артура Лондона приведено позднее самооправдание его жены Лиз: «По мере того, как мне переводили материалы процесса, я все сильнее сомневалась в твоей виновности, но тем больше старалась держаться линии партии... Я боялась, что любовь к тебе ослепляет меня. Мне казалось невозможным, чтобы я была права, а вся партия неправа».

Дело, увы, обыкновенное, привычное, отчего не менее страшное. Что тут? Добровольное ввержение себя самой – наперекор любви – во власть нерассуждающего единомыслия, приведшего, разумеется, к публичному отречению от мужа-предателя и к лишению его прав отцовства. К отречению искреннему (насколько искренность можно внушить себе силой), без сознания, что совершено предательство, то есть как бы с намеренным, целеустремленным опусканием до того уровня «нравственности», на котором бесстыдно и изначально обретаются блатные, просто не знающие, что такое любовь. И если они истерически провозглашают культ матери, единственной из женщин (остальные презируются, унижаются, насилуются), то и это «притворство и театральная лживость» (вновь Шаламов). «Никто из воров никогда не послал своей матери ни копейки денег, даже по-своему не помог ей, пропивая, прогуливая украденные тысячи рублей».

Любовь, говорят, слепа? О, нет! Ослепляет – «кровь»; любовь способна лишь просветить, чего – то есть просветиться и просветлеть – не смогла, потому что не захотела, Лиз Лондон, силой загнавшая себя в клетку «одной крови», принявшей обличие «демократического централизма». Да, родовая

общность может быть выше государства. Справедливее, человечнее. Но выше такой общности – народ. И личность, индивидуальность, что неразделимо.

*

«Каждый народ – это тоже личность», – сказал латыш Янис Петерс, и тут нет поэтической вольности, приставшей его профессии. Путь народа к духовному самоосознанию схож с путем человеческой особи, становящейся тем, что мы и называем «личность»: обретающей Бога в душе – или, что внятнее для атеиста, высшей цели, предназначения, выбираемого интуитивно. Обретающей Слово, способное выразить душу, и сознание своего достоинства. Своего отдельного места во всечеловеческом единении.

Народ не повязан внутри себя никакими строгими обязательствами, в чем по видимости проигрывает роду. Он не может и состоять сплошь из личностей, из тех, кто достиг самосознания, зато его, народную душу, его, народный характер, его, народное предназначение может выразить и назвать личность (для рода – нечто второстепенное). Индивидуальность, внутреннее содержание которой неизмеримо шире, всечеловечней, *если угодно, и противоречивей* того, что способно вместиться в кодекс законов рода. Карамзин. Пушкин. Толстой. Достоевский. Гете. Шекспир. Сервантес. Фолкнер. Нарекаци. Навои. Важа Пшавела. Райнис. Шевченко. Низами Гянджеви...

Речь о гигантах, способных не только познать душу народа, но и ему самому дать заглянуть в собственные душевные глубины, помочь осознать самого себя; однако и вообще роль интеллигенции не то что не схожа с ролью охранителей правил рода, интересов «одной крови», но подчас напрямую противостоит ей. Вплоть до болезненного столкновения.

«Вспомним хотя бы этот поразительный пример: ни один азербайджанский творческий союз не принес соболезнований за Сумгаит... В день, когда это случилось, Президиум Верховного Совета Азербайджана не осудил инцидент, прошел мимо этих событий... Но тогда власти промолчали. А мы, интеллигенция? Промолчали тоже!

Многие высокоинтеллигентные люди, живущие в Азербайджане, доказывают, что никакой резни не было или что она была спровоцирована. Но я прежде всего должен сказать, что осуждаю эту резню и считаю ее позором для своего народа. Эту первую фразу я должен произнести, как молитву, а потом уже начать анализировать: почему, зачем, откуда...»

Это горькое, совестливое слово Чингиза Гусейнова («Вопросы литературы», 1989, № 2), которому протекшее время и текущая кровь добавили много, много новой горечи и которое, выражаясь весьма обходительно, было обречено на непопулярность в массе азербайджанского населения, оно-то и сказано, тем не менее, ради народа. Оно исполнено понимания, что невысказанное сочувствие жертвам убийств, возможно, даже большее – во всяком случае, никак не меньшее – препятствие на пути к духовному возрождению. Оно – трудная выплата интеллигентом долга народу, чего не совершили промолчавшие (в лучшем случае промолчавшие) собратья Чингиза Гусейнова. И что истерически отказываются понимать российские «почвенники», каждое трезвое и – что тут поделаешь? – невеселое слово о переменах в русском народе встречающие обвинением в русофобии...

Обретение народом личностного сознания (в чем не может не участвовать интеллигенция, что составляет наиглавнейшую из ее забот) способно выглядеть не соборностью, а своего рода размежеванием. Да так оно, впрочем, и есть: только размежевываются не столько люди с людьми, не социальные группы, не классы, а Зло и Добро, различие между которыми может полустираться только лишь в кровном, тесном племенном единении – ради племени, ради крови, не ради любви. Это размежевание Зла и Добра – в отношении ли отдельного народа или всего общества – может казаться (и уж тем

более объявляется) сварой, смутой, групповщиной, даже гражданской войной. И – с политической точки зрения – куда надежнее выглядит призыв ко всеобщей консолидации, к тотальному примирению (вот еще одно хорошее слово, опошленное тактическим использованием). Но, возможно, нет ничего обманчивее или губительней единения на почве нравственной неразборчивости – ради цельности одного-единственного рода или всего огромного многонационального Союза.

Такая роль (а может, выше бери – предназначение?) интеллигенции тяжка и безнадежна – в отношении надежды быть понятой как «снизу», из глубины народа, который в условиях давления на него неизбежно стремится вернуться в состояние сверхсплоченного рода, к законам одной крови, так и «сверху», с точки зрения власть имущих. Всегда неприятно, горько, опасно повторять то, чего не хотят слушать, и куда неприятнее, горше, опасней говорить это не власти (дело если и не привычное, то сегодня сравнительно безопасное и безусловно престижное), а людям, страдающим от ее «национальной политики». Однако можно ли укрыться от собственного предназначения? Никто, кроме интеллигентов, не в состоянии исполнить этой роли – ни традиционно враждебные к ней «верхи», ни традиционно не доверяющие ей «низы».

Да, имперская, «барская любовь» оскорбляет способных почувствовать оскорбленность – или, хуже того, рождает (родила!) то престранное явление, которое называется вкупе «братскими литературами» и где мириады графоманов используют свое льготное положение «меньших братьев», с которых и спрос мал. Имперский, «барский гнев» вызывает противодействие, заставляя обороняться не только от российской имперской угрозы (то есть против имперской, принятой за российской), но и от русской культуры тоже, внося в понятие национальной гордости нечто противоестественное.

Как человек русский искренне не понимаю гордости таковым своим положением – не говоря уж о том, что в Евангелии, ставшем основой нашей морали и даже фразеологии, понятие гордости неотделимо от понятия греха. Но так или иначе – чем гордиться? Составом крови? Вульгарно, глупо, пошло и подло. Причастностью к русской культуре? Однако здесь такая тяжесть ответственности, что не до гордости...

Впрочем, это сугубо мое дело и право – национальное, историческое да и субъективное, наконец. Понять, почему это: «горжусь, что я...» тот-то и тот-то – исходит из уст представителей прочих «братских» народов, мне лично куда способней. Но ведь и эта гордость – трижды вынужденная, четырехжды закономерная, обреченная на живое сочувствие – сбивает людей в сообщество если не вопреки, то помимо их нравственной индивидуальной сущности. По принципу не сложения, а вычитания: «мы не такие, как вы»...

Путь от «просто» особи к личности, от племени, рода – к народу естествен. Но, к несчастью, он обратим. И страшен, что уже многократно нам доказали Сумгаит, Фергана, Душанбе. Может ли сознавать греховность пролитой крови тот, кто установил для себя совершенно иные, чем в окружающем мире, правила? «Мне говорят, что я подлец. Хорошо, я подлец. (Вновь – шамламовский анализ «жюльнической крови».) Я подлец, и мерзавец, и убийца. Но что из этого? Я не живу вашей жизнью, у меня жизнь своя, у нее другие законы, другие интересы, другая честность!» – так говорит блатарь».

«Хорошо, я – подлец... Но...» – следовательно, в своем сознании не подлец, не убийца, а свободный от общечеловеческой морали человек (как, допустим, Гитлер или как Сталин), а такая свобода всегда для кого-нибудь – случается, и для самых широких масс – загадочна, недоступна и обаятельна. Оттого, кстати, так и романтизирован блатной – не одним Погодиным, взявшим подряд на приукрашивание «социально близких», но и свободными от прагматических помыслов горьковским «Челкашом» и «Одесскими рассказами» Бабеля (правда, в отличие от его же «Заката»). А уж что говорить о ро-

мантизации Сталина, свершенной усилиями не одной пропаганды, но и людским неумением объяснить его внечеловеческую, вне нравственную, «блатную» свободу иначе, как непостижимостью гения.

«...Сталин никогда не считал себя убийцей», – скажет в «Декаде» Семен Липкин об этом всесоюзном пахане. И добавит нечто, для нашего разговора особенно важное: «Его неслыханная подозрительность была обычной подозрительностью племени, рода, колена – в другом племени, роде, колене всегда таится опасность! Но постепенно получалось так, что он один стал целым племенем, а все, что не он...»

Прервемся. Вспомним: «...А все иное – не я и не ты, не нашей крови...» И коли так – «задушим!»

«...Все, что не он, было племенем чужим, враждебным, коварным, даже грузины, которых он убивал с еще большей свирепостью, чем других, потому что они лучше его понимали...»

Этот путь человека, в данном случае – Сталина, к нравственному, личностному растлению, самоуничтожению, – так же, как его политика репрессий по отношению к целым народам (в которой так упорно и, по-моему, до сих пор тщетно ищут какую там никакую, но человеческую, личностную логику, в то время как здесь все алогично, ибо у расчеловечивания, у обезчеловечивания, у распада логики быть не может), – словом, и эта каннибальская политика вела к самоуничтожению сталинской империи. А стань она глобальной – скажем, объедини Сталин свои усилия с другим «блатным», с Гитлером, – грозила бы уничтожением всему человечеству.

Не сбылось – слава Богу! Но не возник ли – под знаменем христианского Бога или Аллаха, но на деле во славу Воланда и во исполнение его обаятельно-страшных предначертаний – новый порыв к самоуничтожению? Изнутри народов, путем их возвращения к законам рода, племени, крови...

ЧАСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Мною получено письмо от д-ра Гюнтера Османа, адвоката г-жи Пирожковой, редактора журнала "Голос Зарубежья", издающегося в Мюнхене. Он требует от ее имени, чтобы я опубликовал следующий текст:

Widerruf:

Ich habe im September 1990 bei einem Interview einem Reporter bzw. Redakteur der Moskauer Nachrichten (Moskauer News) unter anderem erklärt, die Zeitschrift "Golos Sarubeshija" sei eine klassisch nazistische und antisemitische Zeitschrift.

Diese Behauptung ist unrichtig, ich widerrufe sie hiermit.

gez. Kronid Ljubarskij

Выполняю просьбу г-жи Пирожковой с тем большей готовностью, что на самом деле даже в опубликованном тексте интервью вызвавшие возражения Пирожковой конкретные определения отнесены к другому журналу – "Вече", и эти определения я готов защищать в любом суде. Возможность же переноса их на журнал "Голос Зарубежья" возникла в результате редакционных сокращений текста интервью, который не был мною авторизован.

Кронид Любарский

КОММЕНТАРИЙ

Мы уже обращали внимание читателей на оценки журнала "Страна и мир", появляющиеся на страницах "Голоса зарубежья":

"Журнал был противным, потом скучным; теперь он становится... страшным. В нем бурлит и клокочет сжигающая ненависть к России и русским, нечеловеческая, поистине сатанинская. Никакого сравнения с тупыми, наукообразными поклепами национал-социалистических немцев... Опыт показывает, что данный тип фанатиков, заживавших некогда костры религиозных преследований, организовывавших концлагеря нашего века, служивших в должности палачей, извлекая из своей работы садистические наслаждения, почти всегда кончают тяжелыми нервными или психическими заболеваниями..." (№ 5—7, июнь 1990 г., В.Рудинский).

"...в "Стране и мире" прорывается порою отзвук фашизма..." (№ 40, март 1986 г., В.Рудинский).

"Страна и мир" — или филиал угрозыска?.. андроповщина, или неосталинизм, — идеал журнала... журнал, гордо назвавший себя Страной и миром, выступает на деле против, как он говорит, рабочей массы и за андроповщину" (№ 38, сентябрь 1985 г., Е.Кармазин").

Хотя в данном случае речь идет не об интервью другому органу печати, а о текстах, напечатанных в собственном журнале, мы извинений или исправлений не ждем. Для них нужен другой этический уровень.

*

Поскольку журнал "Голос зарубежья" мало известен в Советском Союзе, приводим из него ряд цитат, которые говорят сами за себя. Статьи, опубликованные в порядке дискуссии, или те, что сопровождаются возражениями редакции (что бывает часто) мы не цитируем. Мы вполне отдаем себе отчет, что мнения авторов журнала не всегда совпадают с мнением редакции, однако, если, например, г-н Рудинский выступает в *каждом* номере журнала, начиная с № 2, ведя в нем *постоянную* рубрику, позволительно заподозрить совпадение взглядов редакции и автора.

"Трудно перечислить тут все заграничные телефонные разговоры и жесты, ведшиеся и проделанные "защитником прав человека" профессором Сахаровым, живущим в Москве. Многие из этого могло быть воспринято и в "нормальном" государстве как противогосударственная деятельность (как например, телеграмма персидскому шаху с просьбой не выдавать бежавшего на самолете советского летчика!). Перед всем миром он разоблачает якобы всемогущий КГБ, и даже бьет по лицу майора КГБ на каком-то процессе(!), и волос не падает с его головы. Наоборот, ему дают казенный автомобиль для получения в американском посольстве послания президента Картера. Он явно находится вне сферы досягаемости политических органов. Тем не менее весь мир (и мы тоже) загипнотизирован какой-то фантазией, над которой — если бы нам ее рассказали несколько лет тому назад — мы очень смеялись, и еще больше смеялись бы над наивностью того, кто бы мог поверить реальной возможности такой фантазии. Все это противоречит здравому рассудку, если помнить о всем том, что мы знаем о советских методах и советском строе, начиная с 1917 года по 1977 год. Теперь же об этом молчат. В крайнем случае передают иногда быстро, быстро, стесняясь немного, известия о подвигах Сахарова, когда нас уж слишком заметно вводят в мир сюрреалистической сказки. Кто-то, как видно, очень заинтересован в принудительности этой рекламы. (Сахаров, конечно, подвергается "репрессиями". Иногда получает "предупреждение" от прокурора, иногда ему угрожают избитой шуткой отказа в прописке в Москве, что не менее гротесково)" (№ 11, декабрь 1978 г., И.Мацкевич).

"Повальное увлечение борьбой за гражданские права среди диссидентов понятно: кому хочется заниматься черной кропотливой работой, направленной на свержение коммунизма, к тому же страшно и опасно, да и от Запада аплодисментов не дождешься. А здесь... и "голоса" раструбают, и общественное мнение, естественно, Запада, щекочет самолюбие, а повезет — глядишь, кагебешники предоставят бесплатную путевочку в Вену" (№ 21, июнь 1981 г., В.Шапиль).

"...трюк с "правами человека" состоит в том, чтобы под этим лозунгом отвлечь внимание от вышестоящего зла (т.е. самого коммунизма) и растворить его в бесконечном множестве отдельных несправедливостей, переносимых людьми во всем мире, независимо от режима" (№ 11, декабрь 1978 г., И.Мацкевич).

"Р.Гуль рассказывает о пребывании в Англии... Любопытны приводимые им умные слова английского писателя С.Грэма, при их встрече позже, после 2-й мировой: "Какая жалость, что Гитлер не победил... Жалость потому, что Сталин хуже и опаснее Гитлера". Гуль делнно замечает: "Сейчас, в 1984 г... слова Грэма представляются мне провиденциальными"... Главный интерес журнала ("Страна и мир" — К.Л.) сосредоточен на еврейских проблемах, чуждых и не всегда симпатичных русской публике. К числу сего рода материалов относится интервью с С.Визенталем, прославившимся неумолимым преследованием бывших национал-социалистов. По нашей славянской психологии нам трудно понимать месть за преступления более чем 30-летней давности" (№ 36, март 1985 г., В.Рудинский).

“Салазар отличался качествами, чрезвычайно редкими среди общественных деятелей, а именно скромностью и искренностью. Как человек верующий и патриот, он для своих преобразований придерживался идеологии, основанной на почвенных традициях, желая прежде всего укрепить семейное начало при сохранении всех ценностей общественного быта. Не имея ораторских талантов Муссолини и Гитлера, которых он пережил, Салазар трудился в уединении своего незатейливого домика возле Лиссабона, был неизменно со всеми прост и приветлив в обращении, всячески избегая шума и рекламы, и, подобно мудрецам древности, посвящая свои редкие досуги саду, огороду и детям, которых очень любил, сам всю жизнь оставаясь холостым и ведя почти аскетическую жизнь. Как и Франко, с которым он нередко общался как с испытанным другом, он полагал, что до всякого разговора о монархической реставрации прежде всего следовало укрепить государство внутренне и внешне... В своих обращениях Салазар неоднократно выделял преимущества корпоративного строя перед демократией и марксизмом во всех их видах... Для нас, русских, мысли Салазара и его продуманная государственная система корпораций (т.е. артелей древней Руси) несомненно окажут услугу для возрождения Российской Империи, первой жертвы мирового коммунизма” (№ 35, декабрь 1984 г., Н.Воейков).

“...ни для кого не секрет (и много раз констатировалось в печати), что большевики отбросили на задворки, выгнали за границу или уничтожили русскую интеллигенцию, отказавшуюся (кроме отдельных субъектов) им служить, и заменили ее еврейской, легче поддававшейся выполнению их требований. Превращать данную ситуацию в абсолютное правило есть, конечно, глупость (можно назвать немало честных евреев-литературоведов и бесчестных русских). Но зерно правды тут налицо” (№ 57, июнь 1990 г., В.Рудинский).

“Вот вы с ярой ненавистью упрекаете русских в еврейских погромах. Но как давно они происходили! Вряд ли найдутся у Вас читатели, видевшие своими глазами еврейский погром, и уже наверно ни одного, принимавшего когда-либо участие в погроме. А вот разрушение русской культуры, всероссийский погром Церкви, крестьянства, интеллигенции, расстрелы, концлагеря, — этот погром мы помним все; он и сейчас не закончился. И потом: там жертвы считались единицами, от силы десятками, а у нас — миллионами” (№ 47, декабрь 1987 г., В.Рудинский).

“Политически вынужденное вмешательство России в восточные дела возбудило против нее зависть европейских империалистов, эксплуататоров так называемых “колоний”. Зато справедливое христианское отношение русских к инородцам в имперской семье народов, не стесняемых в своих верованиях и культурных традициях, завоевало навсегда Белому царю совершенно исключительный во всех странах Востока престиж, коего не имел ни один западный государь” (№ 40, март 1986 г., Н.Воейков).

“В СССР бурно возрождаются те самые идеи, которые заграничная молодежь презирала и отвергала, — хотя им-то ее отцы ее и учили! Православная вера, любовь к отечеству, — которому все чаще дают прежнее имя России, — не суть ли сейчас доминирующие принципы идущего у нас в стране воскресения? И раз за разом взмывают над ним облики русских царей, особенно умученного красными злодеями последнего Государя с семьей. Вот и о причислении их к лику святых в эмиграции спорят, — а в России народ его давно признал...” (№ 49, июнь 1988 г., В.Рудинский).

“Бог поругаем не бывает. И мы сегодня являемся свидетелями этого. Распространившаяся в первую очередь среди гомосексуалистов болезнь, названная в США болезнью ЭЙДС, начала поражать современных содомлян... наступил момент кары Божией, осуществляемой выборочным методом постепенного истребления содомлян путем распространения страшной болезни ЭЙДС. И только слепцы и не желающие видеть правды не понимают, что они присутствуют при страшной казни нечестивцев, своими грехами переполнивших чашу гнева Божия. И сколько бы ни стремились врачи, исполняя свой долг, найти средство для спасения от этой болезни, — их попытки в конечном итоге не будут иметь успеха. Идет Божий суд, суд страшный и одновременно справедливый, направленный на защиту человечества от страшных последствий распространения содомского греха и всего связанного с ним” (№ 39, декабрь 1985 г., Д.Константинов).

“Спрашивается: правильно ли поступают ученые, которые усиленно мучают ни в чем не повинных животных, чтобы найти прививку против ЭЙДС и тем самым снова открыть широко ворота для разврата и всех содомских грехов?” (№ 39, декабрь 1985 г., В.Пирожкова).

И так далее...

Эх ты, царь наш батюшка,
Александр Второй!
Знать, и вправду бубны-то
славны за горой.
Знать, покуда в Питере
Тешили слова,
Думал ты, пируючи:
"Все, мол, трын-трава!
И в освободители
Попаду, мол, я,
И с моими барами —
Будем мы друзья.
Мужику помажу я
Медом по усам,
А другой-де воля я
Все ж ему не дам.
В некой постепенности
Отыщу матёрью
Удовлетворить зараз
Всю мою имперью..."

Эх ты, царь наш батюшка,
Я простой мужик —
И к словам заморским
Вовсе не привык.
Мне бы как попроще-то:
Посулил — подай,
Хочешь да — скажи, а нет —
Рта не разевай.
В промежутке пустошном
Между да и нетом
Смыслу не найти тебе
С всем твоим Советом.
Был бы ты, царь-батюшка,
Сам себе не враг —
Верно не втесался бы
В постепенный мрак,
А с начала с самого
Нам бы землю дал,
Без оброков-выкупов
Всех бы развязал...

Ну, с Литвой как рядышком
Если наш народ
В неповиновении
Выгоду поймет?
Если Псков да Новгород
Да смоленский люд,
А потом московские
К ним же подойдут.

Да по всей империи
Русский весь народ —
На неправосудие
Вдруг возопиет:
"Ну-тка, царь, развязывай!"
Нет уж, тут с рубля
Двадцатью копейками
Отлынять нельзя.
Видишь ли, царь-батюшка,
В страхе нет добра,
С ним — чего мудреного —
Побежишь с двора.
Знамо, тучу Божию
Не сшвырнешь на вилах —
Ты сознайся попросту,
Что владать не в силах.
Обратись-ка к земщине,
Созови собор,
Да народных выборных
Слушай приговор;
Слушай во смирении,
Головой склонись,
Разуму народному
Сам-то поучись.
Да спеши, царь-батюшка,
Чтоб не запоздать,
Не пришлось бы земщину
Без тебя сзывать...

Если я, царь-батюшка,
Что сказал не в лад —
Ты уж не взыщи на мне,
Я не виноват.
Твой покойный тятенька
Человек был строг,
Всех, кто был пограмотней,
Гнул в бараний рог.
Мы учились без толку,
Как-то на авось...
Впрочем, свет царь-батюшка,
Ты меня не бось,
Человек я маленький,
Смирный, не буян,
Чином не запятанный
И не из дворян.
Я не вор, не взяточник,
Не шпион какой,
Купленный и проданный,
А мужик простой...
Пока верноподанный

Фирс Холмогоров

